

№ 8 / Цена 5 руб

Америка

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Женатые уже полвека, мистер и миссис Альфонсо Ла Фальче стоят перед своим домом в Покипси (штат Нью-Йорк). Семья, церковь и друзья, заполнившие их жизнь с тех пор как они прибыли из Италии в Америку, — все участвуют в праздновании золотой свадьбы (стр. 2-5). Фото Роберта Моттара.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Мальчугана, остановившегося на минутку во время велосипедной прогулки по Нарбрукскому парку в Нарбете (Пенсильвания) близ Филадельфии, почти не видно за стеной вишневых деревьев в весеннем цвету. Фото Лоренса С. Уилльямса («Рафо-Гиллюмет»)

НА ВТОРОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Превращение во взрослых людей — цепь радости и волнующих переживаний для Джуди Фехер и Боба Зиба. Жизнь их в школе и дома полна забот и забав, но они уже строят планы того недалекого будущего, когда станут совсем взрослыми. Их времяпрепровождение (стр. 15-19) типично для молодых американцев. Фото Боба Лернера (журнал «ЛУК»).

2 ЗОЛОТАЯ СВАДЬБА

Фото Роберта Моттара

6 МИКРОБЫ НА СЛУЖБЕ У ЧЕЛОВЕКА

С разрешения журнала «ТУДЭЙС ХЕЛТ»

9 ВЕСНА НА ФЕРМЕ

С разрешения журнала «ЛАЙФ»

12 ОН ИЗМЕНЯЕТ ОБЛИК ЗЕМЛИ

С разрешения журнала «ПОПУЛАР МЭКАНИКС»

15 МОЛОДЕЖЬ

С разрешения журнала «ЛУК»

20 УДАЛЬЦЫ НА БРЕВНЕ

С разрешения журнала «ЛИНКОЛЬН-МЕРКУРИ ТАЙМС»

22 ПРИБЕЖИЩЕ ДЛЯ ДРУЗЕЙ И СОСЕДЕЙ

С разрешения журнала «ФРЕНДС»

24 В НАЦИОНАЛЬНОЙ ГАЛЕРЕЕ

Марджори А. Ярес и Мария К. Иланд

34 ДЕТИ ОСТАЮТСЯ ДЕТЬМИ

Вайолет Вуд

39 СУДЬЯ ПЕРЕД ВАЖНЕЙШИМ ДЕЛОМ СВОЕЙ ЖИЗНИ

С разрешения журнала «ЛАЙФ»

42 В ПОИСКАХ ЧЕТВЕРТОГО

Фил Камерон

44 ПЛАТЬЯ ДЛЯ ГОРОДА

С разрешения журнала «ЧАРМ»

46 УКРОТИТЕЛИ УРАГАНОВ

Доналд У. Лиф

50 КИНОРЕЖИССЕР УИЛЛЬЯМ УАЙЛЕР

С разрешения журнала «ФРЕНДС»

53 С ВЕСНОЙ НА СЕВЕР

Эдвин Уэй Тил

56 ЮМОРИСТ ДЖЕМС ТЭРБЕР

Ольга Арнольд

ИЗДАНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА США

Фото с разрешения: Стр. 6, сверху — Министерство земледелия США, внизу — Лайонел Фридман («Мерк энд компани»); 7, «Ледерл лабораторис»; 8, «Чарльс Пфайзер энд компани»; 12-13, Р. Г. Летурно; 20-21, Боб и Айра Спринг; 24-27, Ролли Маккенна; 28-33, Национальной галереи, Вашингтон; 34-35, внизу — Дженив Нейлор (журнал «МАКРОЛЛС»); (2) Герб Гер (журнал «ЛАЙФ»), Дженив Нейлор, сверху — Герб Гер (журнал «ЛАЙФ»); 36-37, внизу — Герб Гер (журнал

«ЛАЙФ») (4), сверху — Дженив Нейлор (журнал «МАКРОЛЛС») (3); 44, слева — Луис Форер, справа — Кармен Скиавоне; 45, слева — Луис Форер, справа — Мария Мартель (2); 46, Роберт Уилер (журнал «ЛАЙФ»); 47, Военно-воздушных сил США; 48, Военно-морских сил США; 49, сверху — Военно-морских сил США (2), внизу — Министерства обороны США; 50-52, Дон Орниц (агентство «Глоб»); 53-54, Ролли Маккенна; 56, слева — Филипп Халсман, справа — Джемс Тэрбер (журнал «ТАЙМ»); 57 — до внутренней страницы обложки, рисунки Джемса Тэрбера.

ФОТО РОБЕРТА МОТТАРА

Золотая свадьба

Альфонсо и Розария Ла Фальче повторяют брачные обеты в день своей золотой свадьбы. Старый друг семьи, отец Сальваторе Кантаторе, служил торжественную свадебную мессу.

Мягкий и ясный день 17 июня прошлого года был для Альфонсо и Розарии Ла Фальче очень торжественным днем: это был день их золотой свадьбы. Больше ста родственников и друзей собрались отпраздновать знаменательную годовщину. Они присутствовали при повторении брачных обетов (вверху) и приняли затем участие в веселом банкете.

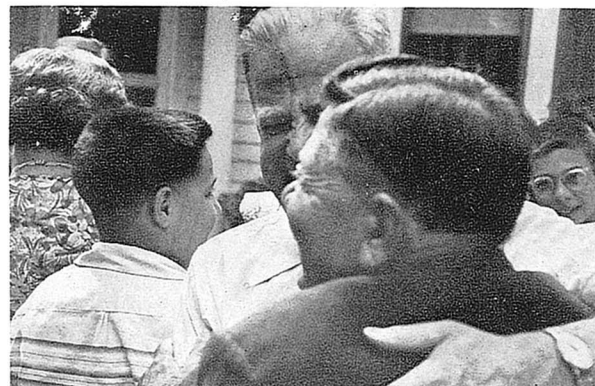
Охваченные радостным чувством мистер и миссис Ла Фальче беседуют с друзьями и вспоминают те годы, когда они впервые приехали из Италии в Америку. Альфонсо было тогда, в 1903 г., 19 лет. Получив работу, он послал за Розарией, героиней полудетского романа. Она приехала, они обвенчались. Не было у них ни денег, ни образования, говорить по-английски они не умели. Но они могли предложить Америке свои силы, трудолюбие, бережливость, благочестие, мужество.

Прошедшие с тех пор годы были благосклонны к Альфонсо и Розарии. Разбогатеть они не разбогатели, но они хорошо прожили свою жизнь. У них родилось одиннадцать детей. Дети выросли в Америке, одни еще учатся в школе, другие работают или заняты домашним хозяйством. Их семья насчитывает теперь 53 человека, и они пользуются уважением и любовью всех окружающих. В день своей золотой свадьбы оба Ла Фальче бросили взгляд на прошлое — и крепко обнялись.

По возвращении из церкви в их удобный дом из девяти комнат в окрестностях Покипси (город в штате Нью-Йорк), чету Ла Фальче приветствует любящая семья и толпы соседей, пришедших выразить свои лучшие пожелания.

Пока толпа гостей входит в дом, чтобы отведать обильное угощение, мистера Ла Фальче сердечно обнимает его старый друг. Один из многочисленных внуков Ла Фальче (справа) смотрит, улыбаясь, на эту сцену.

Мистер Ла Фальче целует улыбающуюся Розарию. Пятьдесят лет тому назад он ехал с ней к венцу в экипаже, запряженном белой лошадью.

Миссис Ла Фальче обнимает свою младшую дочь, сестру Мэри Роз. Они держатся за руки и смеются от радости, по случаю торжественного события.

Дочь Елена одевает отцу цветок в петлицу, внук надевает ему шляпу, и вся семья готовится к большому торжеству в честь родителей.

Мистер Ла Фальче приветствует внука, поглаживая ее по щечкам.

Члены семьи и соседи собираются на торжество Ла Фальче

Джонни Ла Фальче помогает племяннику, страстному фотографу, снять на банкете деда с бабушкой.

Патер Кантаторе предлагает тост на банкете, данном в здании Центра итальянской общины.

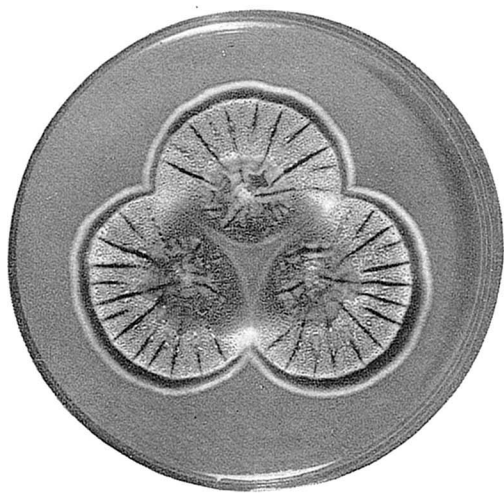
Три поколения семьи приняли участие в праздновании дня золотой свадьбы Альфонсо и Розарии Ла Фальче (сидят, на первом плане). После утренней мессы в церкви, принадлежащий Ла Фальче просторный дом, в котором они вырастили девятерых сыновей и двух дочек, наполнился радостными звуками. Детвора веселилась вовсю, бегая по дому и хватая сласти, предназначенные для более солидных гостей. Оживленная беседа взрослых — по-итальянски и по-английски — часто прерывалась раскатистым смехом. Погода была так хороша, что столы были накрыты на дворе; невестки подавали к столу, а миссис Ла Фальче радушно приветствовала гостей и занимала их разговорами. Десятки соседей заходили в дом, чтобы вместе с родственниками поздравить юбиляров, поговорить о прошлом и попробовать угощение. Трудно сказать, кому празднование доставило больше удовольствия — взрослым или детям. Для Ла Фальче это был день полный гордости: они по праву могли гордиться детьми (из которых трое владели собственными предприятиями), внуками и искренним уважением соседей. Даже воспоминания о тяжелой работе, требовавшейся для того, чтобы вырастить детей, изгладились под влиянием теплого чувства, вызванного празднованием золотой свадьбы.

После банкета дети, не интересуясь воспоминаниями о прошлом, все еще лакомятся пирожными, а родители собрались во внутреннем дворике дома Ла Фальче и пьют прохладительные напитки.

Мистера и миссис Ла Фальче торжественно усадили в кресла, чтобы запечатлеть на коллективном портрете все три поколения семьи.

МИКРОБЫ НА СЛУЖБЕ

ДЖ. Д. РАТКЛИФФ С разрешения журнала «ТУДЭЙС ХЕЛТ»

Все производящие пенициллин грибки всего мира были выведены из этой первичной культуры, найденной в загнившей канталупе.

В семи обыкновенных домашних рефрижераторах лаборатории города Пеория (штат Иллинойс) заключено больше потенциальных богатств, чем в кладовых всех банков Соединенных Штатов: в них хранится самая большая в мире коллекция промышленно используемых микробов — дрожжей, плесневых грибов и бактерий. За пять лет одна из культур Пеории дала пеницилина на 750 миллионов долларов (три миллиарда рублей). Другие произвели огромное множество витаминов, кислот для промышленности и иных продуктов.

Многие микробы — враги человека: они являются причиной заболевания растений, животных и людей, отравляют реки, вызывают гниение дерева и изделий из него. Но есть и микробы-друзья: они помогают нам изготовлять сыр, простоквашу, пиво и длинный ряд других пищевых продуктов. Не будь микробов, уничтожающих растительность, она давно бы задушила наши ручьи и реки, и густые заросли покрыли бы всю сушу. Без всяких расходов со стороны фермеров, почвенные микробы поглощают азот из воздуха и щедро удобряют им землю: без микробов это стоило бы бесчисленные миллионы долларов ежегодно.

Новая страница в истории микробов — это все растущее применение их в промышленности. Быстро и дешево они производят чудодейственные химические превращения, которые было бы слишком трудно и дорого выполнять лабораторным путем.

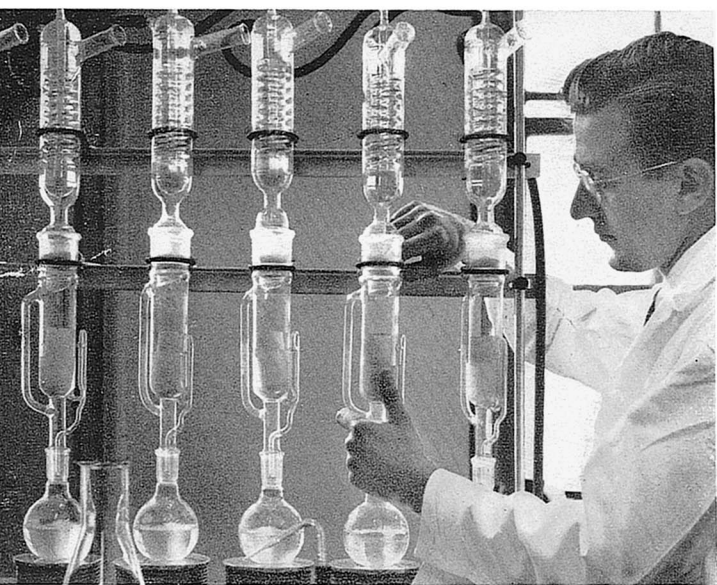
Микробы неприхотливы и ничем не брезгают. Устраивая себе пиршество из отходов, они превращают сточные воды в ценные витамины, отходы бумажных фабрик — в корм для скота, дешевую черную патоку — в ценный исходный материал для производства красок и пластмасс. Один препарат микробного происхождения стимулирует рост цыпленка и увеличивает продукцию курятины на 25 миллионов долларов в год. Другие микробы упростили производство кортизона до такой степени, что цена его упала с 210 долл. за грамм до 7,10 долл., благодаря чему этот замечательный препарат стал доступен миллионам людей.

В огромных цистернах и чанах микробы проделывают свои чудеса. Когда их значение было признано, в Голландии и Англии, а затем и в других странах, появились «зоологические сады» (т. е. питомники) микробов. Соединенные Штаты имеют три крупных питомника: один — Американская коллекция типовых культур в Вашингтоне, другой — в университете имени Ратджерса в штате Нью-Джерси и третий — при Северной лаборатории для применения открытий в Пеории, находящийся в ведении Министерства земледелия США.

Лаборатория в Пеории обладает величайшей в мире коллекцией микробов, используемых в индустрии. В ее холодильниках хранится 9.000 типов дрожжей, бактерий и плесневых грибов, уже изученных и классифицированных; 10.000 видов еще ожидают изучения.

Ученый, работающий в этой лаборатории, открыл плесневой грибок, от которого пошел почти весь мировой запас пеницилина. Он нашел грибок в загнившей канталупе (мускусной дыне). Из зачухавшего хлопчатника, привезенного из Судана, лаборатория извлекла безвредный дрожжевой грибок, оказавшийся настоящим чудотворцем, — он стал главным производителем витамина В₂ (рибофлавина); последний, в огромных количествах — на миллионы долларов, идет на обогащение хлеба и разных круп, съедаемых нами за завтраком. Без прибавки этого витамина к кормам, цыплята часто остаются карликами с изуродованными лапками и поросята останавливаются в росте. До открытия грибка витамин В₂ производился сложным синтетическим способом, и фунт его стоил 8.000 долларов. Но грибок оказался столь обильным производителем, что цена сразу упала до 27 долларов.

Другой микроб попал в лабораторию от местной фирмы, занимающейся разливом напитка «рут-бир». Посуда почему-то покрывалась студенистым осадком. Не могла ли бы лаборатория дать совет, как ликвидировать этот дефект? Исследование показало, что источником зла была бактерия,

Этот сложный экстракционный аппарат применяется микробиологами для изыскания различных стеариновых соединений, могущих послужить исходными материалами для добывания кортизона.

У ЧЕЛОВЕКА

обращавшая сахар в крахмалистое вещество — декстран.

Почти в то же время шведские ученые нашли, что декстран является почти идеальным заменителем кровяной плазмы: он дешев, может сохраняться неопределенно долгое время и не вызывает разлития желчи (величайший недостаток кровяной плазмы). Шведские ученые испробовали декстран на 5.000 пациентов, и результаты оказались превосходными.

Американская армия, клиника Мэйо и другие учреждения проверили и подтвердили опыты шведов; с тех пор армия решила применять новый препарат вместо плазмы в качестве кровоувеличительного вещества (но не заменителя цельной крови). Четыре фабрики стали пользоваться микробом «рут-бира» для производства декстрана.

Всюду, где только микробиолог находит отбросы, он видит поле деятельности для микробов. Долгие годы сульфитные отбросы бумажных фабрик являлись непосредственным источником заражения рек и гибели рыб и водорослей. А нет ли, задали себе вопрос микробиологи, таких микробов, которые питались бы древесным сахаром в сульфитных отбросах? И микробиологи нашли дрожжи, тучневшие на этой пище и буйно на ней размножавшиеся. Высушенные и спрессованные, дрожжи с высоким содержанием протеина оказались отличным кормом для скота.

Ряд заводов для производства дрожжей таким способом возник в США, Канаде и скандинавских странах. Один завод в штате Висконсин производит в год 41.000 тонн дрожжей, покончив попутно с проблемой заражения проточных вод. Другие заводы производят из тех же отбросов спирт для промышленных целей.

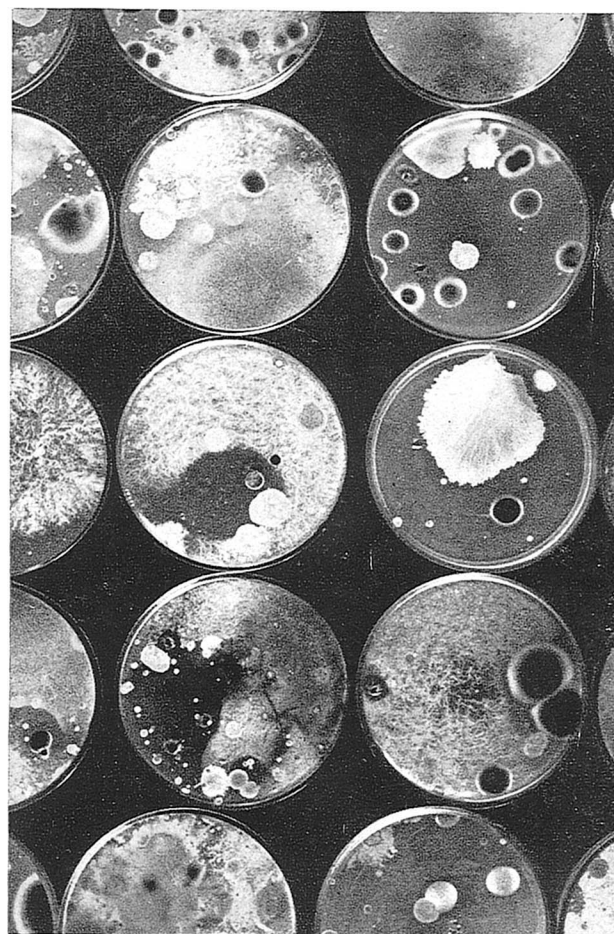
Другое замечательное применение нашли себе энзимы или ферменты — органические химические соединения, вырабатываемые живыми клетками и способствующие химическим реакциям. В пищеварительном тракте энзимы разлагают жиры, протеины и сахар, перерабатывая их в питательные вещества, которые

усваиваются организмом и обращаются в энергию или в ткани. Микробы вырабатывают энзимы, чтобы помочь своим пищеварительным процессам. Почему бы нам не использовать эти ферменты для уничтожения твердых примесей, скопляющихся в городской канализационной сети и в выгребных ямах при домах?

Химико-фармацевтическая фирма «Кемикал ресерч продэктс» в Уилмингтоне (Калифорния) использовала эту идею с блестящим успехом. Энзимы, растворяющие жиры, прочистили сточные и канализационные трубы в домах и гостиницах, а другие ферменты разжижили отбросы в мусорных ямах. В городе Глендэйл, в Калифорнии, канализация была переполнена, и город намеревался уже проложить дополнительную сеть труб, что обошлось бы около миллиона долларов. Энзимы разрешили проблему: они растворили скопления твердых отбросов, которыми были забиты канализационные трубы и повысили их пропускную способность примерно на 50 процентов. Стоимость операции — 75 долл. в месяц. Чистка небольшой домашней выгребной ямы путем примеси энзимов, пожирающих протеины, жиры и углеводы, обходится домохозяину всего лишь в 3 долл. в год. Операция эта чрезвычайно проста: раз в месяц энзимы спускаются струей воды в уборной.

Микробы — превосходные производители сложных технических кислот, которые нельзя или очень трудно получить иным способом. Долгое время Италия обладала мировой монополией производства лимонной кислоты, идущей на изготовление конфет и безалкогольных напитков, а также в тесто. Добывалась лимонная кислота из цитрусовых плодов. Затем был открыт микроб, делавший то же дело дешевле и лучше. Наслаждаясь дешевыми сортами сахара, этот плесневой грибок производил невероятные количества лимонной кислоты. Грибок положил конец итальянской монополии, сбил цену кислоты на 75 процентов и превратил Соединенные Штаты из импортера в экспортера.

Появились и другие микробы, произво-

От таких обыкновенных почвенных грибов, как эти, произошли, в лабораторных чашках Петри, сильнейшие новые медикаменты из семейства стрептомицина и оромицина.

В этих огромных баках производятся улучшенные антибиотики для мирового рынка. Лишь немногие полученные в лабораторных условиях антибиотики сохраняют необходимые постоянные свойства.

дающие ряд необходимых для промышленности кислот: бутанол — для автомобильных красок, фумаровую кислоту — для смол, глюконовую кислоту — для лекарств, и т. п.

В большинстве случаев микробы завершают целый ряд химических реакций, в результате которых дешевый исходный материал превращается в ценный конечный продукт. В других случаях они проделывают только часть производственного процесса. Таков, например, случай с витамином А: микробы принимают на себя только ту часть процесса, которая была бы трудна и дорогостояща в лаборатории.

Кортизон первоначально добывался из бычьей желчи; суточная доза кортизона для одного больного артритом требовала желчи от 40 быков. При этом производство кортизона было самым сложным, пожалуй, из всех известных производственных процессов: оно состояло из 32 труднейших химических преобразований. Немудрено, что и цена была астрономическая.

Затем на помощь пришли микробы. Исследователи в лаборатории фармацевтической фирмы «Эпджон компани» открыли микробы, действующие на дешевые исходные материалы и частично синтезирующие кортизон; оставалось лишь дополнить их работу несколькими простыми химическими реакциями и завершить производство препарата. В результате цена кортизона упала настолько, что он стал доступен для всех.

Микробы совершили еще один подвиг, никем

не воспетый, однако в высокой степени ценный. Медицина в значительной степени обязана им замечательными открытиями последних лет. До недавнего времени объектом почти всех медицинских опытов служили кролики, морские свинки и крысы. Процедура была дорогостоящая и длительная. Например, чтобы подвергнуть испытанию действие какого-либо витамина, надо было сперва удалить этот витамин из организма животного, а затем наблюдать, какое действие окажут вводимые в организм отмеренные количества витамина. Испытания могли длиться недели, месяцы, даже годы. Далее оказалось, что вместо подопытных животных могут быть использованы микробы. В течение нескольких часов, максимум дней, они дают ответ, для которого раньше требовалась напряженная работа и продолжительное время.

Исследования с целью нахождения лучших «пород» микробов и наиболее заманчивых лакомств для известных уже разновидностей идут непрерывно. Результаты часто бывают блестящими. С тем же сырьем, оборудованием и рабочей силой — лучшая «порода» может удвоить, даже утроить продукцию.

Ученые Пеории постоянно производят опыты и над микробами уже испытанного качества. Они подвергают их химической обработке и действию рентгеновских и ультрафиолетовых лучей для получения, посредством мутаций, новых улучшенных разновидностей. Один из научных сотрудников лаборатории, доктор Линфред Уикерхам, разработал чрезвычайно тонкую лабораторную технику получения дрожжевых грибов-гибридов.

Дрожжевые грибки, обладающие желательными качествами, скрещиваются друг с другом с целью получения новых, более совершенных линий. Эти опыты еще не дали практических результатов, но перспективы, открывающиеся перед «сделанными на заказ» дрожжами, поразительны. Можно надеяться, что они приведут к созданию лучших сортов хлеба, более тонких вин, более дешевого алкоголя для промышленных целей.

Другие ученые работают в Пеории над подысканием наиболее заманчивого питания для микробов, чтобы побудить их к более интенсивной выработке требуемых веществ. Ведущим ученым в этой области является доктор Эндрю Мойер. Первоначальный плесневой грибок пенициллина (его открыл в 1928 г. сэр Александр Флеминг) давал всего лишь две единицы пенициллина на один кубический сантиметр питательной жидкости. При такой ничтожной производительности пенициллин никогда бы не получил массового применения. Но улучшенные микробы и лучшее их питание, найденное д-ром Мойером, повысили производительность до 1.800 единиц — и производительность продолжает расти. Этот успех сделал возможным массовое производство пенициллина и спас жизнь огромному множеству людей.

Д-р Мойер нянчит и выхаживает микробов; словно интуитивным чутьем угадывает он, что им нужно для роста. Он пробовал кормить их блюдами с собственного стола и даже давал им отведывать пива. Три года назад он сделал открытие, принесшее промышленности миллионы. Ядовитый древесный спирт, казалось бы,

никак не мог прийти по вкусу микробам. Но, подумал Мойер, быть может древесный спирт способен задержать развитие микробов; в таком случае, возможно, они начнут тратить меньше энергии на собственный рост и больше — на производство нужных нам химикалий. Он проверил свою идею на микробе лимонной кислоты — и производительность одним скачком увеличилась на 60 процентов.

Микробиологи понимают, что они лишь едва коснулись неизмеримых возможностей своей обширной области. На каждое сделанное ими открытие приходится тысяча потенциальных. Им предстоит, например, изучить микробы, гнездящиеся в пищеварительном аппарате термита и позволяющие этому насекомому превращать дерево в жиры, протеин и другие элементы живой ткани. Лишите термита этих микробов — и он скоро умрет с голоду. Нельзя ли, — задают себе теперь вопрос ученые, — приспособить тех же микробов к тому, чтобы научить их превращать боченок опилок в съедобные жиры и протеины?

Корова превращает траву в молоко и мясо благодаря микробам, сидящим в ее пищеварительных органах. Эксперименты в этой области дали богатые результаты. Если к корму телят подмешать микробы, извлеченные из желудка коровы, этих телят можно раньше отлучить от матки и пустить на пастбище, а коров раньше начать доить.

Маленькая африканская птичка умеет переваривать пчелиный воск из лесных ульев. Биологи очень интересуются вопросом: какие микробы помогают ей при этом? У биологов нашлось бы для них немало работы и прежде всего — лечение туберкулеза. Последний так упорно не поддается лечению отчасти потому, что его бактерия покрыта восковой оболочкой, препятствующей лекарству добраться до микроба и убить его. Если бы удалось найти такой микроб, или фермент, который так или иначе проник бы сквозь этот восковой покров, туберкулез стал бы легко излечимым. Питающаяся воском африканская птичка могла бы дать нам ключ к решению этой загадки.

В Пеории обширная коллекция микробов хранится в герметически закупоренных пробирках и запечатанных ампулах, в сверкающих белизной холодильниках. Новые экземпляры поступают со всех концов земли. Пилоты аэропланов и разъезжающие по всему свету специалисты Министерства земледелия Соединенных Штатов присылают образцы почвы, кишящие тысячами микробов. Лаборатория обменивается образцами с европейскими коллекциями. С фабрик и заводов присылаются другие экземпляры — обычно такие, которые доставляют им неприятности.

«Микробы — неутомимые работники, необходимые человеку, — говорит д-р Клиффорд Хессельтайн, 38-летний директор микробного «зоосада» в Пеории. — Весь вопрос лишь в нахождении надлежащего сорта дрожжей, плесени или бактерий для каждого рода работы. Это не всегда легко, ибо таких бактерий сотни тысяч разновидностей. Но все же мы всегда находим то, что нам нужно, и делаем новые открытия, создающие предприятия, оцениваемые в сотни миллионов долларов. Все достигнутое до сих пор — лишь начало».

Весна на ферме

Младший сын Пирсона — Томми — лениво нежится на солнце, лежа на спине своего пони Бьюти. У Томми на животе устроился Пит, один из двух охотничьих щенят фермы.

ФОТО ЭДУАРДА КЛАРКА С разрешения журнала «ЛАНФ»

Пирсон осматривает полоску в четверть гектара, отведенную им под огород для нужд семьи. Здесь вырастет свекла, морковь, лук, горох, кукуруза.

Весна — это время оглядеться и проследить за пробуждением мира. Нигде это пробуждение не кажется таким многоликим, как на ферме. Для деревенского мальчика, весна — это время лениво растянуться где-нибудь на солнце. Для его любимой гончей — это время сбегать на поля, где начинают появляться кролики. Для его пони и многих других животных на ферме, весна — это время производить на свет потомство и щипать свежую, сочную, желто-зеленую траву. А для отца именно этого мальчугана-наездника, — это время, когда темп работы должен следовать шаг за шагом за ускоряющимся темпом расцветающей природы.

Беркли Пирсон возделывает около 160 гектаров земли в живописнейшей долине Миддлтаун, в штате Мэриленд. Он неустанно наблюдает и небо и землю, которые служат ему календарем и часами. Он следит за стельной коровой, за выветриванием почвы, за уровнем воды в пруде и за яйцами, которые высиживают его гуси. Он вечно растирает пальцами землю в ожидании подходящей погоды для посева. Дождавшись, наконец, хорошей погоды, Пирсон, его старший сын Джо и наемный рабочий подолгу трудятся, вспахивая и бороня землю под яровой овес и кукурузу.

Миссис Пирсон весна приносит другие заботы — надо кормить полторы сотни цыплят, полсотни несущихся кур и выводок только что вылупившихся утят. Она опытная хозяйка. Для ее дочери Маргарет — невесты — наступившая весна полна совсем особого смысла.

Мягкий весенний ветерок и полуденное солнце скоро высушат выстиранное миссис Персон белье. Она развешивает белье на широком дворе, прилегающем к дому. Обычно она стирает на семью два раза в неделю.

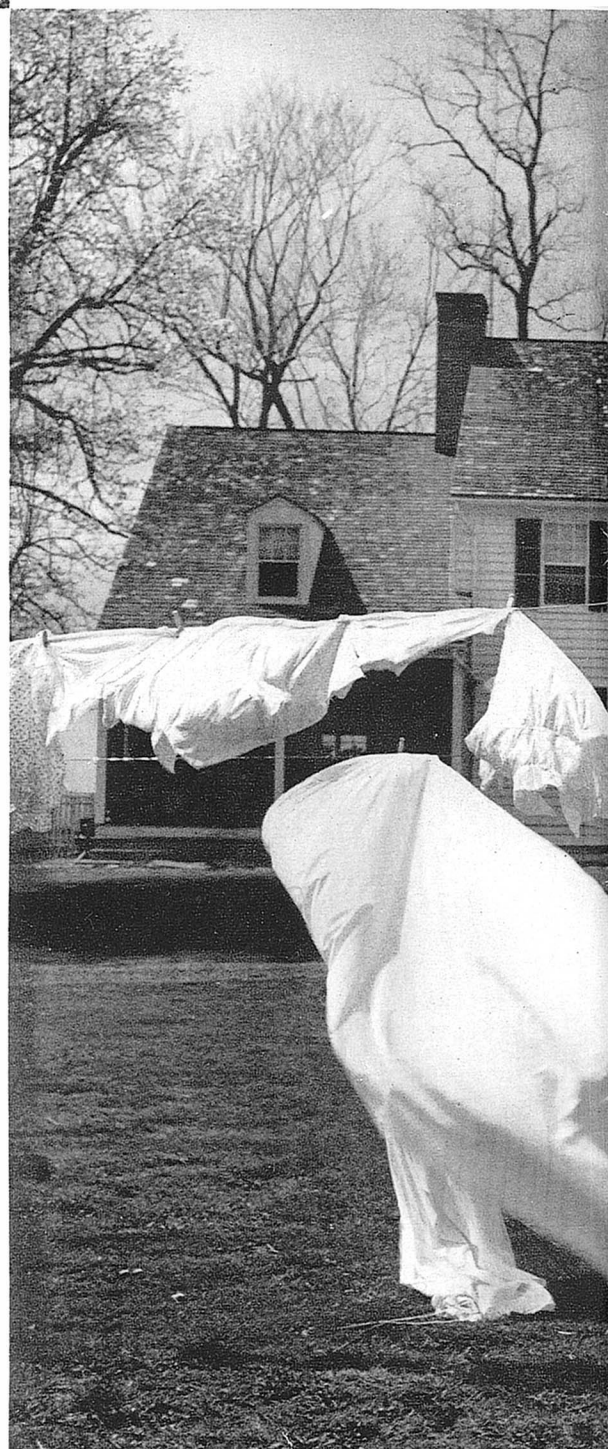
Вырвавшись первый раз в жизни из хлева, голытейские телки осеннего помета резвятся на луку с ошалелой собакой Ником. Тридцать восемь коров дают около 590 литров молока в день.

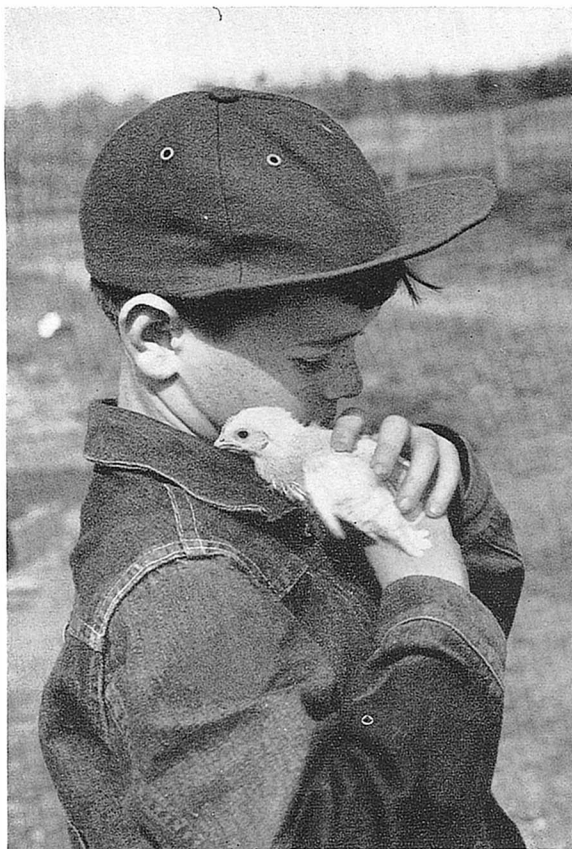

Весна — время года для молодежи, но кошка-мать находит, что на дворе еще слишком прохладно для новорожденного, и несет его в теплый хлев.

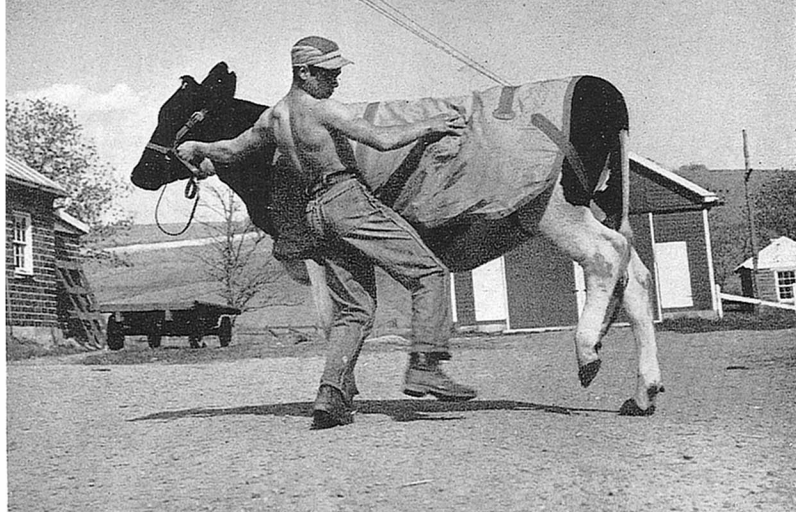

Пара восьминедельных поросят утоляет на скотном дворе жажду водой из колесной колеи.

Маленький Томми нежно прижимает к щеке одного из ста пятидесяти цыплят. Он по мере сил помогает матери и собирает несенные курицами яйца.

Джо Пирсону 15 лет. Он член Клуба «4Г» — общеамериканской организации сельской молодежи. Здесь он обучает телку правильной стойке для организованной клубом выставки скота. Выращивание телки — часть его работы в клубе.

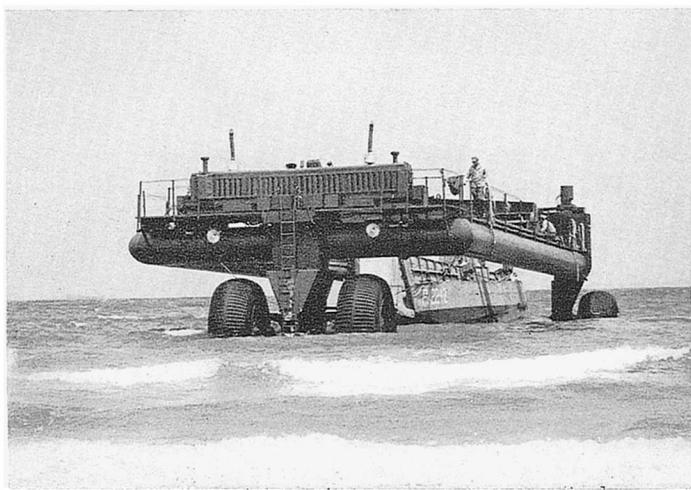

Держась за руки, 17-летняя Марджи Пирсон и Пит Фойти прогуливаются вдоль засеянного ячменем поля и обсуждают планы своей свадьбы. Пит, сын фермера, работает плотником по постройке амбаров.

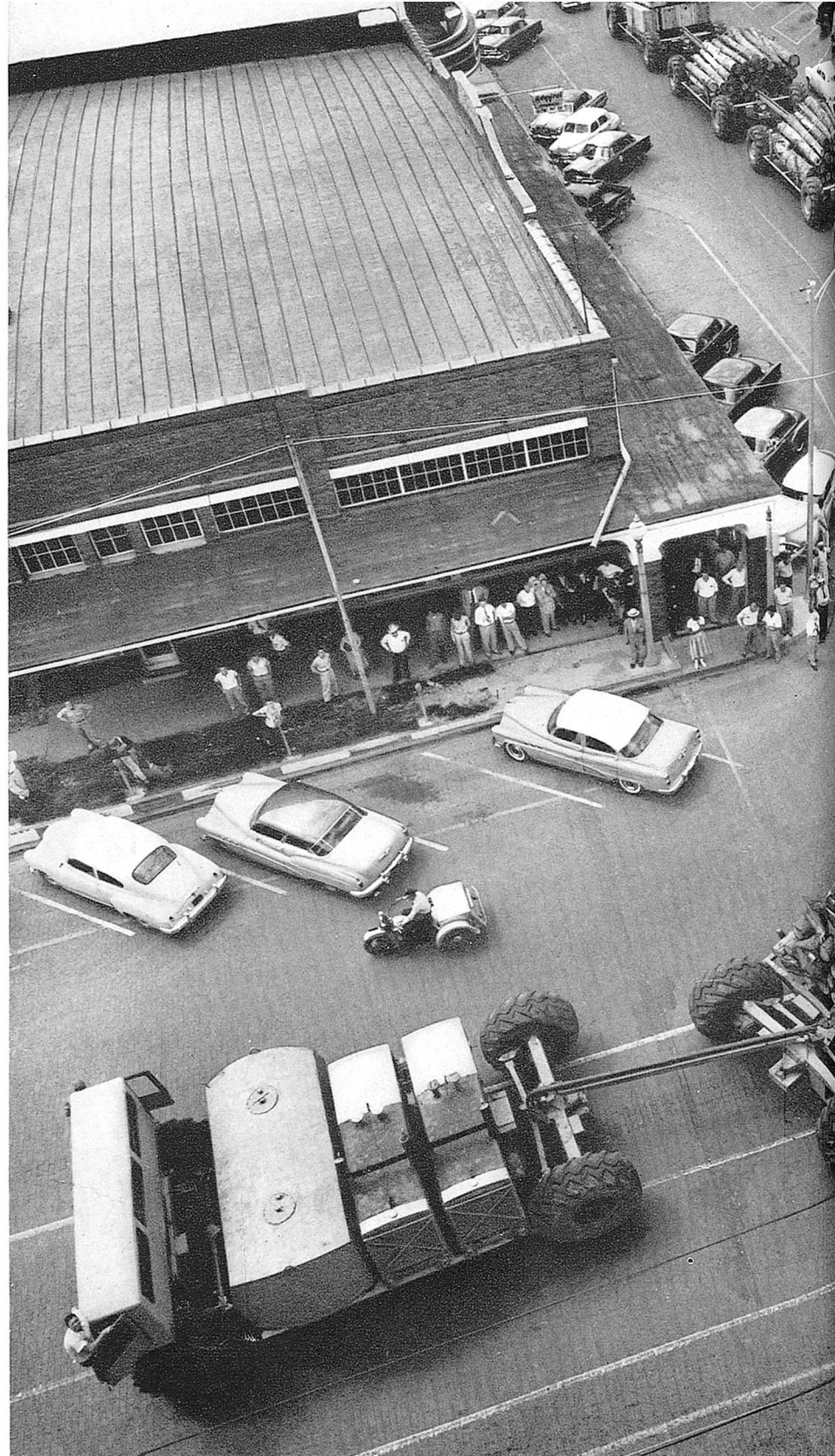
На каждом колесе прицепа сконструированного Летурно поезда для перевозки тяжестей монтирован особый электродвигатель. Генератор Дизеля в моторном вагоне снабжает весь поезд электроэнергией.

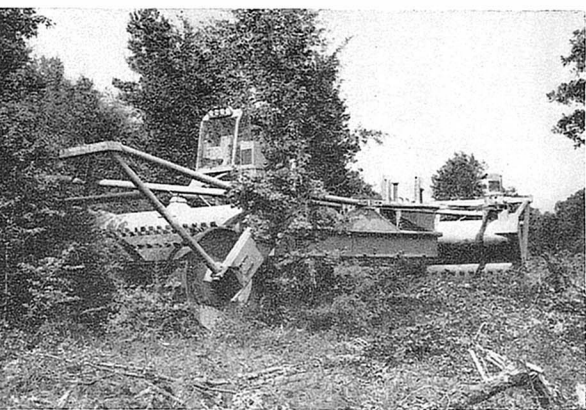
Подковообразная машина перевозит бетонный остов дома с места отливки на подготовленный для него фундамент. Та же машина может перемещать и уже существующие дома, весом до 135 тонн.

Эта машина входит глубоко в воду и поднимает затонувшее десантное судно; машина либо оставляет его на плаву, либо выносит на берег. Тяжелые шины придают колесам нужную силу сцепления с грунтом.

Там, где проходит эта группа машин Летурно, густые дебри уступают место плодородным пахотным землям. «Машина-древолем» (слева) крушит деревья и мелколесье насаженными на катки стальными клиньями. «Машина-жало» (в центре) давлением вылета на ствол, как рычагом, выкорчевывает деревья. Пила (справа) дает возможность спилить любое дерево в одну минуту, а машина-укладчик (крайняя справа) складывает как щепки огромные бревна, весом до тысячи пудов.

ОН ИЗМЕНЯЕТ ОБЛИК ЗЕМЛИ

Гигантские машины Роберта Г. Летурно могут поднять дом и скосить лес.

Поль Ли С разрешения журнала «ПОПУЛАР МЭКАНИКС»

Превращая красную пыль в клубящиеся розовые облака, чудовище неуклюже подъезжает к лесному участку в районе Лонгвью, в Техасе, окапывается и одним усилием, содрогаясь, с корнями выворачивает огромное дерево. Невдалеке, другая машина катит через рощу, ломая на своем пути деревья и размалывая их в бесформенную массу.

Эти машины — лишь два образца новой породы механических чудовищ, назначение которых — расчищать поверхность земли. Им присвоено имя Летурно — человека, чье имя в течение десятилетий было неразрывно связано с земляными работами. Больше половины всех существующих в мире машин для производства земляных работ было спроектировано Робертом Г. Летурно и построено на его заводах.

Года два тому назад Летурно вдруг продал все свои предприятия и, в возрасте шестидесяти пяти лет, посвятил себя большому, совершенно новому начинанию: расчистке почвы.

Что побудило его к этому?

Ответ на этот вопрос кроется в характере самого Летурно, крупного, неуклюжего, но невероятно деятельного человека, очень похожего на машины, которые он строит. Ничто не может устоять перед его напором. Чего только не успевает он сделать за свой рабочий день, продолжающийся почти без перерыва с семи часов утра, когда он сразу набрасывается на работу, до десяти часов вечера, когда он на несколько часов выключает свою кипучую энергию!

Летурно не кончил даже средней школы; тем не

менее он выдающийся инженер и изобретатель. Об этом свидетельствуют его машины, бороздящие сейчас все топи и болота мира.

Летурно считает наше время началом мировой драмы. В ней принимают участие миллионы людей: среди них — ребенок, плачущий от голода, фермер в Перу и, возможно, ваш собственный внук.

Обстановку, обуславливающую эту драму, лучше всего выразить цифрами. Население Соединенных Штатов увеличивается на семь тысяч человек в сутки. Через год в Америке за обеденный стол сядет почти на 3.000.000 человек больше, чем сегодня.

Несмотря на быстрый рост населения, общая площадь обрабатываемой земли в Соединенных Штатах сейчас меньше, чем тридцать лет тому назад. Каждому гектару, на который увеличивается земледельческая площадь, соответствует гектар (и больше), приходящийся на растущие города и автомагистрали. По данным недавно произведенного обследования, в какой-то момент около 1975 года, восходящая кривая населения в Америке пересечет, может быть, кривую объема производства продуктов питания и волокнистых веществ. С этого момента Соединенные Штаты из страны излишков превратятся в страну, страдающую от нехватки.

Как же граждане завтрашнего дня будут наполнять свои тарелки?

На этот вопрос дается много ответов: нужно шире пользоваться машинами и удобрениями, найти новые источники пищи в океанах, повысить урожайность зерновых культур путем гибри-

Расчистку почвы заканчивает самоходный дисковый плуг Летурно. Он размалывает кустарник, разрезает корни и перемешивает растительные остатки с землей для ускорения процесса разложения. Машина эта не только расчищает почву, но и не дает мелколесью засорить районы, предназначенные для выращивания строевого леса.

дизайна. На ближайшее время самое простое разрешение вопроса заключается в увеличении площади обрабатываемой земли. От двадцати до двадцати пяти миллионов гектаров плодородной почвы покрыто в Соединенных Штатах деревьями и кустарником и лежит втуне. Еще важнее тот факт, что в Африке и в Южной Америке пояс тропических лесов покрывает тысячи миллионов гектаров вполне пригодной для возделывания земли.

Начинающаяся сейчас драма — не что иное, как продолжение вековой борьбы человека с природой. Но орудия человека в этой борьбе будут чем-то совершенно новым на нашей земле, облик которой они должны изменить. До сих пор было сконструировано поразительно мало машин, предназначенных специально для расчистки почвы.

Теперь, однако, возникает новая отрасль техники. Ряд предприятий занят сейчас проектированием машин, являющихся современным вариантом топора ранних переселенцев. Самые удивительные, самые большие и, возможно, самые эффективные машины этого рода возникли на чертежных досках конструкторов завода Летуэрно в Лонгвью (Техас).

Взгляните на некоторые из его диковинных машин. Трудно поверить собственным глазам, глядя на его передвигающийся по земле поезд. Он кажется большим; в действительности он еще больше, чем кажется. Эта не нуждающаяся в рельсах железная дорога пройдет сквозь джунгли, через горы и по пустыням. Летуэрно считает, что его машины могут расчистить даже наиболее недоступные местности земного шара. Машины пугаются в обслуживании; обслуживающий персонал должен питаться. Летуэрно сконструировал свой поезд так, что он может передвигаться непосредственно за бульдозером, но только что проложенному им следу. В товарных вагонах поезда находятся необходимые запасы, горючее, продовольствие. Несмотря на свою длину и тяжесть — 113.000 кг. — поезд может преодолевать более крутые подъемы, чем автомобиль.

Поезд состоит из «локомотива» и семи вагонов: он длиннее футбольного поля. Каждая из тридцати двух его шин имеет диаметр в 1,8 метра. Ширина обода — 76 сантиметров. Шины предохраняют поезд от увязания в мягкой, болотистой почве.

Поднявшись по лесенке, вы попадаете в кабину машиниста, возвышающуюся над остальным поездом. Внутри кабинки — семь сидений, очень мягких, для уменьшения тряски при езде по неровной местности. За кабинкой находятся два дизеля в 500 лошадиных сил каждый. Непосредственно соединенные с двигателем генераторы тока превращают эту огромную силу в электрическую энергию. Емкость бака для горючего — 13,3 килолитра. Такое количество горючего позволяет поезду проходить большие расстояния в районах, не имеющих заправочных станций.

Грузоподъемность каждого из семи вагонов, имеющих 8,5 м. в длину, — 20.400 кг.; таким образом, полезный груз всего поезда — 142.800 кг. Кузова вагонов проектируются с учетом особенностей тех местностей, для которых поезд предназначается.

Чтобы проверить маневренность поезда, инженеры Летуэрно пустили его однажды по глав-

ным улицам Лонгвью, никого об этом не предупредив. По обеим сторонам мостовой стояли автомашины, улицы были запружены движущимися автомобилями. Но, к изумлению автомобилистов, поезд брал повороты на перекрестках улиц, пересекающихся под прямым углом, не задевая при этом ни одного автомобильного крыла.

Те, кому довелось видеть деревья, вырванные с корнем ураганом, могут составить себе некоторое представление о мощности другой машины Летуэрно, названной им «машиной-жалом». У этого неуклюжего великана самое могучее «плечо», когда либо созданное машиностроителями. Машина подъезжает к огромному дереву, нажимает на него — и дерево падает. Ее назначение — валить, не подпиливая, деревья, диаметром до 1,8 метра, в местах, к которым нет непосредственного доступа. Грохочущая машина подъезжает как можно ближе к дереву; затем машинист закрепляет ее на месте с помощью заднего щита, подобного отвальному щиту бульдозера. Закрепив машину, он направляет на дерево вылет, длиной в 10,5 метра. Вылет оканчивается острыми зубьями, которые вонзаются в дерево на высоте 4,5 — 6 метров от земли. Включив мотор на полную мощность, машинист выдвигает вылет еще больше. Максимальная длина выдвижения вылета — 20 метров; сила его давления на дерево достигает 113.000 кг. При таком напоре устоять трудно, и в конце концов побежденное дерево валится.

Но есть деревья, которые слишком велики и крепки даже для «машины-жала». Для срезания таких деревьев Летуэрно сконструировал пилу, равной которой по размеру, вероятно, никогда не существовало. В передней части она снабжена длинным вылетом; последний не только выдвигается вперед, но и движется в боковом направлении. Под концом вылета находится грозная пила, которая может быть опущена до уровня земли. Диск пилы бывает разных размеров; наибольший достигает трех метров в диаметре и снабжен зубьями в 12,5 сантиметра. Вращаясь со скоростью 720 оборотов в минуту, пила проходит сквозь большое дерево, и кажется, будто дерево в этом месте тает. Действуя огромным вылетом, машинист может свалить дерево в любую сторону.

«Машина- жало» и пила — огромные и внушительные машины; но они кажутся лилипутами по сравнению с самой удивительной машиной Летуэрно — катком для ломки деревьев. Этот 100-тонный левиафан расплюсчивает лес в подобие блина. Машина похожа на гигантскую карикатуру велосипеда и состоит из двух катков, — одного спереди, другого сзади, — соединенных трубчатой рамой. Высота катков — 2,4 метра, ширина — 6 метров. На катки насажено 320 лезвий, имеющих форму лезвий топора. Сидя на очень высоком сиденье, машинист ведет свое чудовище через расчищаемую местность, просто подминая под него деревья и кустарники. Когда передний каток наткнется на большое дерево, до 1,2 м. в диаметре, он поднимается по стволу, пока не разовьет достаточного напора. Затем дерево с треском валится, лезвия катка вонзаются в него, а машина своей тяжестью буквально размалывает его в щепы. Водитель правит машиной по сужающимся концентрическим

кругам, пока не достигнет центра расчищаемой местности, откуда перед ним открывается картина невероятного разрушения. Через несколько недель или месяцев бригада может вернуться на это место и сжечь поваленную растительность. Удобренная пеплом почва готова для всапки.

Хотя Летуэрно занялся делом расчистки почвы в чрезвычайно широком масштабе, он не намерен ограничиться этим. Одна из самых диковинных машин на свете — «снежная вагонетка» — разъезжает сейчас по просторам Арктики. На первый взгляд кажется, что вся машина — сплошные шины. Ее восемь резиновых шин — самые широкие на свете: каждая имеет три метра в высоту и 1,2 метра в ширину. Шины расположены попарно; кабинка водителя находится в самом центре. Вся «снежная вагонетка» имеет 7,2 метра в ширину и 8,3 метра в длину и весит 21 тонну. Ширина поверхности резины, находящейся в соприкосновении со снегом, — 4,8 метра спереди и столько же сзади. Но может ли такая тяжесть держаться на мягком снегу? Ответ на этот вопрос дало недавнее испытание «снежной вагонетки», которая с грохотом, но без всякого труда катилась по снегам Арктики. Машина окажется, вероятно, не менее пригодной в забучих песках пустынь, а также в болотистых местностях.

Из всех гигантов Летуэрно, наибольшую известность приобрела, быть может, его машина для передвижения домов, которая может поднимать и перенести на другое место многоэтажный дом, весом до 135 тонн. Эта огромная машина, имеющая форму подковы, снабжена находящимся внутри ее трактором, и движется на шинах высотой в 2,7 метра. Машина подходит к дому задним ходом так, чтобы ее подковообразная рама его окружила. Под дом подводят длинные и массивные балки, машина поднимает его с фундамента, перевозит на новое место и опускает на новый фундамент. Операция проходит так плавно, что даже все чашки и блюда можно оставить в доме, не убирая со стола.

В несколько измененном виде машина может служить и для установки домов. В строительном центре бетон отливают в форму «дома из одного куска». Когда бетон затвердеет, машина поднимает форму вместе с отлитым домом и увозит на место назначения. Здесь машина выпускает дом из формы и отвозит последнюю обратно в строительный центр, где форму снова наполняют бетоном для изготовления и установки следующего дома.

С целью испытания своих машин, Летуэрно приобрел земельные участки в Либерии и Перу. В Либерии его чудовища превращают джунгли в пригодные для сельского хозяйства районы. В Перу его инженеры и машинисты прокладывают автомобильную магистраль длиной в 50 километров через непроходимые дебри в бассейне Амазонки.

Пока еще Летуэрно не наткнулся в этих диких джунглях на препятствие, которое его могучие машины не могли бы срезать, смять или преодолеть каким-нибудь другим образом. Если, паче чаяния, он наткнется на такую преграду, он вероятно справится и с нею: для этого ему придется сконструировать еще большую машину, на еще больших колесах.

Боб Зиб и Джуди Фехер учатся вместе в средней школе в г. Милуоки в Висконсине. Их жизнь и занятия типичны для американской молодежи.

Молодежь

Фото Боба Лернера С разрешения журнала «ЛУК»

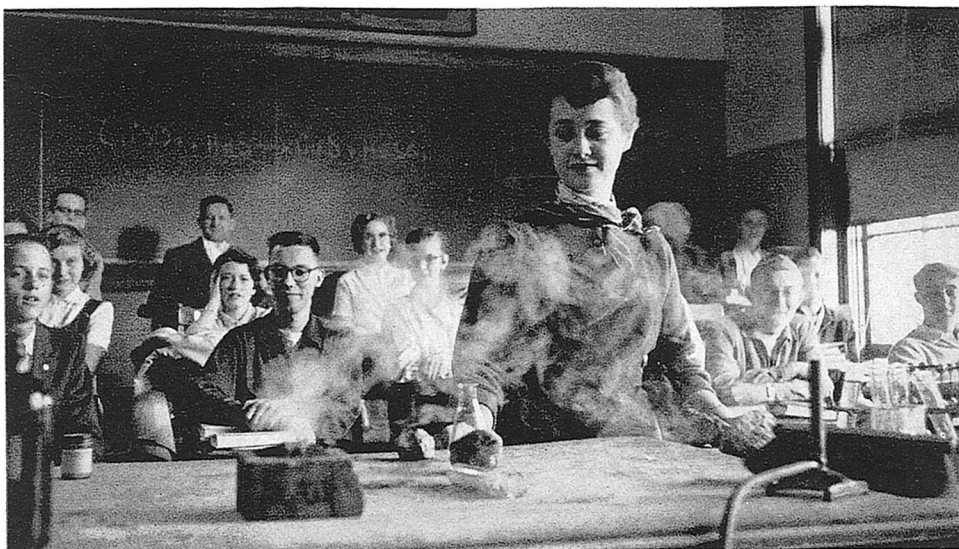
Более 16.500.000 американцев находятся в возрасте между тринадцатью и девятнадцатью годами. Жизнь этой полной энтузиазма молодежи сосредоточена вокруг семьи и школы. Интересы ее так же разнообразны, как тот мир, в котором она живет.

Этот мир иногда смущает, сбивает с толку и их и взрослых. Но в некоторых отношениях он, повидимому, менее смущает молодое поколение. Великие достижения медицины, химии, атомных изысканий; поиски путей для

межпланетных путешествий; перемены во взаимоотношениях между людьми и между странами — все это явления, среди которых молодежь выросла и которые она принимает как необходимые элементы своего будущего.

Приспосабливаясь к этому меняющемуся миру, они должны освоиться со столь же значительными физическими и эмоциональными переменами в них самих, переменами, являющимися частью процесса возмужания. В возрасте между 13-ю и 19-ю годами подросток продельывает три фазы этого процесса развития. В 13 лет он проходит — или уже прошел — через таинственный биологический процесс, ведущий к половой зрелости. В 15 лет, то буйный, то мечтательный подросток, он страстно жаждет одобрения других. В 17 лет, физически уже ставший взрослым, он начинает думать о своем будущем. Такой важный переходный период может быть очень трудным и для юноши и для его родителей. Но, в общем, и родители, и учителя, и воспитатели видят в нем гораздо больше светлых обещаний, чем сложных проблем.

Семнадцатилетний Боб Зиб и шестнадцатилетняя Джуди Фехер, которым посвящена наша статья, — типичные представители нового поколения. Они учатся в средней школе в г. Милуоки (штат Висконсин), получают хорошие отметки, принимают живое участие во всем происходящем дома и в школе, несколько часов в неделю работают для заработка и отдают себе отчет в ожидающих их неограниченных возможностях.

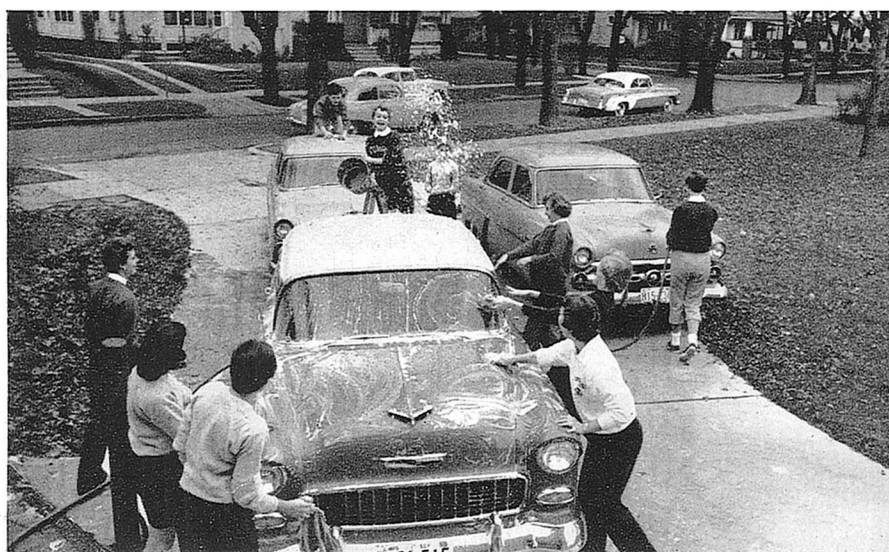

В качестве председателя научного клуба своей школы, Джуди демонстрирует действие катализатора.

Боб и Джуди с соучениками на возу с сеном. Важнейшие события для молодежи — это школьные танцевальные вечера.

Разные занятия в свободное время

Джуди с друзьями моют машины: заработанные деньги идут на прокат телевизора для товарища, пострадавшего на состязаниях.

Боб любит путешествовать; два года назад он на велосипеде объездил Европу, ночуя в общежитиях для молодежи.

Как и для других американских детей, школьная и домашняя работа — первая обязанность Боба и Джуди; когда эта работа сделана, они берутся за то, что их интересует.

Молодежь находит конструктивный выход для своей энергии в таких организациях, как Клубы молодежи, Христианский союз молодых людей (или молодых женщин), объединение Будущих фермеров, Бой-скауты, Католическая организация молодежи и Бней-Брит (еврейская общественная организация). Джуди — герл-скаут и казначей висконсинской организации «Будущих учителей Америки».

Молодые люди стремятся доказать свою ценность. Большинство из них участвует в различных общественных начинаниях. Они собирают деньги для местных благотворительных обществ и сотрудничают с местными организациями, заботящимися об устройстве развлечений для молодежи.

Но у них множество и других интересов. Как и у Боба и Джуди, у большинства хорошие манеры, они хорошо одеты и — шумливы. У них замечается тенденция одеваться одинаково и следовать всяким модным выдумкам. Сегодня становится популярной какая-нибудь исковерканная фраза или особый головной убор, а завтра — особенный вид спортивных ботинок. Они любят музыкальные радиопрограммы и бесконечные разговоры по телефону. Они любят танцевать, а также часами слушать граммофонные пластинки джазовой и классической музыки. Многие составили себе коллекции пластинок на заработанные деньги. Они хорошо учатся — и Боб и Джуди получают прекрасные отметки в школе; очень любят автомобили и приблизительно четыре процента учатся (в средней школе) управлять машиной. Большая часть мальчиков норовит заняться починкой семейной машины. Многие покупают по дешевке подержанные модели и приводят их в годное состояние. Религия имеет важное значение для Боба и Джуди. Молодежь связывает религию с расовой терпимостью и с идеалом всеобщего братства.

Молодой американец наших дней крупнее своих родителей: Боб почти на девять сантиметров выше отца, Джуди на пять сантиметров выше матери. В настоящее время девятнадцатилетний юноша, в среднем, на 3, 81 сантиметра выше юноши того же возраста в 1905 г. Объясняется это улучшением питания и прогрессом в области здравоохранения. Спорт очень популярен. Боб состоит членом футбольной команды. Юноши, не попавшие в футбольную команду, обычно поддерживают ее, присутствуя на футбольных матчах.

Однако, когда они, как Боб, переходят в последний класс средней школы, поездки на возах с сеном и встречи с друзьями в «драгстор», за стаканом содовой воды с мороженым, уже приобретают характер чего-то уходящего в прошлое. Скоро наступит другой перелом — поступление в колледж или на работу.

Джуди и ее подруги поддерживают поощрительными возгласами легкоатлетическую команду своей школы.

Группа школьной молодежи проводит веселый вечер за танцами в рекреационной комнате отцовского дома.

В пятницу вечером, Боб и Джуди наслаждаются итальянским блюдом. Джуди должна вернуться домой до полуночи.

Джуди помогает матери в домашней работе. Она очень любит стряпать. На фото — она замешивает тесто для печенья.

Полноправные члены семьи

Джуди делает печенье с шоколадом и орехами. Часто она посылает его друзьям.

Молодое поколение осознает свою роль в жизни семьи — в этом одна из его важнейших черт. Нынешние молодые люди — не подчиненные члены семьи. Во многих случаях они имеют равный голос в семейных решениях. Очень часто с ними обращаются как со взрослыми. Иногда возлагаемая на них доля ответственности за семейные

Двадцать часов в неделю Джуди работает с родителями в их спортивном магазине. Она любит эту работу.

Джуди дежурит в детских яслях Центра для ветеранов; родители в это время посещают больничные палаты.

Боб помогает матери чистить яблоки для своего любимого десерта — пирога с яблоками.

Боб помогает родителям, собирая урожай с яблонь.

решения приводит их в замешательство, но в общем это им нравится, и они относятся к своей роли очень серьезно.

Боб и Джуди, как и большинство американских детей, помогают в работе по дому. Эту привычку дети приобретают рано — в возрасте пяти-шести лет. Они учатся, как обращаться с младшими братьями и сестрами, как стряпать, убирать комнаты, как помогать отцу в его деле, или, если они живут на ферме, как ухаживать за домашними животными или за посевами.

Большая часть молодежи зарабатывает деньги, работая неполный рабочий день. Джуди двадцать часов в неделю работает продавщицей в отцовском магазине спортивных принадлежностей. Многие работают на стороне. По стати-

стическим подсчетам, средний заработок ученика средней школы составляет приблизительно 10 долларов в неделю (около 40 руб.). Таким образом общая покупательная способность этой категории превышает 4.000.000.000 долл. в год, но молодежь ежегодно откладывает около 1.000.-000.000 долл. Как и большинство зарабатывающей молодежи, Боб и Джуди оплачивают часть расходов на одежду, завтраки и расходы по поездкам. Сберегают они деньги главным образом на расходы по колледжу.

Заведование собственными деньгами и активное участие в семейной жизни создают молодежь с рано развитым умением разбираться в вещах и лучшим пониманием общечеловеческих ценностей.

Боб по субботам моет окна, чтобы подработать на карманные расходы.

Джуди также в дружеских отношениях с родителями Боба; она часто навещает их.

Внезапный поворот предательского бревна, — и один из лесорубов летит в воду; его соперник выходит победителем из ежегодного национального турнира.

УДАЛЬЦЫ НА БРЕВНЕ

Ловкие лесорубы состязаются в своеобразном американском спорте, называемом «бэрлинг».

КЛЕЙ ПЕРРИ С разрешения журнала «ЛИНКОЛЬН-МЕРКУРИ ТАЙМС»

Существует один чисто-американский спорт, ничего не заимствовавший у какого-либо другого вида спортивных игр. Он так же характерен для Америки, как и образ легендарного лесоруба Поля Баньяна, и так же своеобразен, как сами люди, начавшие сто лет тому назад заниматься им на реках Пенобскот, Анроскот и Анроскоггин в штате Мэн. Этот спорт называется «бэрлинг».

«Birl» — малоизвестное слово. В Шотландии оно обозначает «вертеть», «крутить», и часто употребляется в значении «запустить волчком монету», чтобы решить, кому платить по счету.

Но мэнские сплавщики, изобретшие бэрлинг, не подбрасывали монет. Два человека в шерстяных куртках лесорубов, в сапогах на

шипгах, становились по обоим концам плывущего бревна и, приплясывая, перебирали ногами, стараясь сохранить равновесие на верткой ускользающей колоде, пока один из них не сваливался в воду.

Небольшие импровизированные состязания любителей бэрлинга можно теперь наблюдать в любом лагере лесорубов или проводников, но для того, чтоб увидеть настоящих чемпионов, нужно побывать на общенациональном состязании в бэрлинг, где в июне ежегодно несколько лесорубов завоевывают себе славу.

Легкие сосновые бревна, которые применяются в таких состязаниях, должны быть длиной ровно в 457 см. Эти безупречно обточенные на станке цилиндры переворачиваются от малейшего прикосновения. Обработанные таким об-

разом колоды применяются со времени первого организованного состязания в бэрлинг, имевшего место в городе Омаха (штат Небраска) в 1898 г. С тех пор требования к участникам игры все повышались, и теперь в стране можно насчитать не больше трех десятков настоящих мастеров бэрлинга.

Для игры применяются бревна трех разных диаметров, но в финале соревнующиеся пользуются 38-сантиметровыми, иногда называемыми «зубочистками».

На недавно происходившем всеамериканском соревновании на реке Прист в штате Айдахо Джимми Геррон, сорокалетний капитан буксира и бывший сплавщик леса, состязался с Гарольдом Гупером, двадцатилетним лесорубом.

С шестами в руках для сохранения равновесия, они стали на бревно, которое затем осторожно оттолкнули от плотa, где теснились официальные лица. Последовала команда «Долой шести!», и с этого момента, стоя лицом к лицу, размахивая руками и вонзая шипы сапог в мягкое дерево, соревнующиеся могли рассчитывать только на собственную ловкость.

Частыми сильными ударами сапог по бревну Геррон время от времени заставлял своего более молодого противника терять равновесие, и через две с половиной минуты Гупер свалился в воду. Следующая схватка длилась пять минут. Затем Геррон внезапно изменил темп, колода быстро завертелась, и Гупер снова полетел в воду.

Эта борьба длилась не долго, но в прежних матчах одна соревнующаяся пара держалась на бревне 45, а другая — 47 минут. В 1953 г. в Мидленде, в штате Мичиган, Джимми Рэннинг из О-Клера в Висконсине и Марк Олсон из Эсканабы в Мичигане поставили рекорд, продержавшись на бревне 52 минуты и 50 секунд, пока Олсон не упал в воду.

Понаблюдав некоторое время за состязаниями, зритель начинает разбираться в тактике и технике игры. Иногда противники стоят лицом к лицу на почти неподвижном бревне, выжидая, кто сделает первое движение. Затем они вдруг направляются в противоположные стороны, один бежит вперед, а другой — назад. Или же оба обращаются в одну сторону и движутся в одном направлении, так что один из соревнующихся старается буквально вытеснить другого с бревна.

На общенациональных состязаниях зрители любят не только классическими формами бэрлинга, но и почти невероятными трюками. Например, Билли Джирард, легконогий старик из Гладстона в Мичигане, избрал своей спе-

циальностью бэрлинг на роликах. Уже пятьдесят лет, как он принимает участие в состязаниях, и имеются люди, выдавшие, как он балансировал на сосновом бревне с роликами на ногах еще в 1926 г. С 1941 г. он считается чемпионом «трюкового» бэрлинга.

Дедушка Билли и такие мастера, как Джимми Рэннинг, Марк Олсон и Боб Визо, умудряются прыгать через веревку или играть в чехарду на бревне. Незабываемым трюком является и бэрлинг на полом деревянном шаре диаметром в 180 см. Рассказывают, что два ловких как кошки парня, даже обменялись брюками, не переставая вращать бревно, а двое других сделали участником своего номера собаку, научив ее бегать по вертящейся колоде.

Одним из самых забавных трюков является «хождение по бочке», заключающееся в том, что нужно переворачивать чурбан длиной в 92 см. и шириной в 76 см., подцепляя каждую из его сторон шипами сапог.

Соревнования на звание чемпиона бэрлинга ведут свое начало от состязаний сплавщиков леса, а при стечении широкой публики они были впервые проведены в 1898 г. на искусственном пруду в Омахе. Противниками в этом историческом состязании были соседи по лагерю лесорубов — Том Флемминг и Ал Стюарт, из О-Клера в штате Висконсин. Они начали состязание под холодным дождем и продолжали его до наступления темноты. К тому времени оба они жаждали чего-нибудь более возбуждающего, чем дождевая вода. Видя, что дело затягивается, Стюарт любезно уступил пальму первенства Флеммингу, и призовые деньги пошли на покупку согревающего для шести продрогших до костей участников соревнования и их приятелей.

С тех пор состязания устраивались довольно

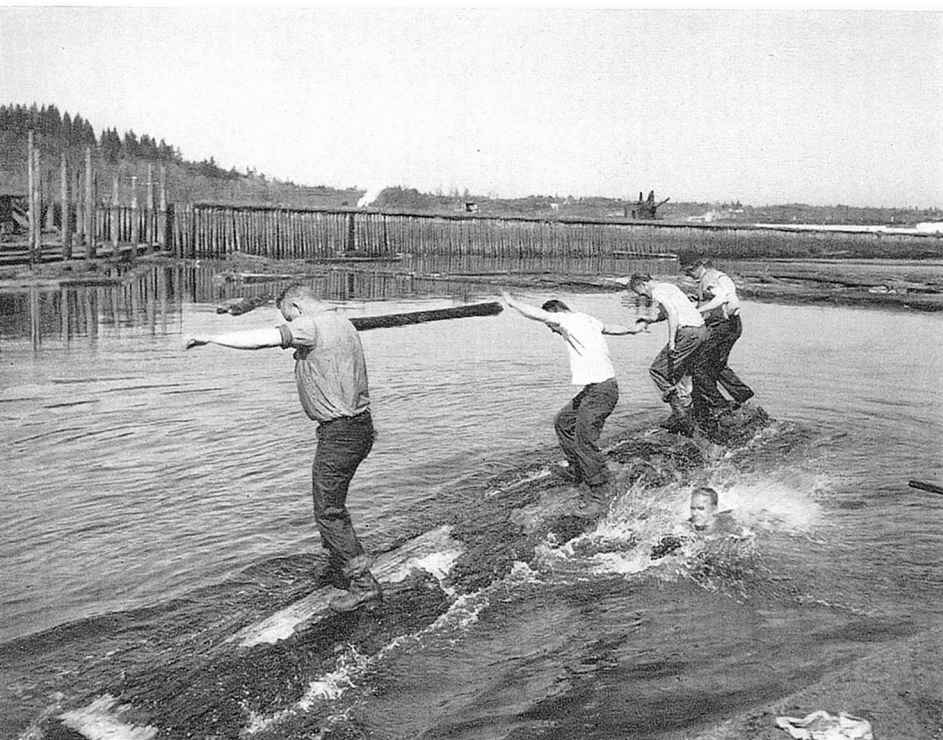
часто, а в 1925 г. Уильям Гарт, председатель Висконсинской спортивной комиссии, организовал общенациональный чемпионат.

Есть немало лиц, многократно завоевывавших звание чемпиона, подобно Джимми Рэннингу из того же О-Клера, пять раз добившемуся этой чести. Большинство чемпионов — лесорубы по профессии, но по меньшей мере один из них никогда не работал на лесозаготовках. Это Уильбур Маркс, тренировавшийся в городском бассейне для плавания и удерживавший первенство в течение семи лет.

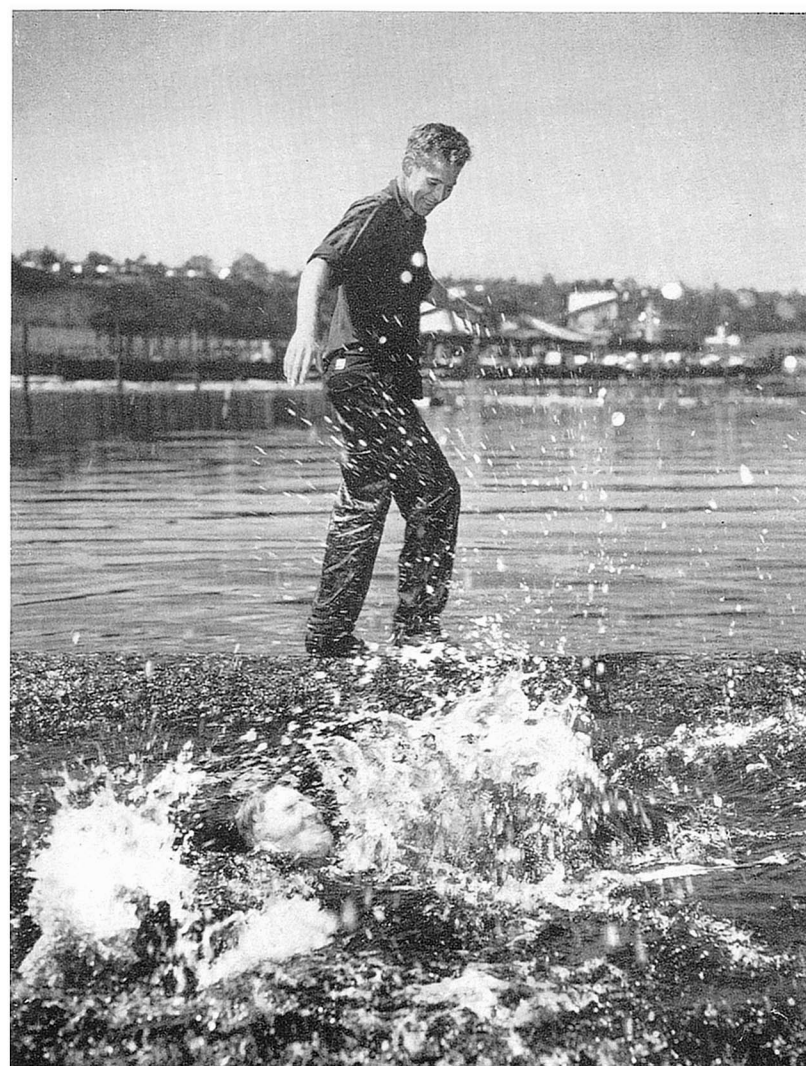
Долгие годы ведущая роль в этом спорте принадлежала сплавщикам леса с Великих озер, но в 1934 г. Вальтер Свансон из Бриннона в северозападном штате Вашингтон занял первое место в одном из двух чемпионатов, и теперь лесорубы Западного побережья временно удерживают за собой первенство.

Эти люди, члены тесного кружка избранных, склоняются только перед авторитетом легендарного отца бэрлинга, самого Поля Баньяна.

Согласно преданиям, Поль появился на свет в Канаде, Мэне, Нью-Хэмпшире, Мичигане, Висконсине, Миннесоте, в штате Вашингтон. Говорят, что он изобрел бэрлинг, выскочив из своей колыбели — конны сена, служившей ему детской постелью, — и начав кататься на бутылке молока. Таков был его способ сбивать масло для лагеря лесорубов. Говорят, что Поль мог заниматься бэрлингом даже на мыльном пузыре. Повествуют еще, что когда он достаточно подрос, чтоб носить обувь, он употреблял в качестве шипов обыкновенные гвозди, а потом перешел на железнодорожные костыли. Передают также, будто он состязался в бэрлинг с самим чертом на озере Верхнем, и будто оба они так колотили ногами по бревнам, что в течение многих недель после этого вся поверхность озера была усеяна щепками.

Вывести противника из равновесия — залог победы в соревновании в бэрлинг. На снимке: шестеро лесорубов тренируются на неотесанном бревне. Несмотря на ледяную ванну, проигравший (справа, в воде) видимо наслаждается этим спортом.

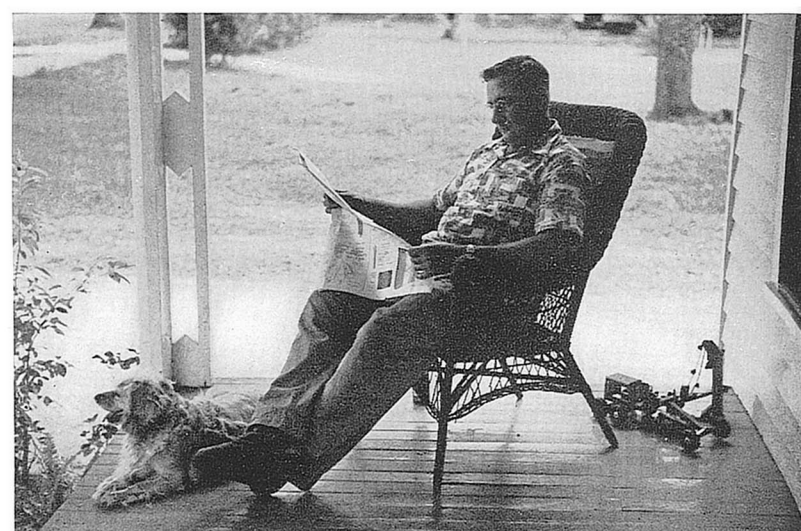
Мать уже на ногах, когда в 6 часов утра молочник обходит район и оставляет молоко на крыльце.

Прибежище

Когда друзья или родственники заходят вечером в гости, веранда перед домом — идеальное место непринужденно провести время с ними и с их детьми.

Для отца веранда — любимое место почитать газету, когда он возвращается с работы домой.

для друзей и соседей

ФОТО КАРРОЛЛА СЕГЕРСА

С РАЗРЕШЕНИЯ ЖУРНАЛА «ФРЕНДС»

Чистка картофеля — не работа, если это делается на веранде.

Старший брат осматривает снаряжение, готовясь к рыбной ловле.

Юный бейсболисто-сосед делится впечатлениями после игры.

Мальчик бросает газету на крыльцо, разнося ее ежедневно подлинчикам.

Письмо издалека лучше всего читается в одиночестве.

Летом, крыльцо-веранда — это манящая гостиная под открытым небом

Крыльцо-веранда американского дома — самое открытое место на свете. Она привлекает на свежий воздух членов семьи и приводит к ним соседей. Летом это, прежде всего, прекрасная гостиная под открытым небом. Хозяйки чистят там овощи для стряпни, отцы семейства любят подремать после обеда, друзья останавливаются, чтобы поговорить о погоде, о новорожденных или о политике, влюбленные обмениваются признаниями и секретами.

В тысячах домов, в тысячах маленьких американских городов переднее крыльцо-веранда ничем не отделено от улицы: нет ни забора, ни намека на изгородь, скрывающую крыльцо от посторонних глаз. Это нравится людям. Соседи, проходя, могут приветливо поздороваться. Старики, сидя на веранде, могут помахать друзьям и видеть все, что происходит вокруг. Дети собираются здесь для игр.

Веранда перед домом — это приглашение зайти в гости.

Бабушка любит занимать детей на вольном воздухе, когда мать уходит.

После вечеринки, здесь хорошо распрощаться со своим партнером.

Группа посетителей Национальной галереи внимательно осматривает алтарный триптих «Святая Анна», работы фламандского художника Герарда Давида.

В Национальной галерее

Извечной проблемой для художников был вопрос: как передать открытые ими истины широкой публике? А публика всегда стремилась разгадать замысел художника. Художественная галерея и служит соединительным звеном между художником и публикой и обогащает новым опытом обоих. Действительно, первоклассная художественная галерея подбирает только лучшие произведения искусства, тщательно сохраняет их, предохраняя от порчи, и размещает и показывает посетителю так, чтобы всячески помочь ему оценить и понять их красоту и величие.

Национальная художественная галерея в Вашингтоне — один из пяти-шести музеев в мире, удовлетворяющих самым строгим требованиям. Чтобы убедиться в том, что это действительно одна из величайших художественных галерей в мире, пройдемся мысленно по ней. Выберем для нашего посещения будний день, когда в галерее меньше народу и нам будут меньше мешать. Пойти туда мы можем в любой день, ибо галерея открыта ежедневно круглый год, кроме Рождества и Нового года. За год ее посещает, в среднем, 1.800.000 человек.

Национальная галерея Соединенных Штатов расположена на видном месте в одном из красивейших районов города Вашингтона, на расстоянии нескольких кварталов от Капитолия. Ионические портики украшают галерею с двух сторон: с южной, выходящей на покрытый газоном и окаймленный деревьями бульвар Молл, и с северной, выходящей на широкий оживленный проспект — авеню Конституции. Здание, выдержанное в простом неоклассическом стиле, — одно из самых больших мраморных строений в мире: площадь пола составляет свыше 46.500 квадратных метров; 22.135 квадратных метров поверхности стен используется для выставочных целей. Если мы подойдем к Национальной галерее в ясную погоду, здание покажется нам белым; но в дождливый день, каких бывает много ранней весной, мокрый тенесийский мрамор излучает розовый свет.

Итак, мы можем войти либо с юга, либо с севера. Войдя со стороны авеню Конституции, мы попадем в этаж здания, занятый служебными помещениями, кафетерием для работников музея и посетителей, а также залами, где выставлены произведения декоративных искусств и гравюры и где устраиваются временные выставки. На следующем этаже находятся главные помещения Национальной галереи.

Но давайте лучше поднимемся по широким ступеням со стороны Молла. Войдя отсюда, мы очутимся в ротонде, для купола которой послужил образцом римский Пантеон; его поддерживают колонны черно-зеленого итальянского мрамора. В центре ротонды высится фонтан, служащий пьедесталом для прелестной брон-

зовой статуи Меркурия, работы Джованни да Болонья.

За нами закрылись бронзовые двери, и теперь мы находимся в одном из лучших зданий, построенных в нашу эпоху для хранения и показа произведений искусства. Свет струится сквозь потолок из специального стекла, рассеивающего солнечные лучи; поэтому в залах — абсолютно равномерное освещение. Это самое большое музейное здание в мире, полностью снабжаемое кондиционированным воздухом из центральной установки; окон в здании нет. Старинные бесценные картины здесь не коробятся и не покрываются трещинами, потому что температура и влажность здания поддерживаются почти без изменения.

Обычно проходит не одно столетие, прежде чем галерея приобретает мировую славу, но американская Национальная галерея достигла широкой известности за какие-нибудь шестнадцать лет. Это объясняется исключительно общественной поддержкой. Из 1.200 первоклассных картин галереи, только две были куплены самим музеем. Свыше 125 коллекционеров пожертвовали галерее произведения искусства: некоторые — один единственный шедевр, другие — большие ценные коллекции.

Пять крупных коллекций составляют основную часть галереи. Первую коллекцию пожертвовал 22 декабря 1936 г. Эндрю У. Меллон, бывший министр финансов и американский посол в Великобритании. В письме к Президенту Франклину Д. Рузвельту, Меллон предложил свою коллекцию картин и скульптур государству с тем, чтобы она составила ядро будущей Национальной галереи. Был разработан проект здания, построенного затем на пожертвованные Меллоном средства, и организован попечительный совет в составе пяти выборных членов и четырех, входящих в совет по должности: Верховного судьи Соединенных Штатов, Государственного секретаря, Министра финансов и секретаря Смитсоновского института (галерея — отдел этого института).

Позднее в музей поступило еще четыре крупных собрания: коллекция Самюэла Г. Кресса — одна из богатейших коллекций итальянских картин и скульптур, когда-либо собранных вне Италии; коллекция Уайденера, включающая много работ Рембрандта и образцов декоративных искусств; коллекция Честера Дэйла — главным образом французская живопись после 1800 года и ее истоки; и коллекция гравюр, рисунков и акварелей Лессинга Д. Розенвальда. Национальная художественная галерея — величайшая ценность, когда-либо принесенная в дар американскому народу.

Один из прежних директоров Национальной галереи как-то сказал: «Мы хотим быть не одной из самых больших, а одной из самых лучших галерей». Вот

Один из научных сотрудников музея, доктор Кук, изучает картину Шардена.

Музейный гид объясняет детям некоторые картины. Школы устраивают регулярные экскурсии в Национальную галерею.

почему картины, 326 скульптур, свыше тысячи медалей и бронзовых изделий, гравюры, рисунки, акварели и многие другие экспонаты были отобраны с особой тщательностью.

От ротонды, где мы с вами стоим, в обе стороны идут широкие, хорошо освещенные коридоры, в которых расставлены скульптуры. За ними находятся два зимних сада. Залы музея расположены с обеих сторон коридоров и веером охватывают зимние сады.

Если мы начнем осмотр с левого (западного) крыла здания по направлению к восточному, мы увидим картины и скульптуры в хронологическом порядке, с начала XIII века до нашего времени. Национальная галерея особенно славится картинами итальянских мастеров XV века и произведениями живописи XIX и XX веков, главным образом французской.

Недалеко от нас собирается небольшая толпа. Три раза в день посетители могут осматривать галерею группами под руководством работника воспитательного отдела галереи; обход галереи продолжается час. Молодая мать с ребенком, супружеская чета из Калифорнии, приехавшая осмотреть столицу, два художника с серьезными лицами, студент-индус, учащийся здесь в порядке обмена студентами между США и другими странами, служащий государственного учреждения, воспользовавшийся поздним обеденным перерывом, — присоединяются к группе, насчитывающей двадцать-тридцать человек. Женщина-экскурсовод ведет их из зала в зал. Она — не музейный гид обычного типа, а один из девяти состоящих в штате галереи историков искусства, которые каждую неделю руководят экскурсиями посетителей. Экскурсии приурочены к самым различным уровням понимания искусства. Такие организации, как женские клубы или школы, могут получить специального экскурсовода, уведомив дирекцию за неделю до посещения галереи.

Многие, однако, предпочитают бродить по музею без руководителя — как мы с вами — и подолгу останавливаться у особенно понравившихся им экспонатов. Залы галереи не велики, в центре каждого находятся удобные диваны; посетители могут сидеть на них как угодно долго, изучая заинтересовавшую их картину или скульптуру. Во многих залах имеются краткие критические обзоры выставленных картин; посетитель может прочесть эти листки при просмотре картин или взять их с собой, чтобы просмотреть дома.

Почти все картины раннего периода трактуют религиозные темы и предназначались для украшения церквей или частных часовен. Самая старинная картина Национальной галереи — панно «Мадонна с ребенком», кисти неизвестного византийского художника, — была написана, вероятно, около 1200 года. От картины веет безмятежностью, не нарушенной прошедшими годами.

Ранние художники писали на деревянных досках, покрытых специальным составом из клея и гипса. Писали они темперой — смесью толченых красок с яичным белком и водой. Фон картин — блестяще-золотой, краски — сильные и яркие: картина должна была сиять в помещениях, тускло освещенных свечами.

Яркость красок производит большое впечатление. Когда смотришь на «Поклонение волхвов», написанное в начале XV века фра Анджелико и фра Филиппо Липпи, кажется, что ляпис-лазурь и кошениль, которые

пошли на изготовление ярких синих и красных красок, были растерты всего лишь вчера.

Посетители галереи видят шедевры старых мастеров во всем первоначальном блеске. Реставрационная мастерская галереи удалила желтый лак, которым обычно пользуются в живописи, и заменила его новым прозрачным лаком. По инициативе галереи такой лак для картин был специально разработан и изготовлен Институтом Меллона в Питтсбурге (штат Пенсильвания). В институте работают два химика, полностью загруженных изучением таких вопросов, как применение синтетических смол, покрытие картин лаком, действие некоторых растворяющих веществ на краски.

Иногда специалисты по реставрации картин делают открытия, утерянные много веков назад. Так случилось с двумя картинами Тициана и Эль Греко, недавно пожертвованными музею.

Полотно Тициана — портрет молодого Рануччо Фарнезе — настолько потемнело от действия влиявшего на краски лака и так нуждалось в реставрации, что многие считали картину копией утраченного оригинала. Однако, после тщательной очистки выяснилось, что картина — несомненно подлинное произведение Тициана и что ее можно причислить к наиболее тонким созданиям мастера.

На картине Эль Греко «Лаокоон» изображен несчастный троянский жрец, предостерегавший троянцев от военной хитрости греков — деревянного коня. На Лаокоона и его сыновей напали и задушили их огромные морские змеи. Троянцы истолковали их гибель как выражение гнева богов и поэтому оставили без внимания мудрое предостережение жреца. Из документов явствует, что полотно было найдено в студии Эль Греко после его смерти и что какой-то художник сильно переделал оригинал. Как и со многих других картин, впервые попадающих в музей, с картины Эль Греко были сделаны рентгеновские снимки. Оказалось, что лицо одной из фигур было целиком закрашено, а на двух других были написаны темные драпировки; таким образом первоначальный замысел художника был совершенно искажен. Когда позднейшие наслоения были удалены, темные тона и сияющие краски Эль Греко выступили во всей их первоначальной силе.

Проходя по залам галереи, мы знакомимся с выставками, показывающими развитие флорентинской, венецианской и средне-итальянской школ. Золотой фон постепенно уступает место ландшафтам и архитектурным фантазиям, по мере того как художники все больше увлекаются проблемой перспективы. В технике живописи попрежнему преобладает темпера по дереву, но появляются уже картины маслом на полотне; эта новая техника впервые возникла в Италии, в конце пятнадцатого столетия.

С изменением духа эпохи и техники, изменяется и отделка помещений, в которых выставлены картины. Отделка соответствует стилю эпохи. В залах, где развешены ранние произведения итальянской живописи, стены покрыты травертином и крашеной штукатуркой. Произведения итальянского искусства более поздних периодов выставлены на фоне шелковых обоев. Дальше мы увидим дубовые панели в залах фламандского и голландского искусства и покрытые крашеным деревом стены в залах, отведенных под картины американских, английских и французских мастеров.

Залы с произведениями живописи перемежаются с залами скульптуры. В первом из них находятся произведения XV века, главным образом флорентинские. Единственными в своем роде в Америке являются «Давид» (в натуральную величину), работы Донателло, и бюсты детей, работы других итальянских мастеров.

Фламандская живопись XV века, как и работы итальянских мастеров ранних школ, проникнута глубоким религиозным чувством, которое мы находим, например, у Яна Ван-Эйка. Ювелирная техника масляной живописи позволяла этим художникам реалистически изображать почти микроскопические детали.

Собранные в Северо-европейском отделе галереи произведения Ван-Эйка и других ранних мастеров являются не только великими созданиями художественного гения, но и очень большой редкостью. «Распятие», работы немецкого художника Маттиаса Грюневальда, выставленное среди произведений живописи начала XVI века, относится к числу этих замечательных произведений. Достоверно известно о существовании всего лишь пятнадцати картин этого мастера. Маленькая, яркая, как самоцветный камень, картина — первая работа Грюневальда, попавшая в Америку. Галерея обладает также пятью картинами знаменитого голландского мастера Вермеера; до нас дошло не больше сорока картин его кисти.

В XVII веке большинство голландских художников стремилось изображать повседневную жизнь, что отразилось и на работах Вермеера и Рембрандта. Произведения последнего занимают целых два зала. Картины Рембрандта замечательны проникновенным пониманием характера изображаемых лиц и тонкой передачей атмосферы. Картины голландских мастеров XVII столетия выставлены рядом с шедеврами испанской живописи той же эпохи — с картинами Веласкеза, Мурильо и Зурбарана. Ослепительные яркие мазки на темном фоне придают произведениям испанских мастеров исключительную экспрессивность.

Проходя по залам, мы встречаем студентов художественных училищ: они учатся живописи, тщательно копируя знаменитые картины. Дирекция галереи предоставляет мольберты и табуреты всем желающим подражать великим мастерам и изучать их технику.

На противоположной стороне галереи — в восточном крыле здания — нас окружают произведения американской, английской и французской живописи. Значительное большинство представленных в галерее американских и английских художников XVIII и XIX веков — портретисты. Начав осмотр с американских художников раннего периода, черпавших вдохновение у английских живописцев и подражавших их технике, мы по собранным в галерее образцам сможем проследить, как американская живопись постепенно стала на путь самостоятельного творчества.

Из наиболее выдающихся американских живописцев раннего периода в галерее представлены: Стюарт, с его знаменитым портретом Джорджа Вашингтона; Сэведж, написавший «Вашингтона в кругу семьи»; Копли и Уэст (ряд портретов). Трамбалл, Салли и Гардинг представлены портретами, относящимися к более позднему периоду. В конце XIX века тематика американской живописи заметно расширяется, появляется множество работ, изображающих сцены из американского быта. В галерее есть пейзаж кисти Иннеса. Отметим также живописные марины Уинслоу Гомера, «Девушку в белом» Уистлера и сцену из состязания в боксе, кисти Джорджа Беллоус.

Когдаходишь в залы, в которых развешаны картины знаменитой коллекции французской живописи XIX века, кажется, что стены сверкают и горят беспокойными красками таких мастеров, как Сезанн, Гоген, Ренуар, Дега. Среди этих произведений находятся также работы известной американской художницы Мэри Кассат. Она была тесно связана с импрессионизмом, занимавшимся смелыми экспериментами в области изображения света и трепещущих красок.

Среди произведений, выставленных в восточном крыле, есть картина, ставшая самой популярной во всей галерее. Это — картина Ренуара «Девочка с лейкой», изображающая девочку не старше шести лет, в голубом платье; она стоит в саду, и кажется, что ее светлые пушистые волосы плывут по воздуху; пронизанная светом картина — пример применяемой Ренуаром техники мелких разноцветных мазков. Из других картин галереи, наибольшей популярностью пользуются: «Поклонение пастухов» Джорджоне — чудесная идиллия рождения Спасителя; «Внимательная сиделка» — тонкая работа кисти Шардена (XVIII в.): женщина, приготовляющая еду для больного; «Мусмэ» Ван-Гога — портрет гейши из японского чайного домика, сделанный художником-импрессионистом, находившимся в то время под влиянием японского искусства; «Ветер крепчает» — марина Уинслоу Гомера, и «Влюбленные» Пикассо: обманчивая простота рисунка и сверкающие краски, которыми Пикассо создает впечатление юности и любви, делают эту картину настоящим шедевром.

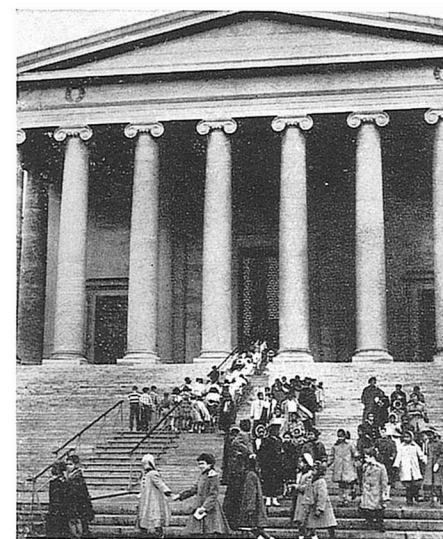
О популярности выставленных в галерее картин дирекция может судить по количеству репродукций, продаваемых музеем. В 1955 г. было продано около 73.000 цветных репродукций, ценой в 25 центов каждая. Размер этих репродукций — 28 x 36 см. В том же году было продано 200.000 цветных открыток с изображением картин и скульптур, ценой в 10 центов каждая. За три первых месяца 1956 г. было продано 10.000 цветных диапозитивов, которые галерея теперь начала изготавливать для широкой публики. Заказы на цветные репродукции, диапозитивы и каталоги обычно исходят от лиц, проживающих во всех концах Соединенных Штатов, а также в Европе, на Дальнем Востоке, в Канаде и Мексике.

Если бы у нас было больше времени, мы могли бы осмотреть в галерее еще много интересного: около 1.500 фотоснимков из коллекции Альфреда Стиглица (см. журнал «Америка», № 3); свыше 20.000 акварелей, иллюстрирующих развитие американского народного искусства за последние 200 лет; временные выставки гравюр и рисунков таких мастеров как Дюрер, Рембрандт, Блек и Домье; ценную коллекцию образцов искусства Центральной и Южной Америки до открытия Колумба; коллекцию китайского фарфора.

Перед уходом из музея отдохнем в одном из двух его зимних садов. В центре каждого стоит фонтан из Версальского парка, окруженный пальмами и другими тропическими растениями. В восточном саду, куда мы вышли, музыка и изобразительное искусство сливаются воедино каждое воскресенье, в течение девяти месяцев в году, когда оркестр галереи дает бесплатные вечерние концерты или устраивает выступления приглашенных солистов. Кроме того, каждой весной организуется фестиваль, посвященный американской музыке.

Но сегодня — поздний час рабочего дня, и в саду, на стульях за колоннами, мало людей. Мирная тишина, нарушаемая только журчаньем воды фонтана, усиливает впечатление, произведенное собранными в Национальной галерее великими творениями.

В книге для посетителей, находившейся во время Второй мировой войны в комнате отдыха для военных, какой-то солдат сделал следующую запись: «Жизнь приобретает новый смысл для тех, кто понял, что хранится в этом здании».

На следующих страницах показаны некоторые из наиболее известных картин Национальной художественной галереи.

«БЛАГОВЕЩЕНИЕ»

Кисти Яна Ван-Эйка (1380/1400 — 1441). Ван Эйк, основатель Фламандской школы, был первым живописцем, достигшим, как видно по этой работе, реалистической передачи интерьера. Из коллекции Меллона.

«ПОКЛОНЕНИЕ ВОЛХВОВ»

Кисти ф-ра Анджелико (1387—1455) и ф-ра Филиппо Липпи (1406—1469). Немногие произведения искусства XV столетия показывают более наглядно и прошлое и будущее живописи. На первый взгляд, эта картина может показаться традиционной, со сложной композицией, струящимися линиями и живыми красками. Однако, в фигурах смотрящих на процессию юношей уже заметен интерес к анатомии человеческого тела, впоследствии поглощавшей внимание флорентинских художников, а в сцене в пещере — к повседневной жизни, изображение которой становится столь важным в следующем столетии. Из коллекции Кресса.

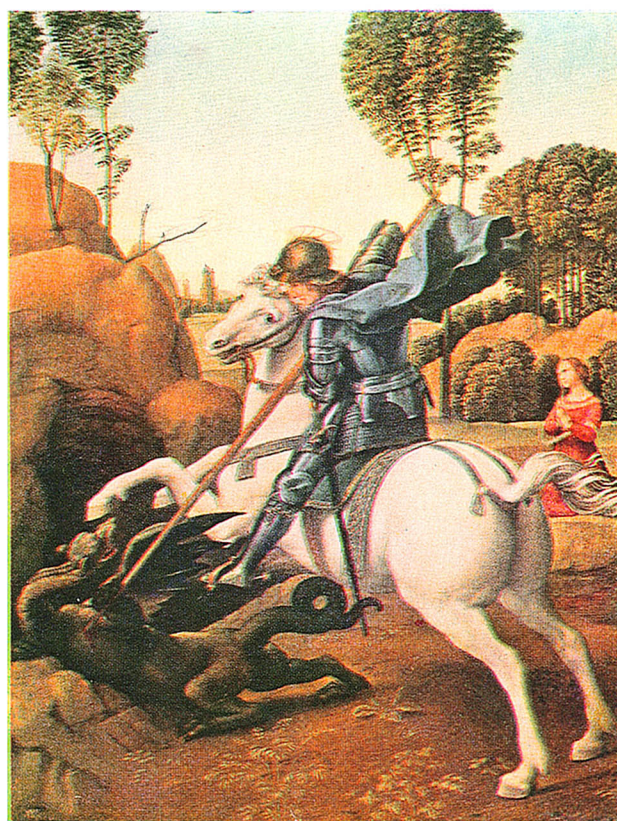

«МАДОННА С МЛАДЕНЦЕМ НА ТРОНЕ»

Византийской школы XIII века. Живопись представляет стиль, предшествовавший Ренессансу. Из коллекции Меллона.

«СВ. ГЕОРГИЙ, ПОРАЖАЮЩИЙ ДРАКОНА»

Кисти Рафаэля (1483-1520). Это одно из наиболее сохранившихся произведений Рафаэля. Из коллекции Меллона.

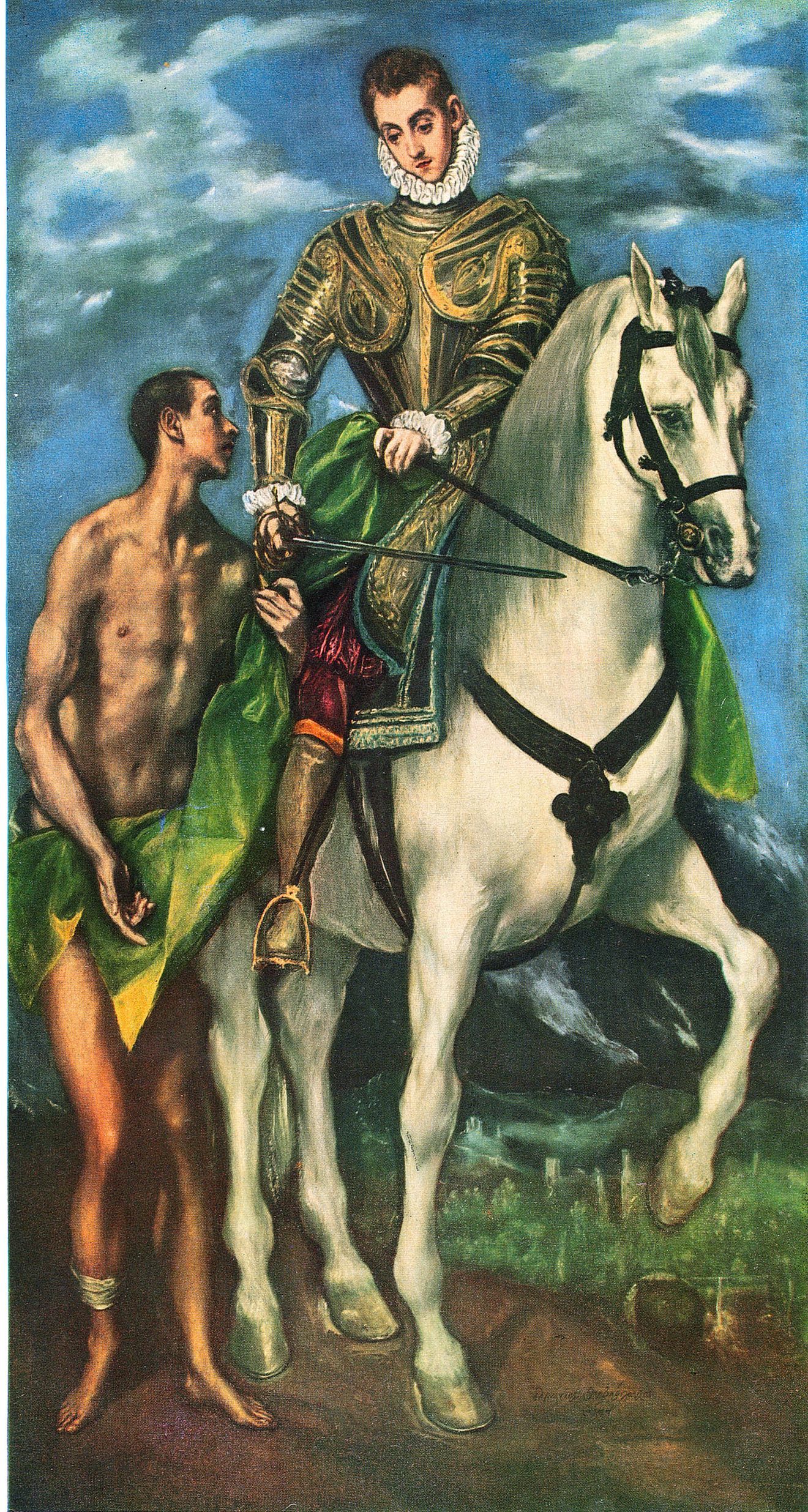
«ДЕВУШКА В КРАСНОЙ ШЛЯПЕ»

Кисти Яна Вермеера (1632—1675). Этот жизнерадостный голландец, одаренный не слишком богатым воображением, проявил непревзойденное умение в своей живописи. Многие более крупные художники уступают ему в техническом мастерстве. Критики восхищаются его способностью «согласовывать цели и средства с такой точностью и находчивостью». Вермеер сумел найти чудесное равновесие между светом и тенью, частным и общим, между тем, что нужно включить, и тем, что следует опустить. Из коллекции Меллона.

«СВ. MARTIN И НИЩИЙ»

Кисти Эль Греко (1541—1614). В стиле Эль Греко, как и в живописи наших дней, натурализм заменен экспрессионизмом. Форма фигур определяется не законами природы, а эмоциональным подходом художника. Картина была написана для часовни Сан-Хозе в Толедо на излюбленную в Испании тему: Св. Мартин отдает свой плащ нищему. Это, вероятно, первый из нескольких вариантов картины Эль Греко на этот сюжет. Из коллекции Уайденера.

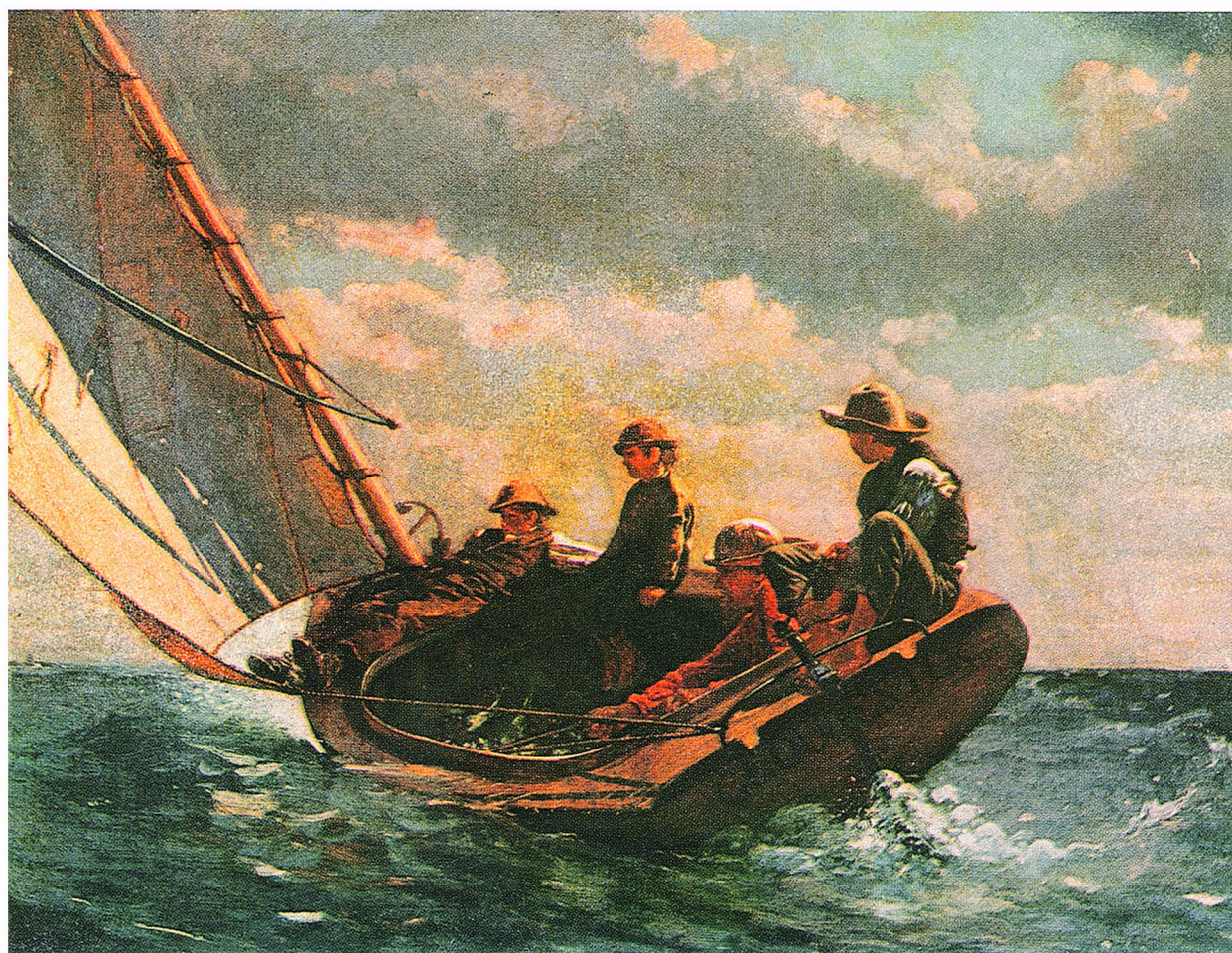

«ДОЖ АНДРЕА ГРИТТИ»

Кисти Тициана (1477—1576). Это один из самых замечательных портретов Тициана. Тициан лучше других мастеров Возрождения понимал дух классического искусства. Его внушительные фигуры обладают пышностью форм и тяжелым великолепием, характерными для греческой скульптуры Золотого века. Эффект, производимый этой картиной, объясняется отчасти властным жестом мощной руки Дожа, напоминающей руку Моисея в знаменитой статуе Микеланджело. Из коллекции Кресса.

«ВЕТЕР КРЕПЧАЕТ»

Кисти Уинслоу Гомера (1836—1910). В начале своей деятельности Гомер сказал: «Если человек хочет быть художником — он никогда не должен смотреть на картины». Как видно из этого популярного произведения, объективная передача простых фактов является сущностью американского реализма. Вместе с другим художником, Икинсом, он содействовал утверждению реализма в американской школе живописи. Из коллекции Меллона.

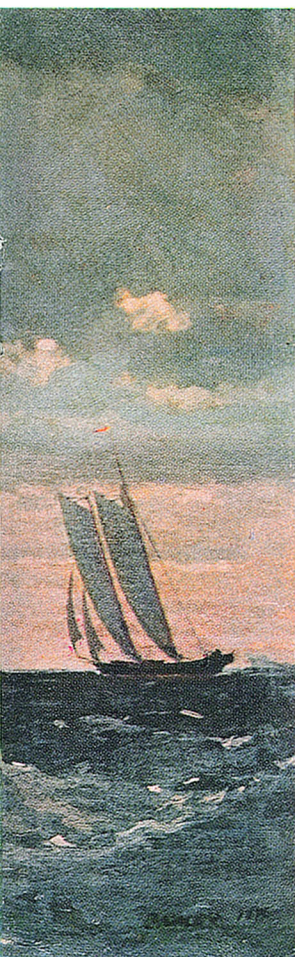
«ПОЛКОВНИК ГАЙ ДЖОНСОН»

Кисти Бенжамина Уэста (1738—1820). На этом двойном портрете раннего американского художника изображены полковник Джонсон, один из первых начальников Администрации по делам индейцев, и его секретарь, индеец Джозеф Брант. В ту эпоху портретная живопись была очень популярна в Америке. Из коллекции Меллона.

РЕТАБЛО ИЗ НЬЮ-МЕКСИКО

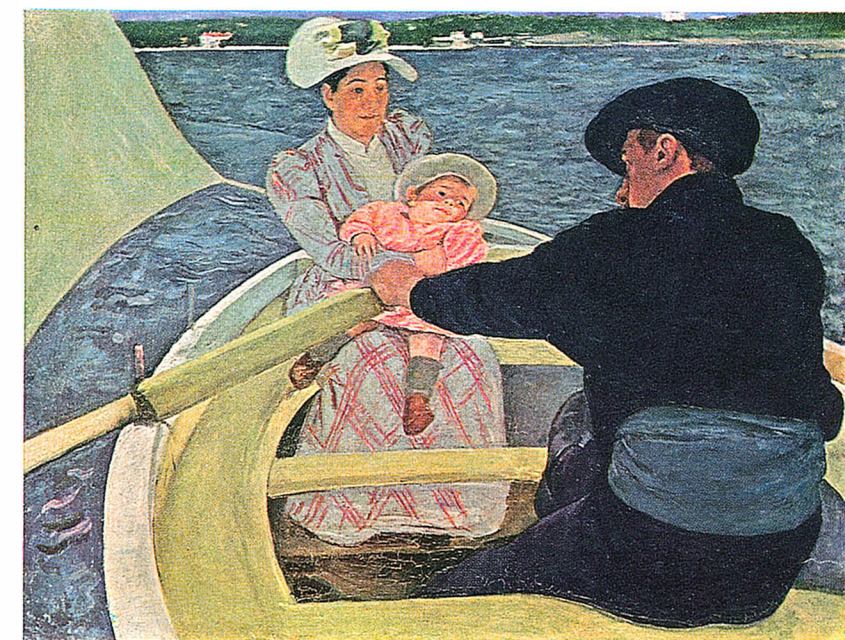
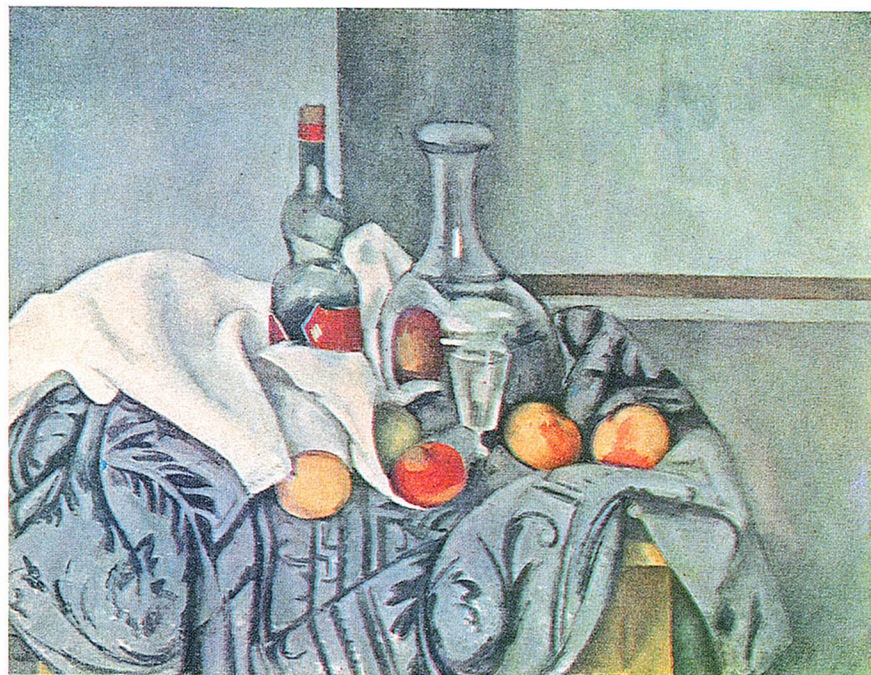
В стиле Мигуэля Арагона (1830—1850). Ретабло — это религиозное изображение, написанное красками, резное или напечатанное на гладкой поверхности. В народном искусстве района Нью-Мексико и Аризоны сочетались испанская и индейская культуры. Такие картины писали священники и затем обучали этому искусству других. Из коллекции американского народного искусства.

«НАТИЮРМОРТ»

Кисти Поля Сезанна (1839—1906). Сезанн сказал однажды: «Я не воспроизводил природу, я представлял ее. Как? Ее пластическими и красочными эквивалентами». Он этим подтвердил теорию Аристотеля, по которой искусство должно быть подражением природы, но не копией ее. Таков был символ веры Сезанна, сделавший его отцом современного искусства. Из коллекции Честера Дэйла.

«ПРОГУЛКА НА ЛОДКЕ»

Кисти Мэри Кассатт (1845—1926). Эта художница, родом из Пенсильвании, училась и работала в Париже. Находясь под влиянием Дега и Моне, она выработала, однако, свой собственный вид импрессионизма. Из коллекции Честера Дэйла.

«МУСМЕ»

Кисти Винcenta Ван-Гога (1853—1890). Этот популярный портрет гейши из японского чайного домика был написан знаменитым голландским художником после того, как он увидел несколько японских гравюр по дереву. Последние научили его писать густыми мазками, создающими впечатление плоскости, или же разбивать однотонность мазками краски другого цвета. Кроме того он подходил к картине с декоративной точки зрения. Из коллекции Честера Дэйла.

Если новорожденный младенец находит мир чудесным, то и он сам, в свою очередь, кажется родителям удивительным, а иногда непостижимым существом. Многие из того, что делает ребенок, взрослые просто не в состоянии понять. Никто из них, например, не может вспомнить, как он относился к сестренке, когда ему было два года, или почему в возрасте шести лет на него находили приступы ярости. Прошедшие годы закрыли родителям доступ в детский мир. Со своей отдаленной «взрослой» точки зрения родители смотрят на ребенка с восхищением, но в то же время и с беспокойством. Не спит ли их малютка слишком много? Не пора ли ему уже начинать ходить? Почему, с годами, ребенок иногда становится образцом послушания, а иногда — ужасающим клубком противоречий и упрямства?

Конечно, молодые родители находят поддержку и руководство в советах других, более опытных, родителей, в замечаниях бабушки о том, что «ты сама вела себя так же, когда была в его возрасте», или в наставлениях врачей-педиатров. Однако даже специалисты до недавнего времени не имели точных критериев для суждения о том, что следует считать нормальным и закономерным в поведении ребенка, а что — симптомами дефективности и отклонения от нормы. Только теперь, главным образом благодаря усилиям одного человека — доктора Арнольда Гезелла, такие критерии были выработаны на благо врачей и многих, многих тысяч родителей.

Д-р Гезелл всю свою жизнь искал ответа на один большой и сложный вопрос: что такое нормальный ребенок? Родители и общественные работники, студенты-медики и медсестры, специализирующиеся по педиатрии, приезжали со всех концов мира учиться под руководством д-ра Гезелла и его сотрудников в Йельской клинике изучения развития ребенка, а затем в Гезелловском институте изучения ребенка, в городе Нью-Хейвен, в Коннектикуте.

Сорок пять лет наблюдений над длинным рядом здоровых малышей и регистрации путем клинических заметок и кинофильмов всех их произвольных движений, смеха и слез во время сна, еды или игры — отвели д-ру Гезеллу совершенно особое место в истории медицинской науки. Д-р Гезелл впервые ввел науку о развитии ребенка в рамки клинической медицины. Несомненно, это единственный в стране психолог и педиатр, который может теперь с полным знанием дела судить о том, что характерно и нормально для младенца семи месяцев отроду или любого другого возраста, начиная с самого рождения. Свои слова он всегда может подтвердить иллюстрациями из огромной коллекции кинофильмов, показывающих одного ребенка за другим; каждый поставлен перед ситуацией, соответствующей его возрастной группе. Сходство детских реакций настолько очевидно, что даже для неопытного глаза может быть ясна нормальная линия поведения.

Многие, не принадлежащие к специалистам, посетители Гезелловского института, ожидают попасть в лабораторию столь же таинственную, как мастерская мага или чародея, и увидеть

ДЕТИ ОСТАЮТСЯ ДЕТЬМИ

ВАЙОЛЕТ ВУД

приборы, не уступающие по сложности электронным счетно-аналитическим машинам. На деле нет ничего проще оборудования, применяемого в этом институте, который расположился в старом особняке и выглядит, по выражению одного ребенка, как «замок доброго дяди». «Лаборатория» для младенцев и детей дошкольного возраста представляет собой ряд смежных комнат с обычной конторской мебелью или такой, какую можно найти в любой детской. Сделаны лишь некоторые приспособления для наблюдений за поведением детей. В комнате для младенцев, например, к детской кроватке приделано в головах зеркало, закрывающееся складной ширмой. В остальном же она ничем не отличается от обыкновенных кроваток. А «испытательные приборы», сложенные в лабораторных шкафах, — просто вещи из игрушечных магазинов: красные кубики, тонкое колечко на шнурке, погремушка, звоночек...

Посетители и студенты наблюдают за опытами через окно с поляризованным стеклом. Это устройство д-р Гезелл применяет уже много лет. Стекло такого типа пропускает изображение только в одном направлении и позволяет поэтому следить за ребенком, который в это время не отвлекается видом посторонних людей. Часто группа студентов с изумлением наблюдает, как младенец реагирует на самые разнообразные ситуации. Записанные и приведенные в определенный порядок, его реакции дают возможность, путем сравнения с нормальной шкалой поведения, установить степень развития ребенка в области координации движений, овладения даром речи, отклика на окружающую среду и т. д.

Например, семимесячного малютку сажают на стулик, поставленный внутри его кроватки (мать сидит рядом). Поперек стенок кроватки кладется доска, которую малыш может пользоваться как столом для игры. Подождав некоторое время, чтобы ребенок освоился с ее присутствием, лаборантка кладет перед ним один предмет за другим: два кубика, колечко, погремушку, звоночек и другие экспериментальные объекты.

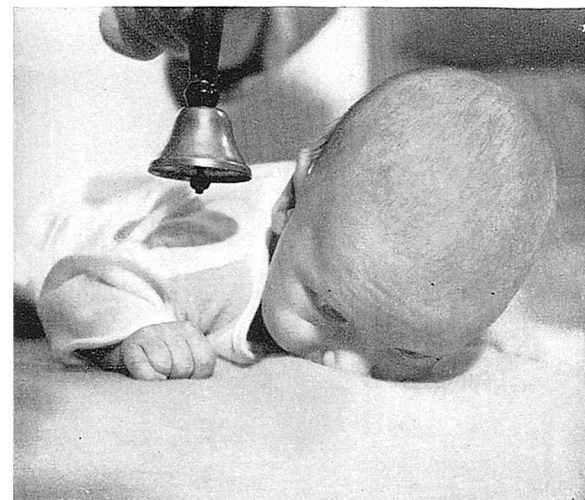
Отделенная от ребенка поляризованным стеклом, хорошо подготовленная наблюдательница-специалистка тщательно регистрирует все его движения и реакции на испытательный материал: как он хватается кубик? Может ли он

переложить этот кубик из одной ручки в другую? Сосредоточивает ли он все внимание на одном кубике или уделяет внимание и другому? Как далеко заходят его усилия, чтобы достать приманку — колечко на шнурке, повешенное вне легкой досягаемости? Может ли он трясти погремушку и звонить в звоночек? Общается ли он во время игры с окружающими голосом или выражениями лица? Что он делает, когда с кровати удаляют стульчик и доску? Какова его реакция на собственное изображение в зеркале?

Если посетитель спросит, как в таком положении обычно поступает нормальный семимесячный ребенок, д-р Гезелл вкратце ответит следующее: «Он сидит, склонившись вперед и опираясь на руки. Он тянется за кубиком, зажимает его в ладонь и перекладывает из руки в руку. Во время игры он весело бормочет. Он трясет погремушку и ударяет в звоночек. Если его поддерживать в вертикальном положении, такой ребенок подпрыгивает. Своему изображению в зеркале он радостно улыбается и гладит зеркало».

Дитя, поступки которого указывают на серьезную задержку в развитии, реагирует в большинстве из перечисленных положений совер-

Многие из опытов, которыми д-р Гезелл определяет степень развития ребенка, очень несложны, но точны. В данном случае ребенок слышит звон колокольчика и пытается найти, откуда он раздается.

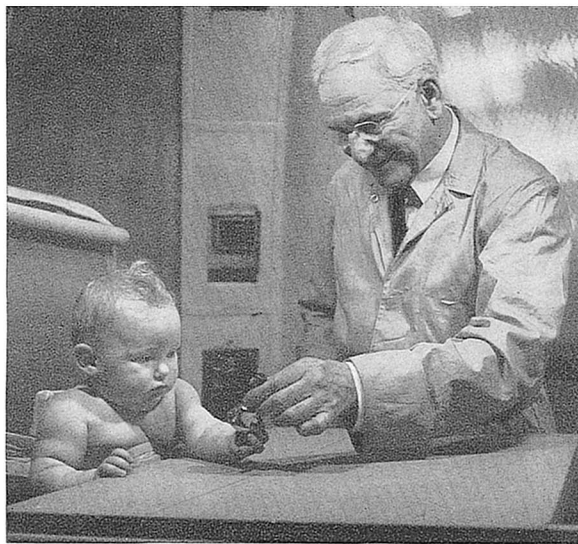

Доктор Гезел подает кубики ребенку, в то время как наблюдатели, невидимые за перегородкой из металлической сетки, отмечают малейшие реакции ребенка.

Пятимесячный Джералд немедленно повернул голову по тому направлению, откуда зазвонил колокольчик. Однако, когда опыт был повторен двенадцать раз, ему все это определенно надоело, и он начал зевать.

Чтобы установить, насколько хорошо шестимесячная девочка владеет своими руками, д-р Гезел дает ей колокольчик. Каждое движение девочки фотографируется скрытым киноаппаратом.

Дебби, десяти месяцев, проявляет уже сознательный интерес к колокольчику. Она осматривает его, решительно схватывает и, наконец, начинает звонить, подражая взрослым.

шенно иначе. Такой младенец может схватить один кубик и не обратить внимания на другой, он будет рассматривать колечко на шнурке, но не сделает никакого движения к предмету. Когда стулик и доска снимаются с кровати, он обычно сразу же ложится и пассивно лежит на спине. Он улыбается своему изображению в зеркале, но не тянется к нему и не гладит его.

Если такой ребенок поступил из детского приюта, а не из семьи, д-р Гезелл отказывается ставить быстрый диагноз. Он нашел, что маленькие дети, прожившие первые недели или месяцы своей жизни в общественных учреждениях, иногда производят впечатление отсталых не из-за отсутствия природной одаренности, а лишь вследствие ограниченности своего опыта и кругозора в окружавшей их среде. Как бы ни был превосходен уход за детьми в больнице или приюте, он никогда не может заменить ребенку индивидуального внимания и любви, которые он получает в семье.

Подобные случаи навели д-ра Гезелла на мысль о наличии некоей «ложной дефективности» у приютских детей; «ложной» потому, что она является лишь временной и полностью исчезает, когда изменяется породившая ее неблагоприятная обстановка. Никаких следов от нее не остается при вторичном испытании ребенка, прожившего некоторое время у приемных родителей. Если, однако, ребенок обладает врожденными недостатками, он проявит признаки отсталости при любом окружении.

Примером многих таких случаев может послужить история маленького Поля. Хотя она и рассказана здесь по необходимости в сжатом и упрощенном виде, на деле работа Йельской клиники в области размещения детей по приемным семьям представляется весьма сложной и крайне деликатной.

Полю был найденный, поведение которого в семимесячном возрасте указывало на задержку в развитии, что, по предположению работников клиники, могло объясняться его жизнью

в приюте для бездомных детей. Поэтому ребенок был взят из приюта и помещен в частный дом. К концу испытательного периода приемные родители так привязались к Полю, что пожелали формально его усыновить. Его привели обратно в клинику восемнадцатимесячным малышом, очаровательным с виду, прекрасно развившимся и без всяких физических недостатков.

В клинике Поля взяли в лабораторию для детей дошкольного возраста. Ее обстановка состояла из крошечного стульчика и столика для ребенка, стула, находившегося несколько в стороне, для приемной матери, и другого стула для лаборантки, стоявшего рядом с детским столиком и шкафом с испытательным материалом.

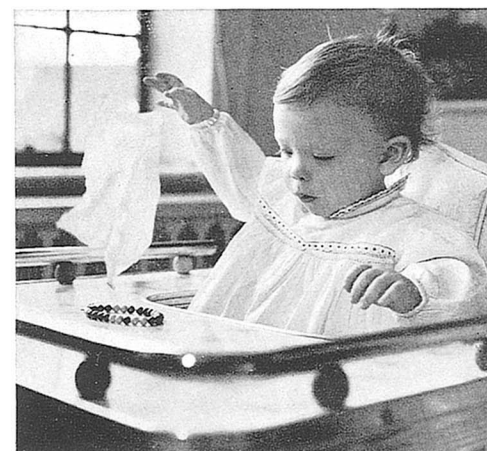
Пока Полю осваивался с новой для него комнатой, испытательница беседовала с приемной матерью о его привычках во время еды и сна, поведении при отплевывании естественных надобностей и во время процесса одевания, о степени его самостоятельности во время игры и объеме его запаса слов.

Наконец, Полю осторожно уселся на маленький стульчик перед столом, что само по себе представляло испытательную ситуацию, немедленно отмеченную двумя лицами, наблюдавшими за сценой через стекло: регистраторшей и представительницей того общественного учреждения, которое было ответственно за судьбу ребенка.

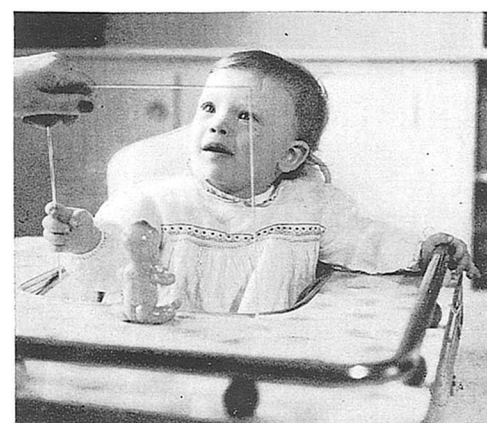
Когда Полю дали десять кубиков, он из трех построил башню. Мальчик проявил полное доверие к испытательнице и часто ей улыбался. Он мог ясно произносить «папа», «мама», «бай-бай» и некоторые другие слова. Подетски щебеча от восторга над картинками в книжке, данной ему испытательницей, Полю повернулся на стульчике к приемной матери, чтобы поделиться с ней своими открытиями. Когда ему дали куклу, он обнял ее и начал «разговаривать» с нею, но охотно подчинился просьбе испытательницы вернуть ей куклу. Затем Полю предложили игрушку на колесиках

Как свойственно его возрасту, пятимесячный Джералд реагирует на маску как на настоящее лицо. Ее уродство его ничуть не удивляет.

Смышленная 10-месячная девочка подвергается нормальному для ее возраста испытанию: она находит незнакомые ей бусы под тонкой бумагой и сосредотачивается на них. Она не выдерживает экзамена для 14-месячных.

В возрасте одного месяца, ребенку в колыбели окружающий мир и населяющие его люди представляются какими-то неясными пятнами.

В возрасте трех месяцев, ребенок играет больше всего своими ручками. Первая открытая им часть его тела — его собственные руки — вероятно, выглядят в его глазах так.

Шестимесячный ребенок едва ли различает больше одного предмета одновременно, в данном случае — это бутылка с молоком.

с веревочкой; он по собственной инициативе поднялся со стула, поставил игрушку на пол и пошел по комнате, таща игрушку за собой.

Общественная работница, которая уже знала, по фильмам д-ра Гезелла, как в таких случаях ведут себя нормальные дети, могла теперь сама убедиться, следя через окно, в каком состоянии находилось психическое развитие мальчика. Он делал в основном, — с небольшими очаровательными вариациями, свидетельствующими об его индивидуальности, — совершенно то же, что до него уже делало множество детей его возраста. Таким образом, Поль, отстающий ребенок в возрасте семи месяцев, стал в полтора года таким как все. Перед глазами общественной работницы еще раз прошло то чудо, что совершает над отзывчивой детской душой великая сила любви.

Конечно, кончаются столь благополучно не все случаи подобного рода, но все же достаточно многие из них, и это дает возможность д-ру Гезеллу снова и снова повторять на лекциях перед аудиторией и на печатных страницах журналов, что «серьезнейшим аргументом против содержания детей в приютах является тот своеобразный психический комплекс, который эти учреждения вырабатывают в ребенке. Его «выздоровление» в семейной обстановке служит неопровержимым свидетельством в пользу воспитания бездомных детей приемными родителями, хотя бы в чужой, но настоящей семье».

Говоря об этом, д-р Гезелл имеет в виду ребенка, никогда не знавшего материнской любви и семейной жизни, ребенка, эмоциональный опыт которого был обеднен непрерывным пребыванием в доме для найденных, больнице, сиротском приюте, детских яслях или закрытом учебном заведении. К подобным заведениям д-р Гезелл не относит центры дошкольного воспитания или дневные детские сады, откуда ребенок ежедневно возвращается под сень родного дома, в теплую обстановку заботливой семьи.

Напротив того, д-р Гезелл пропагандировал идею организации детских садов для самых маленьких еще в то время, когда они не были распространены в Америке и для детей более старшего возраста. Однако, начиная со Второй мировой войны, когда небывалое раньше количество американских матерей было занято работой на фабриках и в учреждениях, число детских садов стало быстро расти. Недавно было даже предложено сделать их частью общеамериканской бесплатной школьной системы, чтобы они могли охватить всех маленьких детей страны.

За сорок пять лет работы с детьми д-р Гезелл — не только врач-педиатр, но и психолог — оказал глубокое влияние на науку о детской психологии и на здравоохранение детей в Соединенных Штатах. Сорок пять лет тому назад психологи, следуя теориям Фрейда, нередко черпали свои представления о детском возрасте в печальных воспоминаниях взрослых в моменты душевных кризисов. В то время специалисты по педиатрии были неслышанным явлением, и если домашнему врачу казалось, что ребенок развивается ненормально, ему следовало держать свои сомнения при себе, ибо у него не было никаких решительно критериев нормального развития, не говоря уж о ненормальном.

Все это изменил д-р Гезелл, обратившись за источником своих познаний непосредственно к детям. В 1911 г. он основал Клинику изучения развития ребенка при Йельском университете, которой и руководил в течение тридцати семи лет. С помощью Рокфеллеровского фонда, Корпорации Карнеги и других благотворительных организаций, он принял в своей клинике обширную программу всесторонних научных исследований, распространения полученных знаний и практического их применения, которая имела далеко идущие последствия для американского ребенка.

Его научно-исследовательская программа

вызывала к жизни подобные же начинания почти во всех американских университетах — как частных, так и принадлежащих отдельным штатам. Клиническое обслуживание, первоначально предназначенное лишь для местных родителей и агентств по усыновлению, расположенных поблизости от Нью-Хейвена, стало доступным для людей со всех концов страны. Студенты приобретали знания, принимая участие в жизни и работе клиники, а приезжие из других стран мира наблюдали и изучали ее деятельность. Работа клиники и ее печатные труды повлияли на весьма значительное количество профессиональных руководителей организаций, посвященных вопросам благополучия детей. Новейшая концепция детского развития оказала влияние и на врачей-педиатров, работающих в детских больницах и занимающихся частной практикой, а также и на педагогов в школах для нормальных, одаренных и дефективных детей по всей Америке.

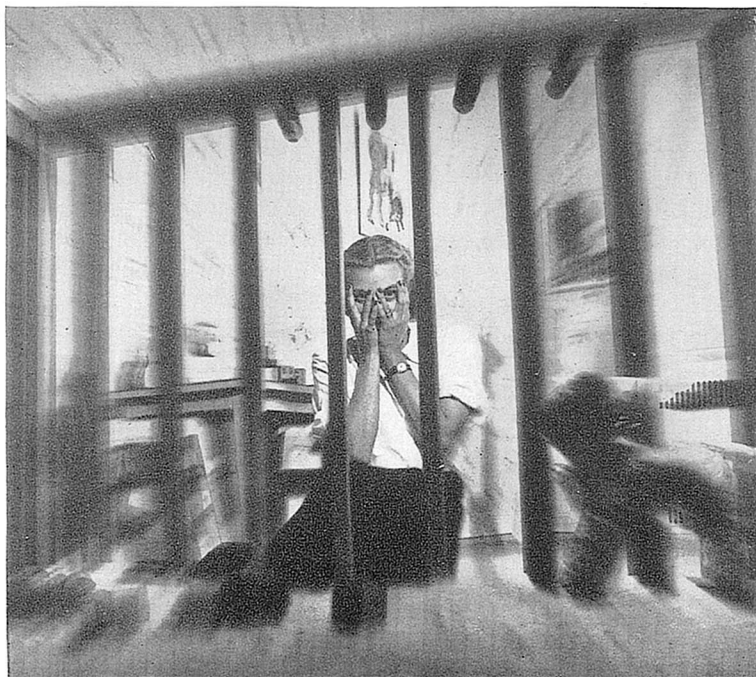
Кроме руководства клиникой, д-р Гезелл в течение нескольких лет работал в качестве школьного психолога при Отделе народного образования штата Коннектикут, — это была первая должность такого рода в Соединенных Штатах. В результате его работы, в Коннектикуте был проведен в жизнь ряд новых проектов, среди которых можно упомянуть общештатную программу обучения детей-инвалидов.

В настоящее время школьная сеть во многих городах Америки имеет в своем персонале одного или несколько психиатров. Почти в каждом штате отпускаются средства на то, чтобы специально подготовленные преподаватели могли заниматься на дому с детьми, прикованными к постели или к креслу на колесах.

Твердо решивши найти ответ на вопрос «что можно считать нормальным?», д-р Гезелл заручился содействием со стороны родителей грудных младенцев и детей дошкольного возраста, живущих в Нью-Хейвене и его окрестностях. Сотрудничество родителей дало возможность д-ру Гезеллу наблюдать и регистрировать поведение тысяч малышей в возрасте одного, четырех, семи и десяти месяцев, а также от одного года до шестнадцати лет. Многие гордятся тем, что находились под его бдительным наблюдением в переломные периоды детства и отрочества. Время от времени д-р Гезелл пересматривает свои записи, желая убедиться, соответствуют ли еще действительности его ранние заключения и прогнозы. Как выяснилось, наблюдения над развитием детей в младенческом возрасте часто сохраняют свое значение и для последующих лет. Однако д-р Гезелл предупреждает, что его метод определения детского развития требует тщательного и всестороннего клинического обследования ребенка. Итогом всех этих изысканий явился ряд книг и свыше сотни специальных статей, из которых многие получили признание в научных кругах всего мира.

Четыре его книги — «Как растет ребенок», «Дитя и младенец в наш век», «Первые пять лет жизни» и «Ребенок от пяти до десяти» — сделали имя д-ра Гезелла известным в каждом

Этот снимок дает представление о пропорциях видимого 9-месячным ребенком мира, который постепенно становится для него миром трех измерений. Он все еще сосредоточивается на одном предмете.

семейном доме Соединенных Штатов. В его книгах американские родители нашли ответы на обычные вопросы, понятные им критерии и опыт, который может служить лучшим руководителем, чем неопределенный оптимизм бабушек. Свободные от научного жаргона, увлекательно написанные и обильно снабженные убедительными примерами, эти книги завоевали широкую популярность в Соединенных Штатах и были переведены на многие иностранные языки.

В июне прошлого года д-р Гезелл, все еще статный и бодрый, несмотря на свои семьдесят шесть лет, поставил новую веху в области изучения психологии подростка, опубликовав книгу «Юные годы: от десяти до шестнадцати». В этом труде он и его долголетние сотрудники д-р Фрэнсес Л. Илг и д-р Луиза Бейтс Эймс показали американским подросткам, как они выглядят в неприкрашенном виде. Портрет получился довольно привлекательный. Подросткам он понравился, родители раскупили тысячи экземпляров книги, а журналисты, судьи для малолетних, работники общественных организаций, священнослужители и руководители клубов молодежи стали усиленно обсуждать ее в печати, с проповеднических кафедр и по радио.

Двести подростков, послуживших натурой для этого коллективного портрета, принадлежали к семьям среднего класса и лиц свободных профессий. С десяти до шестнадцати лет они периодически посещали Гезелловский институт и проводили там целый день, подвергаясь ряду специальных тестов для определения их умственного развития, интеллектуальных способностей и их физического и психического здоровья. Кроме того, сотрудники института вели с ними беседы для выяснения их взглядов по всем вопросам, начиная от интереса к другому полу и кончая отношением к Богу.

Почему Джонни, в общем приятный и послушный мальчик десяти лет, ни за что не желает принимать ванну? Д-р Гезелл успокаивает смущенных родителей: «Есть что-то в природе десятилетнего ребенка, что делает для него воду с мылом нестерпимой вещью».

Пятнадцатилетняя Джанет становится необычайно таинственной, заводит секретные дневники и хочет уехать в школу далеко-далеко от родного дома. Что с ней происходит? Д-р Гезелл пишет о поведении мальчиков и девочек в этом переходном возрасте: «Пятнадцатилетний подросток глуп и умен в одно и то же время. Он с негодованием отвергает всякое излишнее вторжение в его личную жизнь. Но, вместе с тем, больше всего на свете он нуждается в общении с другими, своим поведением сплошь и рядом лишая себя этого. Чтобы иметь с ним дело, необходимо величайшее терпение и понимание. Его постоянными требованиями являются свобода и независимость. Можно подумать, что у него никогда не было ни той, ни другой».

«Здоровая уверенность в своих силах, — продолжает д-р Гезелл, — характерная черта шестнадцатилетнего возраста. Мальчик в шестнадцать лет просит не беспокоиться о нем. —

Зачем печаль? — говорит он. — Почему не брать от жизни все? Он чувствует себя почти взрослым. Он даже несколько удивлен, что его взгляды мало чем отличаются от взглядов его родителей. Во время интервью один подросток выразился так: — До сих пор я еще не встретил в жизни ничего, что противоречило бы наставлениям моих родителей. — Таким образом, мятежник в пятнадцать лет, к шестнадцати годам он постепенно приобретает чувство независимости и ответственности за свои поступки. Выражаясь иносказательно, юноша шестнадцати лет, поднявшись на цыпочки, уже может достигнуть возмужалости. Он уже почти взрослый человек».

Каким образом д-р Гезелл заинтересовался детьми и подростками, изучением их развития и распространением полученных знаний среди родителей? Ответ на эти вопросы дает до некоторой степени его биография. Он родился в городке Алма, в штате Висконсин, в 1880 г. У его родителей, выходцев из Германии, было пятеро детей, из которых он был старшим. Отец его был фотографом, мать, до замужества, — школьной учительницей. Доходы семьи были весьма скромны, но на детей, родившихся в Америке, возлагались большие надежды. Родители поощряли их усиленно учиться и добиваться высшего образования, которого им самим получить не удалось. Все пятеро в этом преуспели.

Несомненно, д-р Гезелл заимствовал от отца ранний интерес к фотографии. Он использовал кинематографический аппарат в качестве механического глаза, способного запечатлеть малейшее движение ребенка, вплоть до мигания глазок, а затем безошибочно воспроизвести свое «воспоминание» на экране. В связи с этим д-р Гезелл разработал систему киноанализа, т. е. изучение заснятого фильма кадр за кадром, как научное пособие для себя и других. За годы его работы было заснято и индексировано более 90.000 метров фильма, доступного ныне для учебных занятий и консультаций целыми сериями или отдельными кадрами. Некоторые из фильмов — с комментариями д-ра Гезелла — получили широкое распространение в Америке и за границей. Из них заимствованы и 3.200 фотографий, иллюстрирующих двухтомный «Атлас поведения ребенка» д-ра Гезелла.

Если отец повлиял на его интерес к фотографии, то несомненно от матери получил д-р Гезелл свое предрасположение к педагогической деятельности. Несколько лет он преподавал в средней школе, затем поступил в университет Кларка в городе Вустер, штат Массачусетс, откуда и получил степень доктора психологии в 1906 г. За этим последовал период преподавания психологии в педагогическом институте Лос-Анжелеса; и только после этого Гезелл поступил в Йельский университет, где получил звание доктора медицины и начал свою профессиональную деятельность.

Некоторые психологи — как американские, так и иностранные — критикуют работу д-ра Гезелла. Они обвиняют его в узости и поверхностности. По их мнению, не имеет смысла утверждать, что «десять лет — золотой век ребенка» и что «в пятнадцать лет подросток

находится в состоянии войны с самим собой и с семьей». Критики желают знать, *почему* в десять, пятнадцать лет, или в любом другом возрасте, дети ведут себя так, а не иначе.

Такого рода критика до известной степени оправдана. Однако она совершенно игнорирует те цели, которые поставил себе д-р Гезелл. Эти цели, какими бы ограниченными они не казались, потребовали от д-ра Гезелла и его преданных сотрудников свыше сорока пяти лет напряженных усилий. Д-р Гезелл никогда и не утверждал, что его работа носит всеобъемлющий характер. Напротив того, в предисловии к одной из своих книг он писал вполне откровенно: «Читателю не следует слишком разочаровываться, если он не найдет здесь законченной теории, которая могла бы объяснить скрытые силы и мотивы, определяющие поведение ребенка. Нам прежде всего необходимо ознакомиться с естественными процессами развития ребенка и их результатами. Только такое знакомство подвинет нас на шаг вперед к разрешению скрытых загадок».

Считает ли д-р Гезелл, что он достиг поставленной цели? Некоторым ответом может послужить следующее его замечание: «Современное состояние наших познаний о душе ребенка можно сравнить с картой мира XV столетия: смесь правды и ошибок, и головы фантастических морских чудовищ высываются из синей глубины неведомых морей. Предстоит исследовать еще обширные неведомые области...»

Однако, по мнению многих американских родителей, д-р Гезелл слишком скромен. Для них его работа пролила яркий свет на то, что следует ожидать от детей по мере их роста. Этим родителям полезно и утешительно знать, что «хотя каждый ребенок является индивидуальностью со своим собственным жизненным опытом, он неизбежно пройдет через определенные стадии развития и разделит со всеми детьми некоторые черты характера, типичные для данного возраста». Для многих деятелей сегодняшней Америки, работающих в области детского образования и воспитания, начерченная доктором Гезеллом карта представляется куда более совершенной, нежели географические карты XV века. Для них это хороший путеводитель для исследования «неведомых областей».

Матерям, которые пытаются ускорить развитие своих детей, д-р Гезелл дает простой совет: «Рост требует времени. Это относится не только к растениям, но и к ребенку. Его контроль над мускулами, его мозг, его моральные понятия и духовные силы проходят через определенные стадии развития, подчиняясь естественным законам». Отцов, желающих во что бы то ни стало сформировать своих сыновей по собственному образу и подобию, д-р Гезелл предостерегает: «У юноши, к природным задаткам которого, — какими бы скромными они ни казались родителям, — не относятся с должным вниманием, может создаться серьезная душевная травма». И когда д-р Гезелл повторяет, что дети всякого возраста остаются детьми и ведут себя как дети, в его словах заключается серьезное наставление, а совсем не простая игра слов.

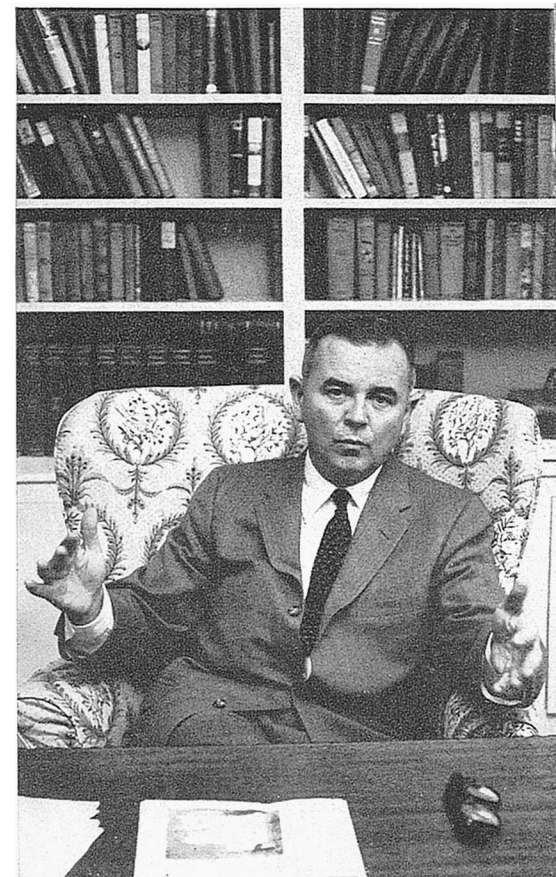

ФОТО АЛЬФРЕДА ЭЙЗЕНШТАДА
С разрешения журнала «ЛАЙФ»

Стоя во дворе своего дома, судья Бреннан утешает дочку Нанси. Она грустно прощается с Расти Юнгом, одним из ее лучших друзей, и рассказывает ему о предстоящем переезде.

«Ты можешь пойти к Расти поужинать, но не оставайся слишком долго, так как завтра, рано утром, около семи часов, мы уезжаем в Вашингтон».

Бреннан обсуждает свой опыт в судебных учреждениях штата, который будет неоценим для него в Верховном Суде.

Судья готовится к важнейшему делу своей жизни

Недавно Уильям Джозеф Бреннан оставил свой дом в г. Рамсон, в штате Нью-Джерси, и принял назначение в Вашингтон. В связи с переездом, его волновали те же чувства, что и любого смертного, собирающегося перейти на службу в другой город. Была, однако и значительная разница: Бреннан должен был занять один из важнейших и ответственных постов в стране — пост члена Верховного Суда Соединенных Штатов. Укладывая свои вещи в камере судьи штата Нью-Джерси и стараясь облегчить своей дочке расставание с друзьями, судья Бреннан неот-

ступно думал о предстоящей работе.

Долгие годы Бреннан с отличием исполнял должность судьи в судебных учреждениях штата Нью-Джерси; тем не менее, назначение в высший трибунал страны оказалось для него полной неожиданностью. Получив извещение об этом, он, по его словам, «был совершенно потрясен».

Бреннану сейчас пятьдесят лет, он будет самым молодым членом нынешнего Верховного Суда, но несмотря на это у него фактически больше судейского опыта, чем у многих его коллег по Верховному Суду.

Последние были большей частью подобраны из таких сфер служения обществу, как федеральные суды первых инстанций, учебные заведения, просветительные учреждения и федеральное правительство. Карьера Бреннана в судах Нью-Джерси была отмечена его энергичной кампанией за ускорение хода судопроизводства. Система, установлению которой он содействовал, сделала суды штата Нью-Джерси образцом скорого судебного разбирательства для всей страны и снискала ему много похвал.

Отец Бреннана иммигрировал из Ирландии и работал кочегаром на фабрике в Ньюарке (Нью-Джерси); позднее он стал служащим профессионального союза и был рабочим представителем в городском управлении.

Бреннан получил образование в университете штата Пенсильвания, зарабатывая деньги на учебу любой подвернувшейся работой. В год поступления на юридический факультет Гарвардского университета он женился на Марджори Леонард. Занимаясь адвокатской практикой, он специализировался на рабочем праве и во время Второй мировой войны был назначен начальником личного состава индустриального отдела Артиллерийского и технического снабжения американской армии.

Пост, на который он теперь призван, по престижу и значению в государственном управлении США, можно сравнить только с положением Президента и Конгресса.

В качестве высшего органа одной из трех властей — законодательной, исполнительной и судебной — Верховный Суд устанавливает конституционность законов, изданных как законодательными собраниями отдельных штатов, так и Конгрессом. Никакой акт Президента или Конгресса, признанный Верховным Судом несоответствующим конституции, не имеет законной силы.

Назначение Бреннана в Верховный Суд сделано Президентом и подлежит утверждению Сенатом. Основоположники американской конституции создали Верховный Суд в качестве судебного органа, не затрагиваемого меняющимися политическими течениями. Члены Верховного Суда назначаются пожизненно и могут быть удалены со своих постов только за серьезные проступки и преступления, наказуемые законом. До сих пор, на протяжении всей истории страны, ни один из членов Верховного Суда не был уволен в таком порядке. Жалованье судьи не может быть понижено за время его службы и, так как Верховный Суд не издает законов, а только истолковывает их, девять членов Суда могут выносить свои решения, не смущаясь никакими политическими соображениями.

В свете столицы Бреннанам будет не так легко стоять в стороне от общественной жизни, как это было в Рамсоне, который они собираются часто навещать. Но маленькая Нанси, как это свойственно детям, огорчается разлукой с друзьями и радуется будущим знакомствам в Вашингтоне.

ДЖО КАМПБЕЛЛ

Нанси со смехом крепко обнимает своего отца, когда он снимает ее с забора, на который она отважно взобралась. Она будет скучать по широкому затененному деревьями двору.

«Мы будем навещать Рамсон при малейшей возможности, так это ты видишь эти места не в последний раз. Кроме того, Вашингтон — гудный город, и, я уверен, мы там проживем на славу».

Юный Скиппи Кинг подает в окно автомобиля прощальный подарок своей подруге Нанси. Судья Бреннан обещает Скиппи, что он не развернет его украдкой.

Вспоминая прошлые времена
и думая о будущем, судья последний раз
качает Нанси на качелях,
которые он построил для нее
на лужайке, перед их домом в Рамсоне.

*«Я не большой специалист по этой гаси,
но я ухитрился основательно закрепить
устои казелей в бетоне. Их ни за что
не вытащить, так что, я полагаю, казели
останутся здесь для следующего владельца
и он будет качать на них своих детишек».*

Перед отъездом, Бреннан сообщает
новость соседу в Рамсоне: сын Хью
и его жена ожидают появления
на свет ребенка, так что
судья скоро станет дедушкой.

Леонард Страусс (слева от жены) и его друзья: банкир — виолончелист, сотрудник рекламного агентства — скрипач, закупщик универмага — флейтист.

В поисках четвертого

ФИЛ КАМЕРОН

Для музыканта, любителя камерной музыки, весь мир делится на четыре, т. е. на число музыкантов, необходимых для исполнения квартетов. Конечно дуэты, трио, квинтеты тоже хороши, но почему-то они не дают того чистого наслаждения, которое доставляет музыка, написанная для четырех инструментов. Однако, найти четвертого не так-то легко. Поклонники камерной музыки, к сожалению, не имеют возможности распознавать друг друга по внешнему виду. Постоянные участники квартетов могут переехать в другой город и оставить своих бывших товарищей и самих себя без партнеров. Некоторым музыкантам-любителям приходится разъезжать по делам и проводить без музыки ряд вечеров в чужих городах, где у них нет музицирующих друзей.

Так было до тех пор, пока недавно скончавшийся Леонард Страусс не придумал нечто, в корне изменившее эту ситуацию. Страуссу, по профессии фабриканту мусоросжигательных печей, нередко приходилось отлучаться из дому и расставаться со своими музыкальными друзьями в городе Индианаполисе (в Индиане). Уезжая в деловые поездки, он всегда, на всякий случай, брал с собой скрипку, но она, обычно, бездействовала в его номере гостиницы. Страусс был убежден, что в любом лежащем на его пути городе были музыканты-любители, которые охотно помузицировали бы с ним, если б только ему удалось разыскать их. Наконец, однажды вечером, в 1946 г., сидя в номере отеля, он нашел способ помочь таким же, как он, любителям музыки находить друг друга. А именно, он начал составлять список лиц, любящих играть камерные ансамбли. Страусс написал письма пятнадцати любителям, которых он знал лично, спрашивая их, можно ли внести их фамилии в такой список. Те в свою очередь написали другим, и, с этих первых нескольких писем, список начал расти и продолжает расти до сих пор. Сейчас он включает 4.000 фамилий и является справочной книгой организации Музыкантов-любителей камерной музыки (Amateur Chamber Music Players — АСМР).

Собственно говоря, этот справочник и есть сама организация, в которой нет ни выборных руководителей, ни устава, ни членских взносов. Расходы по печатанию списка и его рассылке покрываются добровольными взносами. Большинство членов вносит от одного доллара до десяти в год. Никаких оплачиваемых должностей или персонала не существует. Члены организации встречаются только тогда, когда один из них обращается к другим, чтобы устроить музыкальный вечер. Сойтись вместе могут двое, трое, четверо, пятеро, или — в редких случаях — больше участников; в их числе могут быть и старые друзья, и совершенно незнакомые люди. Состоится ли такое собрание в фешенебельной квартире в Нью-Йорке или в фермерском сарае в Небраске — повестка дня будет неизменно одна и та же: исполнение камерной музыки.

Каждый желающий может вступить в организацию. Он просто сообщает свое имя, адрес, номер телефона, инструмент, на котором он играет, и особые примечания о своем свободном времени, как например: «в любой день, кроме вторников». Кроме того, он должен оценить собственную игру: *ПРО* («профессионал» — таких немного), *А* — отлично, *В* — хорошо, *С* — удовлетворительно, *Д* — «и т. д.» Это «и т. д.» было удачной идеей одного из членов-учредителей организации, мисс Елены Райс. Разумеется, подобные оценки не могут претендовать на полную точность, но, в общем, они в достаточной степени выполняют свое назначение. Лишь немногие ставят себе *А*. Существует сильная тенденция преуменьшать собственные способности, так как каждый знает, что никакое преувеличение не укроется от тех, с кем придется играть в ансамбле. Один из членов АСМР как-то в шутку, но с большой долей правды сказал, что единственное необходимое условие для членства в организации — это «вполне чистая совесть». Квартеты можно назвать коварным и строгим испытанием качеств характера. Тот, кто толкает под стол своего партнера по карточной игре, рекомендует себя не лучше, чем участник квартета,

вносящий убийственные crescendo в середину чисто аккомпанирующих пассажей или исполняющий sforzando всегда одинаковыми рывками смычка. И наказание за завышенную оценку собственных достижений всегда будет суровым — например, пренебрежительное ощущение от постоянных записок в последних квартетах Бетховена, на глазах у трех мастеров...

Все музыканты-любители, занесенные в списки АСМР, получают справочник организации, издающийся ежегодно или раз в два года. Члены организации отнюдь не обязаны принимать каждое приглашение любого участника. Но, так как все вошли в АСМР с целью помочь друг другу, то найти музыканта соответствующего уровня обычно совсем не трудно. На выбор предоставлено множество инструментов: рояль, скрипка, альт, виолончель, контрабас, флейта, гобой, английский рожок, кларнет, фагот, валторна, труба, тромбон и старинная деревянная флейта — recorder. Сами члены АСМР так же различны, как и инструменты, на которых они играют. Шофер такси сидит за пультом в трио рядом с адвокатом, студенты играют квартеты с домашними хозяйками и коммерсантами. Любовь к музыке — вот общий знаменатель всех этих людей, отбрасывающий в сторону все различия между ними.

Даже различие языков не создает препятствий. Когда из других стран начали поступать заявления о приеме в АСМР, члены общества, занимавшиеся регистрацией, колебались, заносить ли заграничных коллег в списки. Они боялись, что у немногочисленных иностранных членов организации, особенно в Западной Европе, не будет отбоя от американских туристов со скрипками под мышкой. В конце концов, однако, все желающие были зарегистрированы и специально уведомлены о том, что они отнюдь не обязаны играть чаще, чем сами того пожелают. Все страхи, впрочем, оказались напрасными. Сообщения, исходившие и от хозяев и от гостей, и в Соединенных Штатах и за границей, были единодушно восторженными. Хотя американцы составляют огромное большинство всех занесенных в списки АСМР, однако члены общества имеются и во многих других странах — в том числе в Бразилии, Англии, Южной Африке и Австралии. Члены АСМР отличаются полным отсутствием формализма и легкостью на подъем, когда дело идет об исполнении музыки экспромптом. Часто на музыкальные вечера привозят сонных малышей и они мирно почивают в соседней комнате, в то время как их родители водят смычками по струнам или дуют в духовые инструменты. Однажды три члена АСМР, на своем пути к четвертому, застряли на сельской железнодорожной станции. Чтобы скоротать время, они начали играть трио, пока один из других ожидавших пассажиров не спросил их, не нужна ли им вторая скрипка. Получив утвердительный ответ, он извлек из багажной камеры свой инструмент, и вся компания, до прихода поезда, уселась играть квартеты. Многие члены общества планируют свои отпуска и деловые поездки со справочником АСМР в руках, стараясь останавливаться на ночлег в таких городах, где у них много товарищей по организации.

Основной целью АСМР является помощь музыкантам-любителям в деле нахождения друг друга, но у общества есть и некоторые другие функции. Оно регулярно рассылает своим членам бюллетени о вновь вышедших произведениях камерной музыки и о новых камерных ансамблях, сформировавшихся в Америке или за границей. Организация вообще сыграла видную роль в развитии интереса к камерной музыке, и без того широко распространенного в Соединенных Штатах. Центром музыкальной учебной программы в американской средней школе является ученический духовой или струнный оркестр. Но молодые люди, выучившиеся играть на каком-нибудь инструменте, после окончания школы обычно не находят места в оркестрах. Меньшие по размерам и организационно менее сложные камерные ансамбли дают им возможность продолжать занятия музыкой.

Список членов АСМР растет с каждым годом. А так как в Соединенных Штатах 29.000.000 человек ныне играют или учатся играть на различных музыкальных инструментах, то можно предположить, что в ближайшие годы список станет еще значительно длиннее.

В настоящее время административный центр организации находится в одной из комнат квартиры мисс Райс в Нью-Йорке. Здесь же часто происходят и полуночные импровизированные концерты. Но АСМР собирается теперь переехать в обычное служебное помещение и пригласить платного секретаря для работы, выполняемой ныне в добровольном порядке.

Трое закадычных друзей: доктор Джордж Кларк—виолончелист...

Джон Кайперс — профессор музыки и скрипач — и...

Миссис Страусс — в прошлом профессиональная виолончелистка.

Платье-пальто с медными пуговицами — удобное для любой погоды в городе. Из стирающейся бумажной ткани красного, синего или коричневого цвета мягких тонов. Можно носить с шарфом и без шарфа. Рукава в три четверти, с приспособленными манжетами. 14 долл.

Платье из бумажной ткани с набойкой состоит из трех частей: блузки, двухстороннего кушака из той же материи и юбки в сборку; темносинего, красного или табачного цветов. Блузка — 6 долл. (24 руб.), юбка — 13 долл.

Новая нарядная материя из смеси вискозы с ацетатным шелком, с перекрестным тканым узором. Цвет черный, в сочетании с белым, красным или синим. 13 долл.

С разрешения журнала «ЧАРМ»

Бумажная блузка со стоячим-отложным воротником. Бело-черная со светло-коричневыми, серыми, розовыми или синими полосками. 7 долл.

Бумажная блузка с сатиновыми двухцветными полосками: сине-зелеными, коричнево-бежевыми и бледнозелеными с вишневым, на белом фоне. Стирается. 4 долл.

Платья для города

Платья, которые носят в городе днем, прежде всего должны быть простого покроя. Кричащие цвета и пышные юбки остаются дома — в пригородах и в деревне, а в большом городе носят одежду более строгого стиля. Однако, платья скромного покроя могут быть также и изящными и красочными. Сделаны они из материй сочных тонов, их линии так же привлекательны, как и практичны. Они предназначены для того, чтобы удобно было входить и выходить из поездов и автомобилей и ходить по переполненным магазинам. Материал, из которого они сшиты, не мнется, поэтому они выглядят свежими даже после долгого рабочего дня в конторе. С платьями строгого покроя обычно носят только самые скромные украшения.

УКРОТИТЕЛИ

УРАГАНОВ

ДОНАЛД У. ЛИФ.

В 1900 году, бешенные ветры тропического урагана превратили воды Мексиканского залива в кипящий водоворот белой пены и погнали пятиметровый вал на улицы города Галвестона (в штате Техас). Наводнение застало жителей врасплох, и огромная масса воды в несколько часов поглотила больше пяти тысяч мужчин, женщин и детей. Более страшное бедствие вряд ли когда-либо постигало Соединенные Штаты.

За пятьдесят с лишним лет, прошедших с того ужасного дня, тридцать свирепых ураганов, — наиболее разрушительных штормов, известных в природе, — пронесли над Соединенными Штатами, а сотни угрожающе приблизились к матерiku, прежде чем свернуть в открытое море.

Ураганы — название их происходит от индейского слова «хурукан», означающего «большой ветер», — представляют собой огромные скопления дождевых туч, с бешеной скоростью вращающихся вокруг центра урагана, его «глаза». Достигшие полной силы ураганы доходят до 240 километров в поперечнике. Такие чудовища могут оставить за собой полосу неимоверных разрушений, растянувшуюся на триста километров, и вызвать губительные наводнения на тысячах квадратных километров.

С августа по ноябрь сводки бюро погоды являются делом большой важности для миллионов людей, живущих в «ураганной полосе», на густо заселенном восточном побережье Мексики и Соединенных Штатов. При приближении урагана, они следят по радио и газетам за его путем над океаном, ежечасно надеясь, что он изменит направление и повернет обратно в море, так и не дойдя до них.

В течение приблизительно сорока лет после галвестонской трагедии удары ураганов были направлены главным образом на прилегающие к Мексиканскому заливу районы Мексики и Соединенных Штатов. Однако, начиная с 1938 г., штормы стали свирепствовать со все возрастающей силой и регулярностью над Атлантическим побережьем, захватывая и удаленные от океана области, пока, к 1955 г., их частота не достигла двух-трех ураганов в сезон.

За два года, — 1954-й и 1955-й — на страну обрушилось шесть страшных ударов. Большая часть пострадавшей территории, от обеих Каролин до Канады, не считалась возможной областью действия урагана, и потому число жертв и материальные убытки были особенно велики.

Типичным ураганом была Диана (с целью отождествления ураганов, им дают женские имена, из которых каждое начинается со следующей буквы алфавита). Когда разразилась Диана, она огромными волнами совершенно затопила низменные берега. Ворвавшись на материк через Северную Каролину, Диана устремилась на север и обрушилась страшным ливнем на Новую Англию, разрушая на своем пути все сооружения, созданные для борьбы с наводнениями. Спокойные ручьи превратились в ревущие потоки, снесившие плотины, сокрушавшие бетонные и стальные мосты и сметавшие дома и фабрики. За одни только сутки буря унесла 200 жизней и причинила убытков на миллиард долларов (4 миллиарда рублей).

Как только улегся ветер и спала вода, в газетах и в Конгрессе началась широкая кампания по принятию мер для борьбы с ураганами. Эксперты сошлись на том, что самыми тяжелыми последствиями урагана являются наводнения. Они пришли к выводу, что при четкой работе метеорологов, предупреждающих о приближении урагана, по меньшей мере, за сорок восемь часов, в угрожаемых населенных пунктах могут быть приняты меры предосторожности для

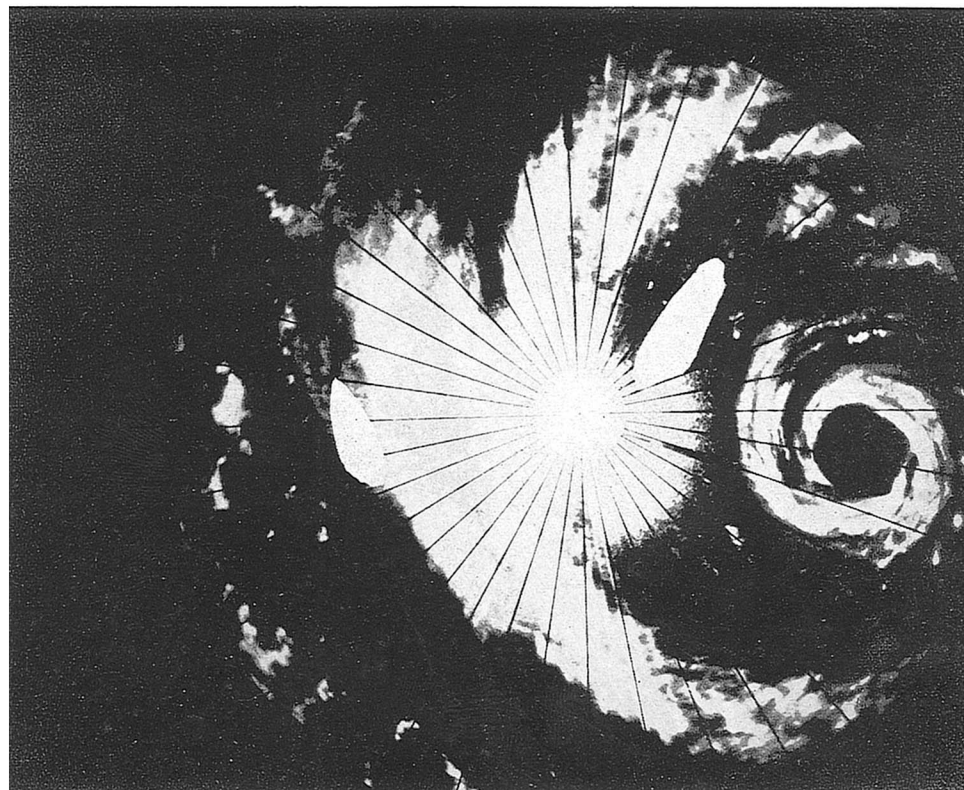
уменьшения числа жертв. Конгресс согласился с этим мнением и ассигновал 13.000.000 долларов на борьбу с ураганами, в первую очередь на улучшение системы предупреждения населения.

В настоящее время достигнута большая точность предсказаний погоды, благодаря высококвалифицированной работе сотен опытных метеорологов, летчиков, инженеров, специалистов по радиолокации и математиков. Люди эти разбросаны по многим отдаленным пунктам, но их объединенные усилия создают эффективную Службу оповещения об ураганах, ведущую постоянные наблюдения над водной гладью в четыре миллиона квадратных километров — над Атлантическим океаном, Мексиканским заливом и Карибским морем, колыбелью бурь.

Почему возникают ураганы? По мнению большинства метеорологов, наиболее благоприятным условием для зарождения урагана является нагрев поверхности моря выше тридцати одного градуса по Цельсию и обусловленное этим усиленное испарение воды, поглощающее тепловую энергию. Когда теплый влажный воздух приходит в соприкосновение с верхними холодными слоями атмосферы, пары внезапно сгущаются в тучи и превращаются в дождь, отдавая огромное количество тепловой энергии окружающему воздуху. В результате возникает сильная тяга вверх и всасывание все новых масс влажного воздуха с поверхности океана. При повторении цикла, интенсивность его все увеличивается, и возникает настоящий гигантский воздушный насос — мощный механизм урагана.

Вращение земли заставляет всю массу воздуха кружиться над

Пожожее на гигантскую шестерку очертание урагана расплзается по экрану радиолокатора.

поверхностью воды подобно бегущему по полу детскому волчку. Когда работа воздушного «насоса» доходит до кульминационной точки, ветры несутся со скоростью 240-320 км./час вокруг центра урагана, и даже на расстоянии до 500 километров от центра ветры достигают штормовой силы и поднимаются вверх на 10 километров.

Более 10.000.000 гектолитров морской воды могут быть всосаны в огромную овальную воронку и подняты к облакам в течение одного дня. Подсчитано, что энергия, освобождающаяся за какие-нибудь десять дней, могла бы удовлетворить потребность Соединенных Штатов в электроэнергии на ближайшие . . . 600 лет.

Такова теория зарождения ураганов. Однако, она не дает ответа на весьма существенный вопрос: что заставляет одну бурю превратиться в разрушительный ураган, тогда как другая, при почти аналогичных условиях, остается лишь локализованным штормом, сопровождающимся ливнем и разражающимся где-то далеко в море?

Исследующие механизм бурь ученые стараются найти ответ на этот вопрос. Совершенствуясь в предсказании погоды, они параллельно накапливают ценнейшие данные о динамике ураганов. Возможно, что настанет день, когда человек сможет изменить направление несущегося на материк урагана, направив его на менее разрушительный путь, или даже лишить силы зародившийся ураган, еще до того как он превратится в реальную угрозу.

Пока что, однако, предсказание и прослеживание пути сильных штормов все еще является наиболее актуальным для районов, которым угрожают ураганы. В этом и заключается работа Службы оповещения об ураганах с ее широкой сетью станций.

Рассмотрим на типичном примере, что происходит при возникновении угрозы урагана.

В Бюро погоды в Сан-Хуане, в Порто-Рико, синоптики спешно наносят на карту показания барометров и данные о скорости и направлении ветра, передаваемые с кораблей и самолетов, находящихся в зоне ураганов. Один из синоптиков замечает две странные вещи: легкий западный бриз наблюдается как раз в центре дующих в восточном направлении пассатов на юго-восток от Порто-Рико, и в том же районе появляется небольшой изгиб на изобарах (линиях, соединяющих места с одинаковым барометрическим давлением). Это называется «восточной волной» и, в совмещении с западным бризом, может означать только одно: сильнейший вихрь в преобладающих пассатах.

Когда с нескольких судов сообщают об испортившейся погоде,

опасения подтверждаются: это «подозрительный район». Вскоре специальный самолет метеоразведки вылетает с морской базы Сан-Хуана, взяв курс на этот район. Самолет, обычно четырехмоторный, оснащен множеством всевозможных электронных приборов.

Пилот старается проникнуть в зону собирающейся бури через ее юго-западный сектор, где, как показал опыт, ветры оказываются наиболее слабыми. Но «наиболее слабый» — обманчивое определение, так как даже там крылья самолета содрогаются, видимость из-за ливня почти равна нулю, а внезапные завихрения подбрасывают самолет в несколько секунд на сотни метров вверх на его тряском пути к месту назначения — центру бури.

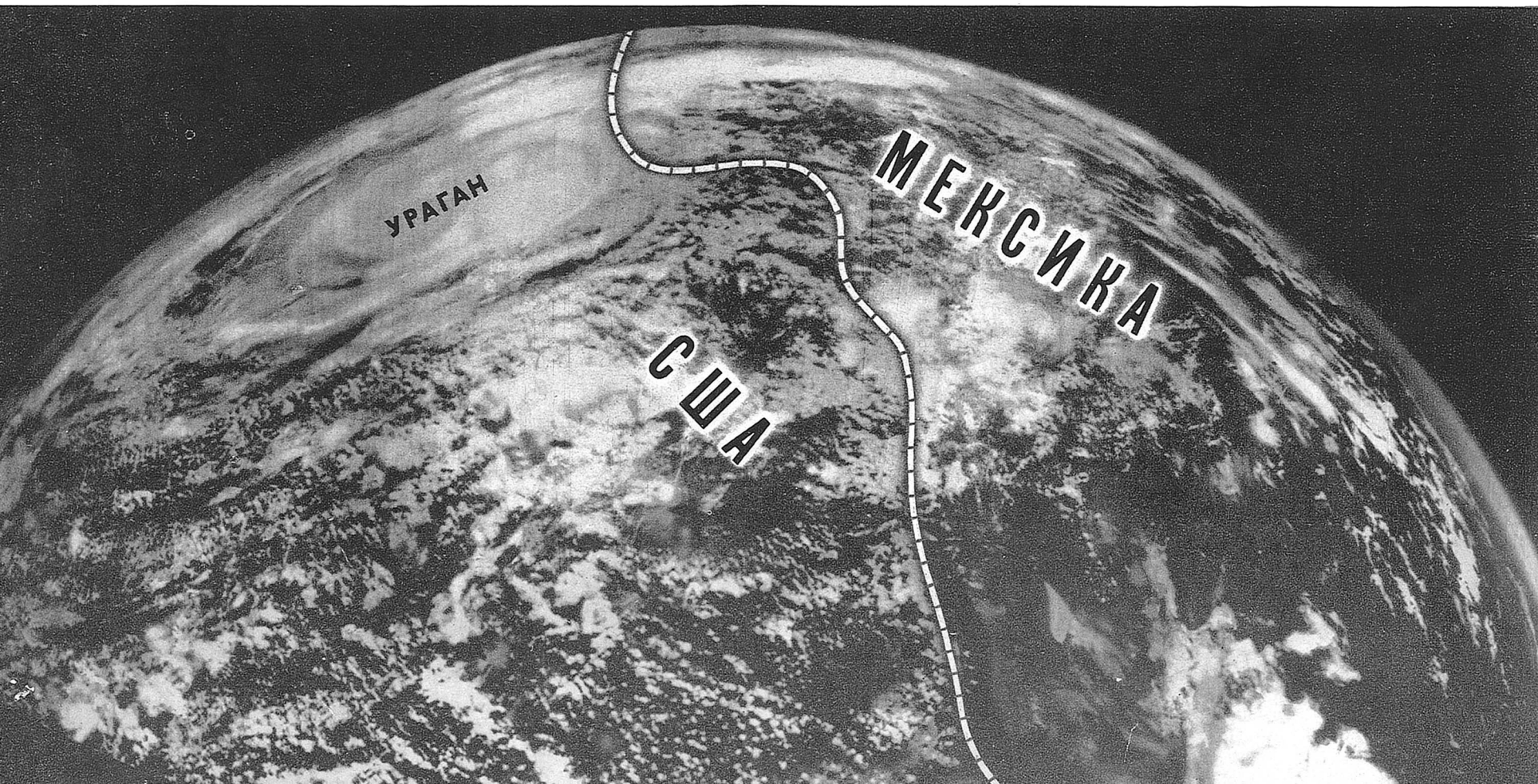
Лётные условия около центра шторма считаются «наихудшими в мире». Хотя в самом центре царит странный покой, самолет, прежде чем добраться до этого спокойного участка, должен преодолеть неистовые ветры, несущиеся по кругу. Дождь льет потоками, волны вздымаются горой. Вой бушующих стихий не похож ни на какие другие звуки в мире; вряд ли многие пожелают услышать их вторично. Но самолет должен проникнуть в этот хаос, чтобы добыть сведения первостепенной важности.

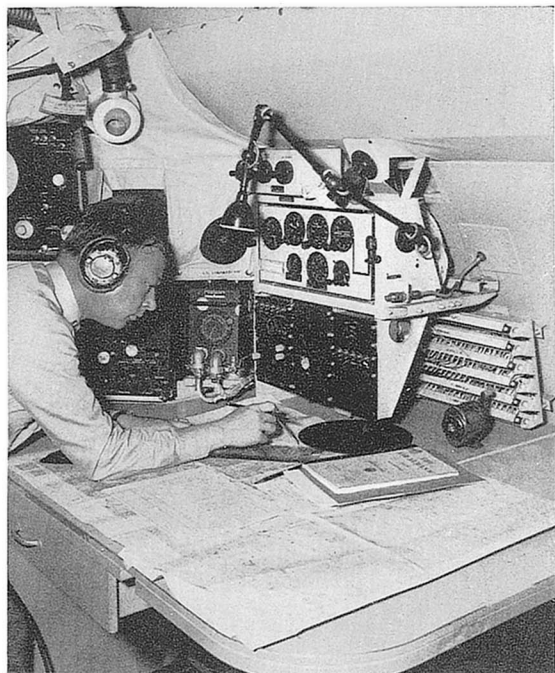
Чувствительные приборы отметят давление, насыщенность воздуха электричеством, влажность, температуру и поступательное движение шторма, прежде чем самолет повернет обратно. Уже по дороге с него передадут в Сан-Хуан плохие вести: «Ясно выраженная циркуляция на 62°48' долготы и 15°01' широты; максимальная скорость ветра в северо-восточном секторе 45 миль в час».

Шторм еще не превратился в ураган, но в Сан-Хуане уже разбивают кипучую деятельность, и радиосообщение, полученное оттуда Центральным бюро погоды в Миами, во Флориде, гласит: «Извещение № 1. Екатерина, тропическая буря, обнаружена самолетом метеоразведки». Далее идут все данные о развивающейся буре.

Через каждые шесть часов после этого звенья самолетов метеорологической разведки вылетают для наблюдений за Екатериной, становящейся все более грозной и мощной. На третий день она уже официально именуется ураганом, со скоростью ветра в 117 километров в час. Морские летчики и летчики военно-воздушного флота, крепко привязанные к своим сиденьям, отправляются в опасный путь к «глазу» урагана, то спускаясь до каких-нибудь 300 метров над кипящим океаном, то набирая высоту в 13.500 метров. После каждого полета Бюро погоды получает новое сообщение, пока ураган не исчерпает себя. Эти летающие метеорологические станции явля-

Снимок урагана над Техасом был сделан ракетой с высоты в 150 километров над поверхностью земли. С такой высоты дальность горизонта составляет 4.500 км.

Опытный аэролог вычисляет силу ветра во время полета на небольшой высоте, перед штормом.

ются очень важным орудием в борьбе с ураганами.

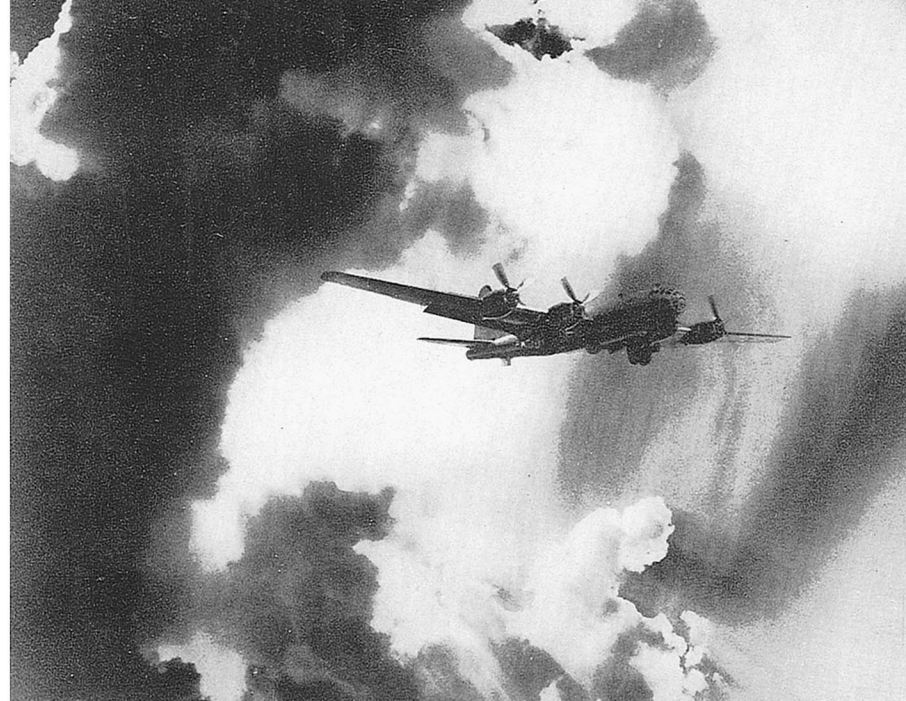
Другим важным фактором в более точном предсказании ураганов является новая радарная цепь, насчитывающая более двух десятков станций и растянувшаяся на 4.500 километров от Техаса до Флориды и дальше на север, к Мэну. Эти мощные электронные «сыщики» могут выследить шторм, странствующий еще над морем, в 450 километрах от берега.

Когда Екатерина входит в зону действия радиолокаторов, опытные метеорологи в помещении, освещенном только призрачным светом радароскопа, наблюдают, как громадный силуэт бури захватывает все новые деления на сетке экрана, напоминая вращающуюся карту полушария, если смотреть на него с высоты в 150 километров над землей. Наблюдая за развитием бури, метеорологи через равные промежутки времени вычисляют нарастание, скорость и направление урагана и передают данные в Центральное бюро погоды в Миами.

В этом Бюро погоды — одном из четырех центров предсказания погоды на побережье — работа идет полным ходом. Сведения поступают со всех сторон. Телетайпы — телеграфные буквопечатающие аппараты — трещат и позванивают, выстукивая последние данные о погоде. Беспреданно звонят телефоны — это обеспокоенные жители спрашивают о продвижении урагана. К шуму примешиваются еще и радиоголоса. Во всей этой сумятице издерганные синоптики все же сохраняют хладнокровие и тщательно сводят воедино все данные, полученные с разведывательных самолетов и судов и отмеченные на радарных экранах и картах, и передают свои предсказания по постоянной Ураганной сети — линии телетайпа, снабжающей сведениями метеорологические станции, радиостанции и прессу. Через несколько минут миллионы людей узнают, что на них надвигается грозная опасность.

Пока Екатерина несет по побережью, от Флориды до мыса Гаттераса в Северной Каролине, все бюллетени о ее продвижении передаются Бюро погоды в Миами. Как только она минет мыс Гаттерас, работа по оповещению населения переходит к Вашингтонскому центру. Когда же ураган дойдет до острова Блок, поблизости от города Нью-Йорка, ответственность за сообщения переходит к Бостонскому центру в штате Массачусетс. Официальные сводки об ураганах, свирепствующих в Мексиканском заливе, передаются большим Бюро погоды в Новом Орлеане, в штате Луизиана.

Итак, все опорные пункты системы предсказания погоды пристально следят за Екатериной, и курс, которого она будет держаться в течение двух следующих суток, может быть нанесен на карту. Угрожаемое положение объявляется во всех населенных пунктах, лежащих на ее предполагаемом пути. Если ураган не отклоняется от вычисленного курса, за сутки официально объявляется тревога. Это означает, что нужно принять все меры предосторожности. В угрожаемом пункте производится эвакуация жителей из расположенных у моря районов и воздвигаются дамбы из мешков с песком. Торговцы закрывают витрины магазинов щитами. Мелкие суда спешат в гавань, а крупные отчаливают от пристаней и уходят подальше в открытое море. Каждая семья следит за тем, чтобы никто не выходил из дому. Число жертв Екатерины, можно надеяться, будет невелико,

Заключив свое опасное разведывательное задание в зоне назревающего урагана, самолет метеорологической базы опускает элероны и готовится к посадке.

если даже она пронесется над побережьем.

Главным препятствием для совершенно точных предсказаний является изменчивость поведения ураганов. Синоптики давно уже ломают голову над причинами такого непостоянства. Если бы они их знали, можно было бы предсказать, например, неожиданные повороты урагана, пронесшегося над Сидар Ки. Ураган, опустошивший Сидар Ки во Флориде, некоторое время бродил по Мексиканскому заливу, но вдруг повернул на восток и налетел на городок. Там он остановился, описал замкнутую кривую и снова ударил по Сидар Ки. Затем он круглые сутки бушевал над городом, сметая его с лица земли и крутя в вихре обломки. Наконец, ослабевший шторм ушел снова в Мексиканский залив и там выдохся окончательно.

Ученые могли бы не только уточнить предсказания ураганов, но и направлять их по менее разрушительному пути, если бы они только выяснили причины внезапных изменений их курса. Возможности эти, пока что чисто теоретические, побудили, однако, Конгресс Соединенных Штатов ассигновать соответствующие суммы и уполномочить Главное управление метеорологической службы начать всестороннее «клиническое» исследование ураганов, создав Комиссию по изучению ураганов.

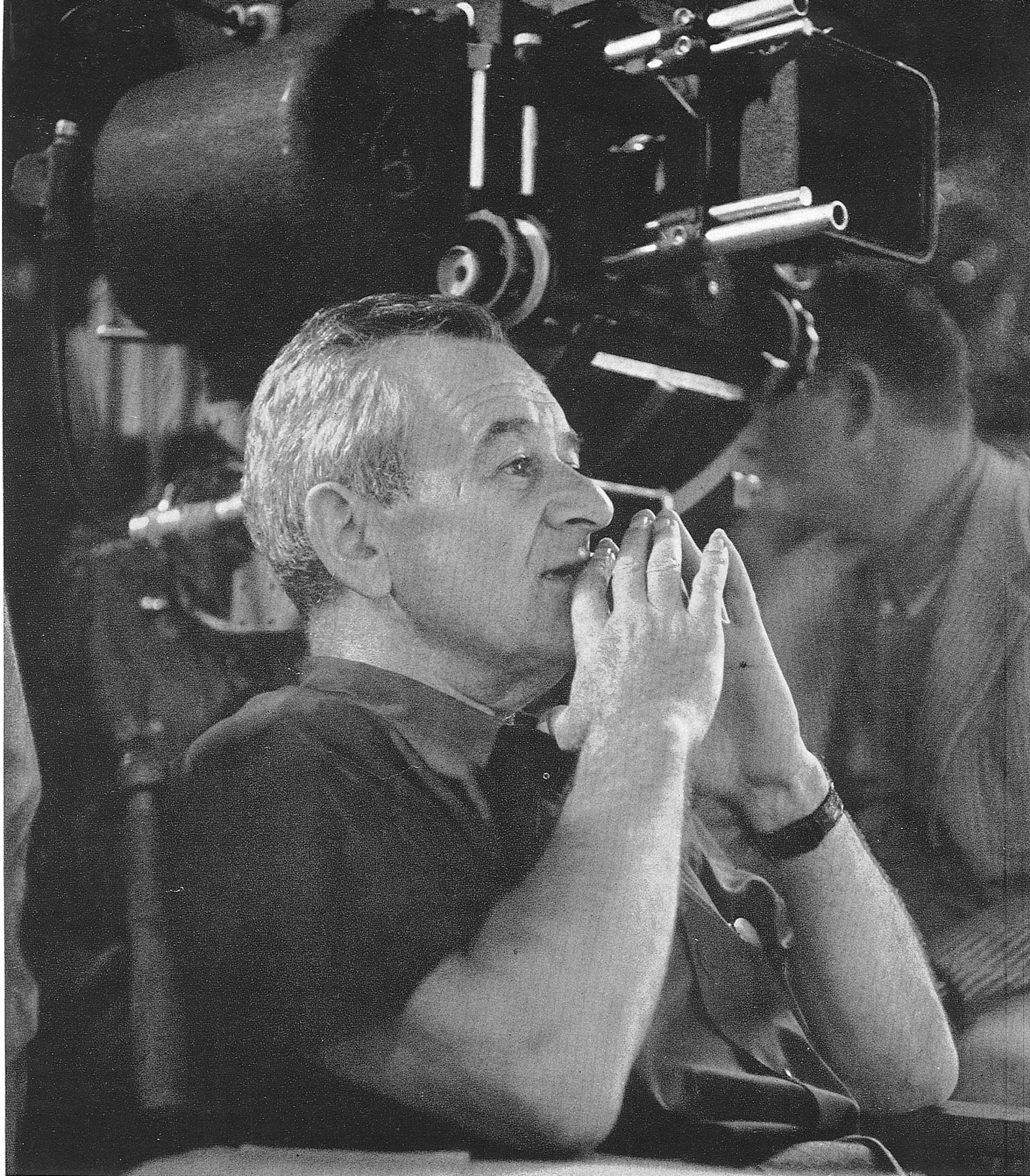
В своей работе Комиссия использует ракеты, наблюдательные вышки, шары-зонды и самолеты для метеорологической разведки, а также производит «засев» облаков. Последний состоит в сбрасывании сухого льда или частиц иодистого серебра на дождевые тучи для усиления конденсации. Экспериментируя над сильными штормами, ученые надеются создать такой вид конденсации, который сможет изменить распределение энергии в урагане и заставить его повернуть в море.

Для наблюдения над погодой Комиссия по изучению ураганов заручилась согласием правительств других стран и создала сеть из двадцати семи станций на Багамских, Вест-Индских и Малых Антильских островах. В целях получения основных данных, эти станции дважды в день пускают шары со специальными приборами на высоту от 18.000 до 30.000 метров, значительно превышающую потолок самолетов.

Когда ураган приближается к вирджинской базе Комиссии, навстречу ему выпускаются ракеты, снабженные киноаппаратурой; они взвиваются на 150 км. выше урагана и снимают его сверху.

Разведывательные самолеты Комиссии разыскивают штормы на высоте в 2.000, 8.000 и 13.000 метров, чтобы измерить влажность и температуру воздуха, скорость, силу и направление ветра, и, наконец, заснять на пленку «глаз» урагана.

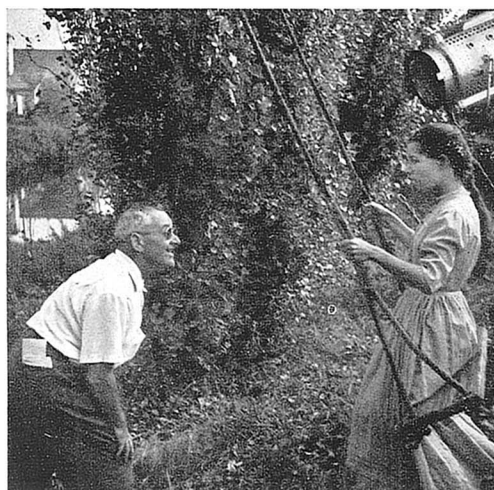
Комиссия уже собрала огромное количество сведений. Все данные заносятся на карточки и отправляются в Лабораторию высших научных исследований при Принстонском университете, где они поступают в громадную электронную вычислительную машину. Ученые, правительственные учреждения и широкая публика надеются, что эта машина сможет переработать сырой материал и обнаружить, действуют ли какие-либо постоянные факторы в непостоянных и капризных ураганах. Если машина даст такие результаты, человек, быть может, окажется на пути к укрощению ураганов.

Кинорежиссер Уильям Уайлер с большим вниманием следит за игрой артиста, стараясь даже в мелочах достигнуть полного совершенства.

Уайлер учит Филлис Лов качаться на качелях. Она оказалась способной ученицей.

Гари Купер обсуждает с Уайлером свою роль фермера-пацифиста.

КИНОРЕЖИССЕР

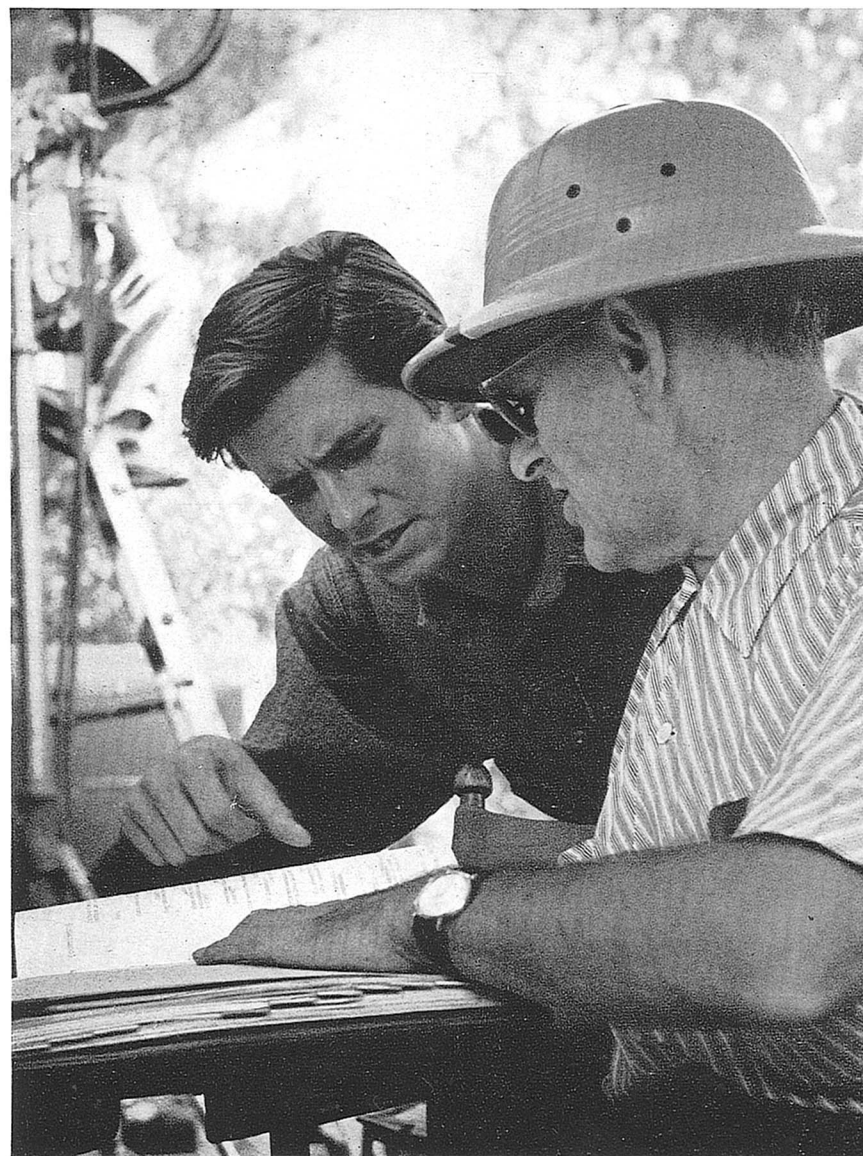
УИЛЬЯМ УАЙЛЕР

С разрешения журнала «ФРЕНДС»

В киноискусстве нет ничего постоянного, меняются методы и стили, появляются новые имена, исчезают старые, но имя Уильяма Уайлера остается, как проба мастера на ценном серебре. Впервые оно появилось на экране в 1925 г. и с тех пор стало синонимом большого режиссерского мастерства. Уайлеру чужды формальные эффекты, в фильме для него самое главное содержание, ясность и действенность. «Останавливаясь на отдельных явлениях общественной и экономической жизни, Уайлер подходит к ним не только как художник: он оценивает их как психолог и моралист» — так отзывался об этом кинорежиссере один американский критик.

За работой Уайлер всегда в прекрасном настроении — спокоен, терпелив, но в то же время требует и достигает совершенства. Десятки раз переделывать какую-нибудь маленькую, кажущуюся незначительной сценку, переснимать ее до тех пор, пока она полностью не даст всего, что хочет показать режиссер, — обычный метод работы Уайлера. «Я считаю большой потерей, если хоть что-нибудь в какой-либо сцене не доходит до зрителя, — говорит Уайлер. — Поэтому я много лет тому назад решил, что сколько бы лишних усилий не потребовалось на отделку кадра, дело того стоит». Эта настойчивость помогла десяти артистам, участвовавшим в поставленных Уайлером фильмах, получить награды за выдающуюся игру. Сам Уайлер был удостоен высшей в киноискусстве награды: в 1942 и 1946 гг. его фильмы получили первую премию, причем в 1946 г. его фильм «Лучшие годы нашей жизни» заслужил, впервые в истории кино, сразу семь наград.

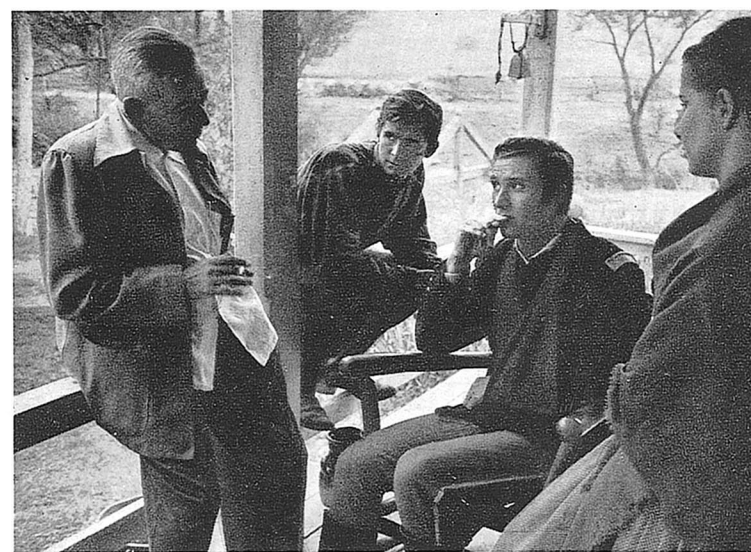
Антони Перкинс спрашивает у Уайлера совета: он в первый раз выступает на экране (в роли фермера-сына).

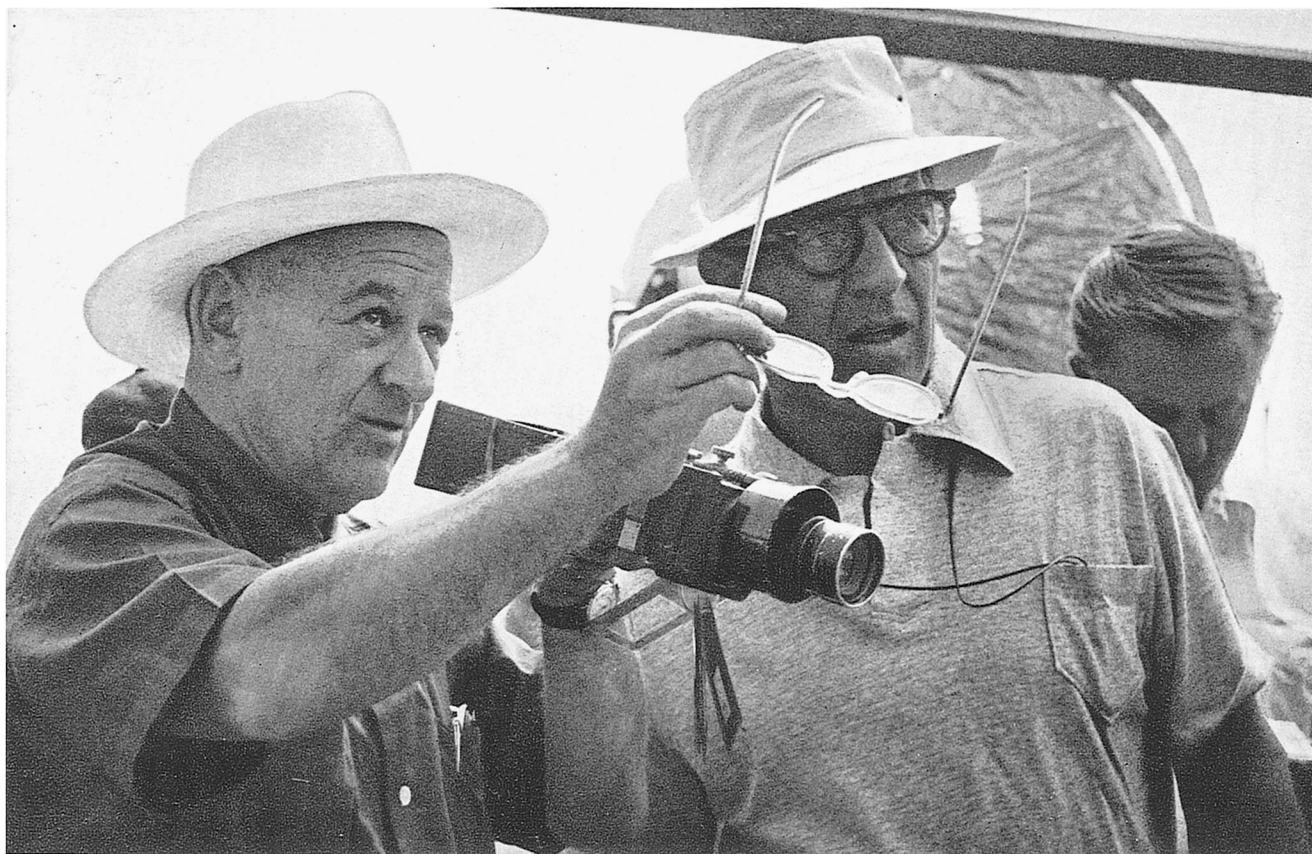
Уайлер дает указания кинозвездам Дороти Макгуайр и Куперу в комической сцене.

Крошка Ричард Айер и долговязый Перкинс репетируют под наблюдением режиссера.

Артистический киномолодняк — Антони Перкинс, Марк Ричман и Филлис Лов — слушают объяснения Уайлера. Последний описывает им сцену из своего нового фильма «Вера квакеров».

Проверка установки киноаппарата — одна из многих обязанностей кинорежиссера. До съемки он работает в тесном контакте с автором сценария, после съемки — с редактором фильма.

Фильм о войне и квакерах

Блестящим примером творчества Уайлера можно считать его последний фильм «Вера квакеров», показывающий жизнь квакерской семьи в американской провинции во время войны 1861-1865 гг. Хотя фильм во многом — полная мягкого юмора комедия, он в то же время насыщен сильными душевными переживаниями. Когда ферме угрожает кавалерийский набег, в душе у старика-фермера, которого играет известный киноактер Гари Купер, и его старшего сына (молодого актера Антони Перкинса) возникает конфликт в связи с их пацифистскими убеждениями. Отец в конце концов решает остаться верным квакерскому отрицанию насилия и не сопротивляться, но сын присоединяется к соседям и с оружием в руках отбивает нападение. После боя отец отыскивает раненого сына и несет его в свой мирный квакерский дом.

Чтобы придать максимум реализма кавалерийской атаке, киноаппараты установлены в реке.

Участвующие в фильме актеры смотрят на съемку кадра, в котором Купер находит своего старшего сына. Сын был ранен, отражая нападение на соседние фермы.

С весной на север

ОТ РЕДАКЦИИ: Мы все мечтаем о путешествиях. Как хорошо было бы, не торопясь, спуститься по какой-нибудь многоводной реке, или увидеть собственными глазами вечные снега Заполярья, или провести с полгода на каком-нибудь всеми забытом острове. Но только немногим из нас удастся осуществить свои мечты. Одним из таких немногих был американский естествовед Эдвин Тил, совершивший давно задуманное им путешествие по Америке. Свою поездку он описал в книге «С весной на север», выдержки из которой приводятся ниже.

Эдвин Уэй Тил

Черное кружево голых ветвей четко выделялось на фоне хмурого серого неба. Грязные от копоти сугробы подтаивали, превращаясь в слякоть, и снова подмерзали. Мы направлялись на юг, оставляя за собой иссиня-бледные городские лица. Здесь, в городе, в затхлом воздухе плохо проветренных контор, люди теряли терпение. Холодное отчаяние, отличающее, по словам американского писателя прошлого века Г. Д. Торо, массового человека, заметно усиливалось. Февраль, самый короткий месяц года, казался нескончаемым, словно он не двигался, застряв в сугробах зимы.

В такое время все со страхом думают об еще остающихся зимних неделях. И где бы вы в те дни ни были — дома, в школе или на работе — разве вы не мечтали о том, чтобы распрощаться с зимой и встретить весну под небом далекого юга, а оттуда последовать за нею, за ее триумфальным шествием на север? Разве вам не хотелось увидеть, как по всей стране расцветут цветы, как в потеплевшем воздухе започнут птицы, зазеленеет трава и новым убором оденутся деревья? Разве вам никогда не хотелось отправиться на север с весной? Ведь все мы, устав от зимы, мечтаем об этом. А для меня и моей жены Нелли такое путешествие, целые десять лет, было не только мечтой, но и реальным планом.

Движение времен года подобно приливам и отливам, гуляющим по континентам. В Соединенных Штатах весна продвигается, в среднем, со скоростью 25 километров в день. Хотя на горы она поднимается медленно, метров на тридцать ежедневно, долины она заливают сразу, как река в половодье, а затем снова, не спеша, карабкается по склонам. Но, подобно человеку, который живет на берегу реки и смотрит на проносящиеся воды, большинство из нас видит только одно место в потоке весны. Каждый год она приближается к нам с юга, захлестывает нас и, отхлынув, уходит дальше на север. Мы видим все стадии одной единственной фазы, все вариации одной единственной главы этой Одиссеи весны. А мы с женой меч-

тали познакомиться со всеми фазами, прочитав все главы, увидеть собственными глазами весь несущийся на север поток весны.

Наш план был таков: встретить весну там, где для Северной Америки она начинается, — в Эвергледс, в болотистых равнинах южной Флориды, где-то к югу от озера Окичоби; в этих краях времена года почти не отличаются друг от друга, но именно здесь, под высоким влажным небом Флориды, весна собирает свои силы, и здесь слышны ее первые легкие шаги. Затем — двинуться вместе с весной на север, но не прямо, а широкими зигзагами по всему фронту весны: выехав из Флориды, проехать по побережью Мексиканского залива до топей Луизианы, а затем повернуть обратно к болоту Окефеноки. Затем проследовать за весной через отроги Аппалачских гор и Пидмонтское плато к сосновым пустошам Джерси и мысу Код, а оттуда через горы Новой Англии к зеленой полосе границы Канады. Я разлиновал всю карту на зоны. Каждая зона примерно соответствовала недельному продвижению весны на север. Эта карта была нашим расписанием.

Наша поездка должна была отличаться от прочих. Мы собирались посетить все дикие и отдаленные места, которых обычно избегают туристы. Мы хотели увидеть начало весны в дельтах рек и саваннах, в пещерах с подземными реками и на усеянных раковинами островах. Мы собирались пропутешествовать 27.000 километров с весной и в двадцати трех штатах присутствовать при поражении зимы, прилете птиц и появлении полевых цветов. Эта длинная весна должна была тянуться с февраля по июнь. Для меня поездка таила в себе добавочную прелесть, так как спутница моя, после долгих лет супружеской жизни, все еще была для меня самым желанным товарищем и другом.

Итак, 14 февраля мы нагрузили наш черный бьюик и набили его размеченными картами, биноклями, путеводителями, фотоаппаратами и прочно переплетенными книгами для заметок. Мы влезли в автомобиль, как пилот скоростного самолета втискивается в тесную кабину своей машины, и на прощанье помахали провожавшим нас соседям. Я включил мотор, и мы двинулись к югу, на свидание с весной.

Встреча с весной для Тила и его жены началась далеко на юге, среди саванн, отмелей и болот Флориды. Один из первых дней своего медленного путешествия на север они провели на озере Окичоби. Это большое, но неглубокое озеро находится в южной части Флориды, в стране индейцев-семинолов. Путешественники остановились в отеле Саутленд, в городе Окичоби, в пяти километрах к северу от озера.

Для Эдвина Тила и его жены Нелли любое болото, любой перелесок или пруд — вроде вот этого около их дома — являются неисчерпаемым источником интереснейших наблюдений.

Нам чрезвычайно повезло. Когда, сидя в ресторане отеля Саутленд, мы ели на завтрак ветчину с яйцами и кукурузную кашу, я увидел в другом конце зала чей-то знакомый затылок: Ричард Пау прибыл сюда, чтобы помочь Александру Спранту руководить рядом исследований на озере Окичоби для Общества имени Одюбона (знаменитый американский орнитолог прошлого века. *Ред.*). Они собирались сделать перед вечером вылазку на Королевскую отмель на озере и пригласили нас с собой. Там нам удалось полюбоваться незабываемо прекрасным зрелищем — слетом ибисов-караваек на закате.

Род Чандлер взял нас с собою в плоскодонную моторную лодку, и по темной глади реки Кисими мы выехали на тот широкий водный простор, который местные жители зовут «море Окичоби». Хотя глубина Окичоби («большая вода» на языке семинолов) — всего около двух метров, оно покрывает более 1800 квадратных километров. После озера Мичиган, это самое большое пресноводное озеро, полностью лежащее в пределах Соединенных Штатов. Его неглубокие воды легко прогреваются солнцем и служат резервуаром тепла, не допускающим резких скачков температуры; озеро Окичоби — маховое колесо, регулирующее климат района.

Солнце уже садилось, когда мы сделали разворот и стали на якорь у Королевской отмели. Шум подвешенного мотора стих, и, покачиваясь на мелкой волне, мы стали ждать ибисов.

Местные жители зовут эту птицу черным кроншнепом, но на самом деле каравайка (*Plegadis falcinellus falcinellus*) принадлежит к породе ибисов. Эта птица, с тонким оперением и изогнутым книзу клювом, была хорошо знакома Моисею и фараонам, да и всем прочим обитателям долины нижнего Нила. Она водится почти во всем мире. Ее можно встретить на Борнео и в Китае, в Австралии и в Персии, в Греции и в Испании. Но любопытно, что в Северной Америке область ее распространения так же ограничена, как и распространение большой белой цапли с Флоридских рифов или «славки Кертланда» с сосновых пустошей Мичигана. Поэтому можно сказать, что с заходом солнца все ибисы-каравайки Северной Америки слетаются на ночлег к низкорослым ивам Королевской отмели на озере Окичоби.

Вскоре передовой отряд возвращающихся птиц вынырнул из розовых облаков заката. Длинная линия черных точек неслась над самой водой. Точки приближались, росли и, приняв определенные очертания, превратились в косяк темных птиц. Они бесшумно миновали нас, перелетая через стену тростника и камышей, словно каждая птица была звеном гибкой цепи. Над островом они сомкнулись в огромный круг, затем по спирали ринулись вниз и, наконец, стали садиться на ветви ив. Ибисы все прибывали и прибывали — то бесформенными стайками, то рваными треугольниками, то длинными косяками, тянувшимися над водой на километр и больше.

— Смотри, смотри на эту стаю! — закричал Спрант, когда мимо нас проносился косяк в полтысячи птиц. Казалось, ему не будет конца.

В полевые бинокли мы видели, как садящиеся ибисы неуклюже перепрыгивали с ветки на ветку, постепенно спускаясь все ниже и исчезая из виду. На смену им летели новые стаи. От их волнообразного движения небо казалось покрытым рябью: черные силуэты птиц резко выделялись на фоне окрашенных закатом облаков, и так же четко выделялись их отражения среди светлых теней облаков на глади озера.

Алекс и Дик все время вели подсчет птиц и с последней стаей подвели итоги: 2307 ибисов-караваек (в сущности, все ибисы Америки) слетелись сюда на ночлег. Их оказалось больше, чем при прошлых подсчетах других орнитологов. И мы радовались тому, что редкая птица, знакомая человеку с колыбели цивилизации на берегах Средиземного моря, так хорошо привилась в восточной части Америки.

Мы направились в обратный путь. Холодало, и лунная дорожка бежала по воде за нами. Мы оглянулись в последний раз на островок, черный и безмолвный при свете луны. Там, в этой черноте, темные и неподвижные теперь птицы мирно спали.

Весна манила Тила и его жену все дальше на север. Они прошли с ней по Флориде вдоль побережья Мексиканского залива к дельте Миссисипи, затем повернули обратно из Луизианы в Джорджию, в Северную и Южную Каролину и очутились в тех предгорьях Аппалачского хребта, которые носят название Больших Дымчатых гор.

Справа и слева, куда только хватал глаз, горы вздымались беспорядочными волнами — голубыми вдали, зелеными поблизости. Из всей территории Соединенных Штатов в 7.830.000 квадратных километров Дымчатые горы занимают только около двух тысяч. Однако, на этом сравнительно небольшом пространстве растет больше пород деревьев, чем во всей Европе. В Европе существует 85 пород, здесь же их насчитывают 131. Здесь имеется 200 разновидностей птиц — почти половина того, что есть во всей Великобритании. В этих местах водятся 50 пород пушных зверей и 80 пород рыб. Кроме того, здесь растет 1300 различных видов цветущих растений, 1800 разновидностей грибов, 330 мхов и печеночников, 230 лишайников и 26 сортов орхидей.

За время нашего путешествия мы не раз убеждались в том, как бесконечно разнообразна природа Америки. Но нигде, ни в одном месте нашего извилистого маршрута, весна не была так выразительно прекрасна, как здесь, в этих древних горах Юга — родине самой богатой флоры и самых пышных листовенных лесов Америки.

Растительность Дымчатых гор, в отличие от растительности северных районов, ведет свою родословную прямо от доледникового периода. Когда ледники, как чудовищные, беспощадные катки, надвигались с севера, с ледяной полярной шапки, они стирали с лица земли все следы эволюционной работы миллионов лет. Но растения здешних гор не пострадали. Больше того: их число возросло за счет северных пород, занесенных на юг наступающим льдом. И ныне на здешних склонах можно встретить растения, не попадающиеся нигде южнее северного Охайо. Все они — остатки ледниковой эпохи.

Вскоре после полудня мы подошли к последнему крутому подъему, ведущему к Сайлерской прогалине. Карабкаясь от дерева к дереву, мы преодолели почти отвесную крутизну и на высоте 1715 метров над уровнем моря достигли горного луга. Там, едва переводя дух, мы уселись, прислонясь к гранитной скале, возвышавшейся посреди сочной травы, — и осмотрелись. Луг занимал около двух гектаров. По форме он был похож на наконечник стрелы, указывавшей на юг, где в 65 километрах возвышались нагорья Северной Каролины. От них отделяли нас

голубые волны других, меньших по росту, горных кряжей.

Там, у скалы, мы подкрепились, запивая еду холодной прозрачной водой из «Облачного источника» на краю луга. Своим происхождением этот источник обязан густому туману, который каждый день заволакивает вершину горы. До Мексиканского залива отсюда 640 километров, а до Миссисипи 480, но здешние горы не испытывают недостатка во влаге, получая ее прямо из облаков — этих рек без русел. Сейчас облаков было мало, они плыли по голубому небу то выше, то ниже нас, словно следовали за своими тенями, скользившими вверх и вниз по склонам гор. Зеленый луг был усеян полевыми цветами — желтыми точками лапчатки, синими пятнышками фиалок и белыми искорками звездчатки. В своем разливе весна добралась и до этого загадочного горного луга на вершине горы.

Я сказал «загадочного», потому что происхождение подобных прогалин, встречающихся только на юге Аппалачских гор, действительно загадка. Они существовали здесь задолго до появления белого человека. Слово «удавагунта» (прогалина по-индейски) часто встречается в фольклоре индейцев племени чирокеев. По индейским легендам, эти места населены баснословными существами и связаны с таинственными событиями. Так например, на прогалине Грегори жил царь кроликов, величиной с оленя; на другой прогалине, которая называется «Дом ящерицы», в летние дни можно было видеть, как на солнце грелась исполинская ящерица со сверкающей шеей. Некоторые прогалины считались «табу», т. е. были под запретом. На одной из них, якобы, жила змея такой величины, что могла проглотить пятьдесят воинов сразу, а на других, высокогорных, обитали нуннехи — племя духов, «народ, живущий везде».

В двух индейских легендах рассказывается о сверхъестественном происхождении этих горных пастбищ. Одна из них говорит о великане с головой, блистающей как солнце. Он спустился с неба, чтобы отдохнуть на вершине, и когда он исчез, на тех местах, где стояли его ноги, остались две прогалины.

Вторую легенду приводит Джемс Мунн в «Девятнадцатом отчете Этнологического бюро Соединенных Штатов», опубликованном в 1898 г. Легенда повествует об Улагу, мифическом чудовище, которое оборачивалось гигантским шершнем. Устремляясь с высоты на индейские селения, оно уносило в лапах детей, но никто не знал куда. Индейцы расставили по вершинам гор дозоры и в конце концов выслежили чудовище, но оказалось, что Улагу жил на отвесном обрыве в пещере, к которой не было доступа. Тогда индейцы обратились за помощью к Великому Духу, и тот, вняв их мольбам, метнул с неба молнию. Она расколола гору надвое и выбросила из пещеры оглушенного Улагу. Воины напали на него с топорами и копьями и изрубили чудовище на куски. Великий Дух был очень доволен и их храбростью, и тем, что они сами догадались выследить Улагу. И он повелел вершинам различных гор очиститься от деревьев и покрыться травой, чтобы впредь дозорным было удобнее наблюдать за окрестными местами.

Такие легенды, конечно, вряд ли могут объяснить возникновение прогалины, но зато подтверждают их весьма древнее происхождение. Как они возникли? Как они продержались столько лет? Почему их до сих пор не поглотила окружающая чаща сосен и пихт, елей, рододендронов, лавров и жимолости? Целые поколения ученых ломали себе голову над

этим загадками. Ботаники, геологи, экологи, лесоводы — все изучали эти места. Но ни одна из выдвинутых ими теорий не оказалась убедительной, и загадки остались неразгаданными.

Двигаясь к северу, Тил и его жена следили за массовыми перелетами птиц, наблюдали весеннее пробуждение цветов и деревьев, черепашек и лягушек, видели появление бабочек. Проехав 27.000 километров, они достигли Новой Англии и там, у канадской границы, провели самый длинный день в году, следя за тем, как весна «улетала на небо».

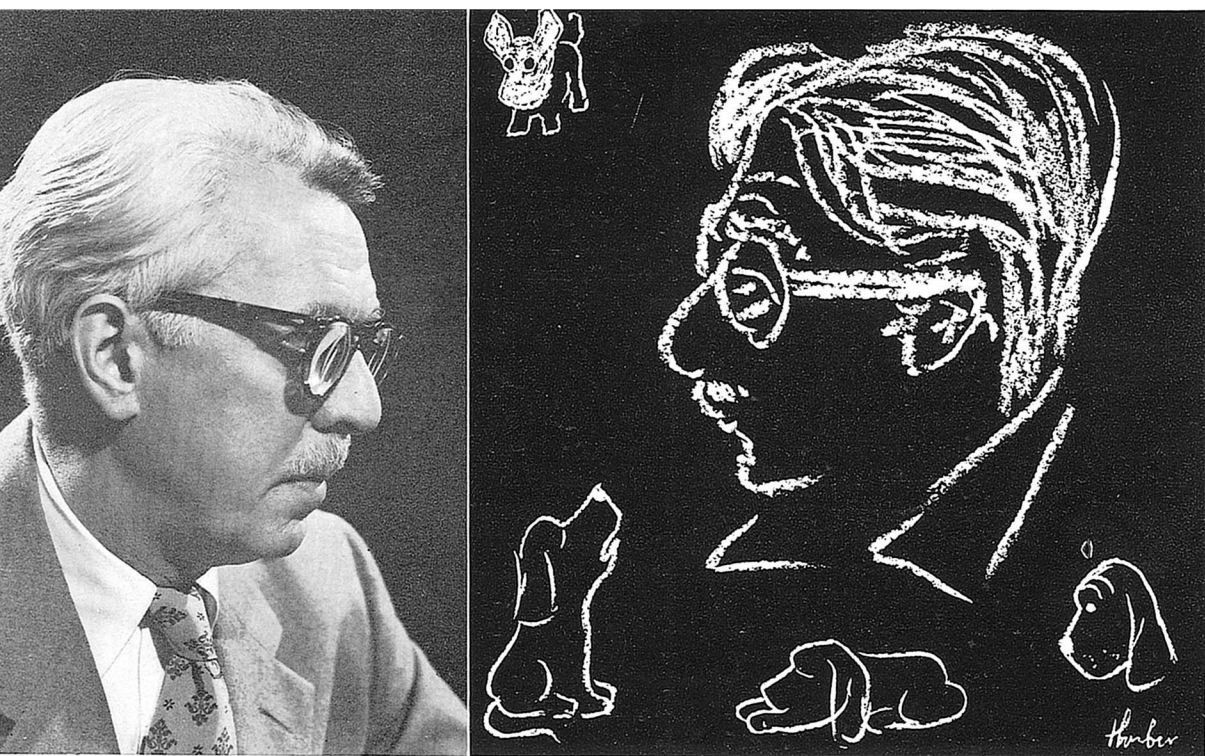
В течение всего нашего путешествия — на флоридских низменностях и топях дельты Миссисипи, в отрогах Аппалачей, на сосновых пустошах и в карликовых лесах мыса Код, на зеленых холмах канадской границы и на песчаном острове у океана, — мы часто гадали: как будут выглядеть последние сутки весны? На что будет похож тот день? Где мы увидим его и что в тот день мы будем делать? В каком месте — радостном или печальном — закончится наше путешествие с весной?

И вот настал последний день весны. Мы проснулись рано: еще не было четырех. За окном нашей хижинки в Крофордском ущелье, над верхушками берез, небо уже разгоралось. Ни единого облачка на нем не было видно. Вскоре зазеленели малиновки, и рои на кручах наполнились свистом дроздов. Скоро и пеночка-белошейка присоединила к ним свой чистый голосок — самый трогательный из всех голосов птичьего хора этих северных мест. Через час даже дно оврага, куда тьма приходит быстро, а заря — с опозданием, было залито светом. Каждый год, с таким восходом солнца, день, словно прилив, достигает своего апогея, и начинается медленный отлив, длящийся до декабря.

Весь день — от самого раннего восхода весны до самого позднего ее заката — мы бродили по горам. Их величавая красота была достойным апофеозом нашего путешествия. Особенно прекрасно было одно мгновение на закате, когда космы далекой дымки, раскаленные докрасна, протянулись, как языки пламени, над верхушками залитых пожаром заката деревьев. Нигде за все время нашего путешествия мы не видели подобного зрелища. Да, это был закат дня, закат весны, закат нашего путешествия с нею!

Во всем северном полушарии весна пришла и скрылась: ушла далеко на север, взобралась на горы, улетела в небо. Как звук, весна ширится и ширится, пока не исчезнет в пространстве. Она невидима, как ветер, — мы замечаем только ее проявления. Вот всколыхнулась нива, вот побежали тени облаков, вот зашумели и закачались ветви — по ним мы угадываем присутствие Невидимого, движение незримой силы. Так весна прошла от Джорджии до Северной Каролины, от Вирджинии до Канады, оставив бесчисленные следы за собой. Путешествуя, мы стремились увидеть тысячу весен. Ибо весна подобна жизни: охватить ее невозможно, можно только прикоснуться к ней то там, то тут, познать ее по частям и осколкам.

Размышляя обо всем этом, мы тронулись на юг в первый день лета — самый длинный день года, день летнего солнцестояния. Но мы хорошо понимали, что весна обрывается так внезапно только в календаре. В действительности же ее конец — это неприметное изменение: одно время года сливается с другим, медленно переходя в иную жизнь.

Джемс Тэрбер увековечен, слева, фотографическим аппаратом Филиппа Халсмана, а справа — проказливым карандашом самого Тэрбера.

ОЛЬГА АРНОЛЬД

Юморист

Джемс Тэрбер

Простоватый мудрец, смеющийся сквозь слезы сатирик, кроткий человек «с исключительными способностями бесить других», — такими и многими другими эпитетами наделяют поклонники американского писателя и карикатуриста Джемса Тэрбера. Героями его книг часто бывают полные грусти собаки, пораженные забавными причудами рода человеческого.

Мягко, без злобы, Тэрбер высмеивает современную жизнь, издеваясь над громоздкой путаницей механизированного века и над тем, что он называет «своеобразными действиями и любопытными привычками людей». Излюбленный им «свидетель истории» — собака с вопросительно наклоненной головой. Собака недоумевает, ибо она видела, как человек «ложится спать, когда пора вставать, и встает, когда пора ложиться спать. Она наблюдала, как он губил почву на обширных пространствах и старательно возделывал ее на крохотных участках. Она присутствовала при том, как он строил прочные, просторные дома для отдыха в тиши, — и затем наполнял их лязгом машин, светом и звоном». Излюбленной мишенью сатиры Тэрбера являются напыщенность, претенциозность и пошлость, господствующие в общественных отношениях.

Собаки в его набросках обычно наделены конусообразной головой, длинными отвислыми ушами и насмешливо приподнятыми бровями. Они — неизменные сторонники мужчины в его вялых и всегда бесславных стычках с женщиной. Тэрбер любит изображать крохотных мужчин, вступающих в бой с упорными и решительными великанами. Известный англо-американский писатель и журналист Алистер Кук заметил: «хотя война между мужчиной и женщиной, конечно, не выдумана Тэрбером, но на этом фронте он самый смелый военный корреспондент...»

В последней книге Тэрбера «Еще басни наших дней» ее герои — птицы и животные — говорят как люди и сталкиваются с обычными проблемами людей. Из их нелепых походов автор извлекает мудрые и проницательные уроки. В книге «Альбом Тэрбера», вышедшей в 1952 г., он дает целую галерею написанных по памяти портретов — здесь портреты его веселой и эксцентричной семьи, его друзей, картинки его детства, проведенного в штате Охайо. Книга иллюстрирована старинными фотографиями и рисунками

автора. Его карикатуры оживляют страницы таких книг, как «Карнавал Тэрбера», «Собаки Тэрбера», «Моя жизнь и тяжелые времена», а также сборники этюдов и набросков под заглавием «Тюлень в спальне и другие затруднительные положения» и «Сова на чердаке».

Пьеса «Животное, называемое мужчиной», написанная им в сотрудничестве с Эллиотом Надженотом, актером и драматургом, была восторженно принята в 1940 г. на Бродвее. Впоследствии она ставилась бесконечное число раз летними передвижными театрами и любительскими кружками и была переделана в кинофильм. В пьесе изображена университетская политика в одном из колледжей Среднего Запада. Во всех комических сценах слышится серьезная нотка: всякое давление извне должно отразиться на академической свободе.

Совершенно особое место, занимаемое Тэрбером в сердцах его соотечественников и его поклонников во всем мире, завоевано им не только умением развлекать читателя, но и тем мужеством, которое он проявил в своей личной жизни. В последние годы он пишет свои жизне-радостные сатирические произведения на пороге полной слепоты. В результате несчастного случая, он шести лет отроду ослеп на левый глаз, и на всю жизнь у него осталось очень слабое зрение. Недавно и правый глаз до того ослабел, что Тэрбер с большим трудом различает движущиеся предметы.

Ему пришлось бросить рисование карикатур, но физический недостаток не сломил его творческого духа, и он продолжает писать, сидя за картонным столом и списывая листы желтой бумаги крупными каракулями, причем на каждую страницу приходится около двадцати слов. Эти страницы подбирает и переписывает на машинке его жена либо секретарша. Затем ему прочитывают вслух написанное, и он тщательно все отделяет и исправляет. К своему несчастью он относится с чисто философским спокойствием и утешает себя тем, что у него сохранилась вся сила воображения.

«Воображение, — сказал он как-то, — не может ослепнуть . . . Слепой писатель не рассеивает своего внимания, как зрячий. Я могу сидеть в комнате, не глядя в окно; меня не отвлекают ни пролетающие птицы, ни ветерок в ветвях деревьев, ни проходящая мимо хорошенькая девушка». И тут же, со свойственной ему неутомимостью, добавил: «Конечно, я

все еще слышу хорошенькую девушку!»

Тэрбер родился в 1894 г. в Колумбусе, университетском городе и столице штата Охайо. Повидимому, он был очень подвижным, заурядным ребенком, и с ранних лет ненавидел напыщенность: он всегда норовил запустить снежком в местных парламентариев — членов законодательной палаты штата. Рисовать он начал в восемь лет отроду, а в 10 лет он взялся за роман под заглавием «Горс Сандуский, бесстрашный разведчик». Никто в семье Тэрбер не принимал его рисования всерьез; его старший брат считался гораздо лучшим художником, так как умел отлично копировать рисунки популярного тогда Чарльза Дана Гибсона, а «Джеми» покрывал бумагу лишь бесформенными набросками в один или два штриха — манера, которою он впоследствии прославился.

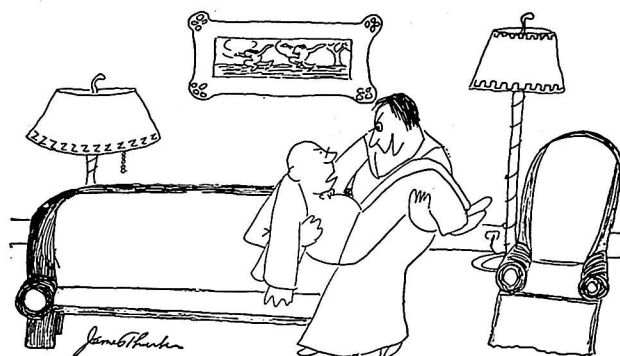
Его отец, Чарльз Тэрбер, принимал деятельное участие в местной политической жизни, и в доме постоянно толпились законодатели штата и члены Конгресса США — к вящему неудовольствию Джемса, который предпочел бы членом бейсбольной команды. Тэрбер-отец выставлял свою кандидатуру на разные посты в штате и одно время исполнял должность секретаря губернатора Охайо Уильяма Мак-Кинли, будущего Президента Соединенных Штатов. Мать писателя была человеком очень интересным и своеобразным и когда-то мечтала о театральной карьере. Она придавала много красочности жизни семьи. (Быть может, Джемс отчасти обязан ей своим неукротимым духом: в восьмидесятилетнем возрасте она не желала одеваться в черное, «потому что черный цвет — для старух». Она не поддавалась возрасту, как сын ее не поддавался слепоте.)

По окончании средней школы Тэрбер поступил в колледж университета штата Охайо, где он жил веселой студенческой жизнью, участвовал в обычных проделках первокурсников и редактировал студенческий юмористический журнал «Солнечные часы». В университете он познакомился со своим будущим сотрудником и режиссером Эллиотом Надженотом. Без сомнения, университетские годы дали им много материала для пьесы «Животное, называемое мужчиной».

Тэрбер ушел со второго курса — это было как раз во время Первой мировой войны — и стал шифровальщиком в Вашингтоне, так как из-за плохого зрения его признали непригодным к военной

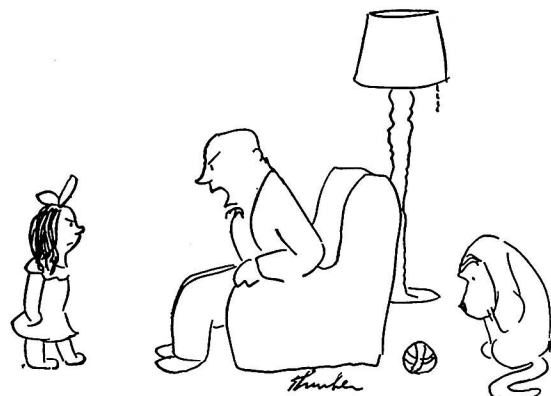
«Если вы умеете хранить секреты, я расскажу вам, как умер мой муж!»

«Вы заходите, пожалуйста, слишком далеко, мисс Бланчард».

«Мне нравится, что существуют два пола. а вам?»

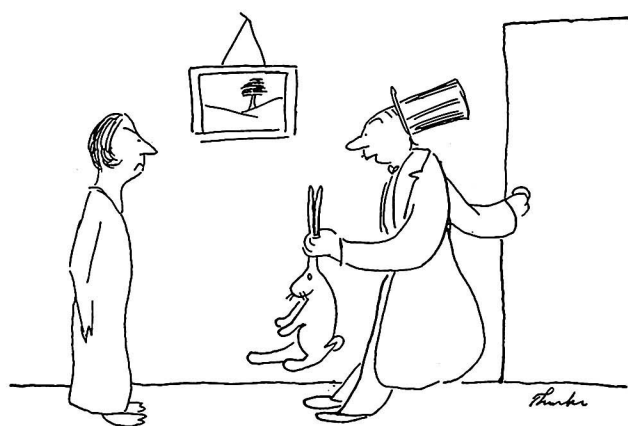
«Лучше подожди-ка да посмотри, что получится из твоего поколения. а потом уж набрасывайся на мое».

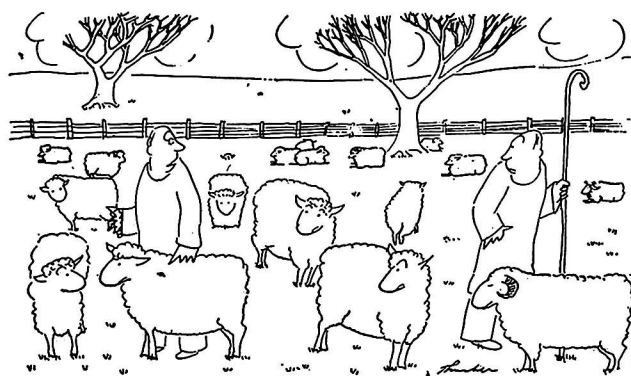
«Хорошо, пусть будет по-твоему, ты слышала лай тюленя!»

«Он решительно ничего, кроме фактов, не знает».

«Дорогая, у меня, кажется, кролик в руках».

Пожалуйста, подойди сюда на минутку, Уолдо. Эта овца дает хлопок!»

службе. В 1918 г. его перевели на ту же должность в американское посольство в Париже, что дало ему возможность близко наблюдать жизнь военного времени в сказочном городе. В 1920 г. он вернулся в Соединенные Штаты и получил место репортера в газете «Колумбус диспатч», выходившей в его родном городе.

В 1924 г. он снова поехал во Францию, где сотрудничал в парижской редакции «Чикаго трибюн». Затем он стал сотрудником почтенного «Ивнинг пост» в Нью-Йорке. Но, по существу, он не был настоящим преданным делу репортером: он не видел красоты в голых фактах. Его влекло все причудливое и изменчивое, и если факты не соответствовали его поэтическому воображению, он придумывал другие. Редактор смотрел на это свойство с некоторым беспокойством. По всей вероятности, все облегченно вздохнули, когда он нашел применение своим талантам в недавно основанном юмористическом и литературно-общественном журнале «Нью-Йоркер».

Тэрбер уже давно посылал в этот журнал свои своеобразные миниатюры, но ни одна не удостоивалась напечатания. И вдруг, пустячок о человеке, застрявшем во вращающихся дверях, почему-то привлек внимание редактора, и он послал за Тэрбером. В приемной молодого человека представили знаменитому ныне юмористу Э. Б. Уайту, одной из «звезд» журнала. Тэрбер встретился с ним впервые, но когда редактор увидел, что Тэрбер и Уайт беседуют друг с другом, он вообразил, что они давнишние друзья, и поспешил предложить место мнимому протеже Уайта.

Из рассказа самого Тэрбера явствует, что его пригласили в качестве ответственного редактора. Но он этого не подозревал и считал себя рядовым сотрудником, пока не спросил секретаршу, почему она неизменно приносит ему на подпись платежную ведомость; секретарша объяснила, что это одна из обязанностей ответственного редактора. Тэрбер клянется, что потребовалось восемь лет на то, чтобы его признали писателем, и еще больший срок для признания его карикатуристом. Первый принятый рисунок стал впоследствии одним из самых известных, — это «Тюлень в спальне». В появлении этого рисунка, как и многих за ним последовавших, некоторую роль сыграл случай. Тэрбер утверждает, что сначала он намеревался нарисовать тюленя на скале. «И вот тюлень оказался на скале, но скала-то удивительно смахивала на кровать... Поэтому я пририсовал мужа и жену в постели; сварливая жена говорит мужу: «Хорошо, пусть будет по-твоему, ты слышала лай тюленя!»

Тэрбер и Уайт стали большими друзьями и в 1929 г. совместно написали книгу «Нужен ли пол?» — сатиру, высмеивающую популярные книги по сексуальной психологии, наводившие в то время книжный рынок. Успех был колоссальный. С тех пор, Тэрбер написал

длинный ряд книг, пользовавшихся неизменным успехом. В большинстве из них текст сопровождается рисунками. Назовем следующие: «Война между мужчинами и женщинами», «Оставьте ваш ум в покое», «Последний цветок» (тонкое осуждение войны), «Мужчины, женщины и собаки», «Зверь во мне и другие животные», а из более новых: «Басни наших дней» и «Еще басни наших дней». Большая часть этих произведений впервые появилась в журналах «Нью-Йоркер» и «Бермудиан». Последний выходит на Бермудских островах, где автор жил некоторое время.

Тэрбер — высокий худощавый человек, с буйной седеющей шевелюрой над заостренным лицом. Его жена Елена не только замечательная спутница жизни, но и умный секретарь и, как он говорит, «один из лучших редакторов», с какими он когда-либо встречался. Несмотря на почти полную слепоту, он изредка бывает в театре; жена описывает ему декорации и поясняет действие, если оно непонятно из диалога.

Резюмируя рассказ о своем образе жизни, Тэрбер говорит: «Оставшаяся мне лишь одна восьмая зрения к счастью не позволяет мне видеть все печальное и безобразное; остается лишь яркое и сияющее, в том числе мои друзья и соседи. Радости мои — острые и простые. Я люблю сидеть по вечерам и защищать явно несостоятельные идеи от логичных нападок знатоков, решать спичечные головоломки, слушать радиопередачу бейсбольных матчей, дурачиться с женой и дочерью и с нашим французским пуделем — хотя ему девять лет, больше пяти ему дать никак нельзя». Живет Тэрбер в собственном доме в окрестностях Корнуолл-Плейнс, в Коннектикуте.

Остроумие Тэрбера наложило заметный отпечаток на его эпоху, и многие критики не сомневаются, что его влияние будет сказываться еще в течение ряда лет. Его чаще всего цитируют в Америке, а его оригинальные рисунки ценятся так высоко, что владелец одного нью-йоркского ресторана, на стенах которого Тэрбер нацарапал какие-то фигуры, при переезде в другое помещение снес стены и взял их с собой. И «Животное, называемое мужчиной», и «Тайная жизнь Уолтера Митти» были переделаны в кинофильмы. Хотя Тэрбер и насмешливый наблюдатель жизненной панорамы, в нем нет ни ядовитости, ни раздражения. Он считает, что люди забавны, но не заслуживают презрения. Его отношение к ним несколько похоже на отношение брата-шалуна, который любит подтрунить над своими родными, но готов идти за них в огонь и воду. Он убежден, что юмор оказывает благотворное влияние на его соотечественников. «Юмор — серьезное дело, — говорит Тэрбер. — Я считаю, что юмор — часть нашего самого ценного национального достояния; мы должны сохранить его во что бы то ни стало».

Мотылек и звезда

Молодой и впечатлительный мотылек почувствовал однажды сердечное влечение к некой звезде. Он признался в этом матери, но та посоветовала ему влюбиться в уличный фонарь.

— Нечего увиваться за звездами, — сказала она. — Мало тебе фонарей?

Отец мотылька добавил:

— Мама права. Гоняясь за звездами, ты ничего не добьешься.

Но мотылек не обратил внимания на слова родителей. Каждый вечер в сумерки, когда звезда появлялась на горизонте, он вылетал ей навстречу и каждое утро с рассветом приползал домой, измученный бесплодной затеей.

Однажды отец обратился к нему с такими словами:

— Мой сын, до сих пор ты еще не опалил ни одного крыла, и похоже на то, что ты и не собираешься заняться таким делом. Посмотри на своих братьев — они закалены в огне уличных фонарей, а твои сестры все носят ужасные следы ожогов от домашних ламп. Пора и тебе пообжечься! Стыдно, такой большой, здоровый мотылек — и без единого шрама!..

Мотылек покинул отчий дом, но не для того, чтобы летать вокруг уличных фонарей, и не для того, чтобы кружиться вокруг ламп в гостиных. Он попрежнему пытался долететь до звезды, до которой было четыре с третью световых года или сорок триллионов километров. Мотылек же думал, что звезда застряла в ветках на верхушке вяза. Ему не суждено было добраться до нее, но он продолжал свои попытки из ночи в ночь. И когда он превратился в старого-престарого мотылька, ему стало казаться, что он и в самом деле долетел до звезды, и начал всем об этом рассказывать. Это доставляло мотыльку огромное удовольствие, и он дожил до глубочайшей старости. А его родители и братья и сестры — все погибли от ожогов в юном возрасте.

МОРАЛЬ: Кто выше нас подняться может, живет сегодня и завтра тоже.

О тигре, решившем стать царем

Проснувшись однажды утром в джунглях, тигр объявил своей супруге, что он царь зверей.

— Лев Лео — царь зверей, — возразила она.

— Нам нужны перемены, — отвечал тигр. — Звери требуют перемен.

Тигрица прислушалась, но, кроме требовательного крика собственных тигрят, ей не удалось расслышать никаких требований.

— К тому времени, как на небо взойдет луна, я стану царем зверей. И в мою честь луна будет рыжей с черными полосами, — сказал тигр.

— Да-да, — согласилась тигрица и отправилась присмотреть за детьми: один из них — кстати, очень похожий на отца, — вообразил, что у него в лапе застряла колочка.

Тигр пустился в путь по джунглям. У логовища льва он зарычал:

— Выходи и приветствуй царя зверей! Король умер, да здравствует король!

В логовище львица будила супруга:

— Вставай, тебя хочет видеть царь.

— Какой царь? — спросонья спросил лев.

— Царь зверей, — ответила львица.

— Я царь зверей, — зарычал лев и с этими словами бросился из логовища на защиту своей короны от самозванца.

Завязалась ужасная битва, и продолжалась она до самого захода солнца. Звери в джунглях разделились на две партии — сторонников тигра и приверженцев льва. И все животные — от землеройки до зебры — приняли участие в этой борьбе за низвержение льва или за отражение тигра, и многие не знали, за кого они сражаются, и многие дрались за обоих; некоторые бились со всеми, кто повернется под руку, а были и такие, которые дрались ради драки.

— За что мы боремся? — кто-то спросил землеройку.

— За старый строй, — отвечала землеройка.

— За что мы умираем? — кто-то спросил зебру.

— За новый строй, — отвечала зебра.

Когда взойшла луна — беспокойная и ущербная — она осветила безжизненные джунгли, безмолвие которых нарушалось только полными ужаса выкриками макао и какаду. Все звери были мертвы, за исключением тигра, но и его дни были тоже сочтены, и время было на исходе. Он вышел победителем, властелином всего, что мог охватить взором, но это его не радовало.

МОРАЛЬ: Мудрено быть царем зверей, когда зверей нет.

Философ и устрица

Одним прекрасным солнечным утром, по берегу моря прогуливался философ — из тех, кто ищет незаурядного объяснения собственной заурядности, — и набрел на лежащую на песке устрицу в раковине.

«Она свободна от сомнений, ибо у нее нет ума, — размышлял философ — у нее нет плеч, чтобы тянуть ляжку. Ей не придется восклицать: «Ах, эта мозоль на ноге замучила меня на смерть!» Она глуха ко злу, не интересуется телевидением и не изрекает глупостей. Ей не нужно беспокоиться об оторвавшейся пуговице, застрявшей застежке-молнии, растущей лысине и фальшивых зубах».

Философ испустил глубокий завистливый вздох.

«При определенных патологических условиях, ее организм — если можно назвать организм такую абсурдную аномальную аморфность — способен вырабатывать блестящие затвердения большой ценности или даже бесценные».

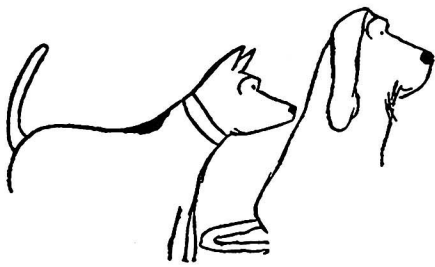
Философ опять вздохнул и продолжал:

«О, очнуться бы мне от бреда с бриллиантовой тварью на вспаленном челе! О, быть бы моему дому убежищем столь нерушимым и неприступным, как банковский сейф!»

Но как раз в этот миг пролетевшая чайка с криком устремилась вниз, ухватила устрицу когтями, поднялась с ней высоко в небо и разняла когти над огромной мокрой скалой. Ракушка и ее квартирантка разлетелись на мелкие кусочки. Среди них не было, однако, никаких ценных затвердений, ибо покойница отличалась превосходным здоровьем. Но даже если бы это было и не так, до сих пор еще ни одна устрица не разбогатела на своей жемчужине.

МОРАЛЬ: Считаю свои собственные блага и предоставь соседу считать свои.

Там, где нет телевидения, народ тоже гибнет.

Две собаки

Одной душной безлунной ночью из цирка сбежал леопард и исчез в трущобах темного города. На расследование этого инцидента начальник полицейских собак назначил немецкую овчарку, по имени Торопыга, и детектива-ищейку в штатском, по имени Копун. Копун был медлительным, методичным сыщиком, в противовес своему партнеру в форме, отличавшемуся неугомонностью и нетерпеливостью. Копун возглавил погоню за леопардом. Однако, вскоре, Торопыга буркнул:

— С такой скоростью мы и черепаху не догоним! — и, как борзая, стрелой помчался по следу. Он заблудился. Полчаса спустя Копун разыскал своего коллегу и наставительно сказал ему:

— Лучше медленно двигаться куда-нибудь, чем в спешке никуда не попасть.

— Спокойствие для покойников, — отвечал Торопыга. — Я даже во сне гоняюсь за котами.

— А я нет, — возразила ищейка. — Со следа долой — из сердца вон! Двигаясь далее, каждый по-своему, под безлунным небом, они обменивались правилами житейской мудрости.

— Чтоб дожить до следующего дня, умей в погоне свою прыть унять, — декламировал Копун.

— Другими словами, беги назад, — насмешливо заметил Торопыга.

— Я никогда не бегаяю, — сказала ищейка. — Пустое дело гнаться за котом, когда не хватает дыхания. Тем паче, если у кота здоровые легкие. Я до этого дошел своим умом. Они зовут это инстинктом.

— Ну, а меня учили делать то, что я делаю, и не делать, чего не делаю. И зовут это дисциплиной, — отвечал Торопыга. — Зато, когда я поймаю кота, ему крышка, — добавил он.

— Я не ловлю котов, я только отыскиваю их, — спокойно отвечал Копун.

Вдруг оба заметили впереди, в конце узкой улицы, неясно вырисовывающийся в темноте большой дом. Понюхав землю, ищейка сказала:

— След кончается вот тут, в двадцати футах от окна. Отсюда леопард, должно быть, прыгнул в дом.

Обе собаки заглянули в открытое окно темного и безмолвного дома.

— Меня учили прыгать в открытые окна темных домов, — сказал Торопыга.

— А я приучил себя не делать этого, — отвечал Копун. — На твоём месте я бы не задибался с леопардом. За исключением леопардовых шуб, я предпочитаю не иметь с ними дела.

Но Торопыга не слушал.

— Поехали! — бойко пролаял он и прыгнул в раскрытое окно темного и безмолвного дома.

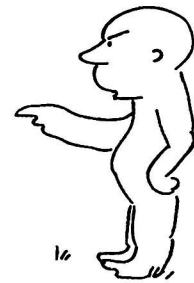
В тот же миг в доме поднялся страшный шум, в котором чутким ушам Копуна послышалось, будто леопард насильно переодевает Торопыгу в женское платье. Так оно в точности и случилось. Через минуту из окна кубарем вылетел Торопыга, переодетый женщиной, в шляпке и туфлях и с розовым зонтиком, торчащим из-под ошейника.

— Я почти что прижал его коленом к земле, — жалобно произнес смущенный Торопыга.

Старый сыщик вздохнул.

— Жить хочешь долго и отменно — не жми других к земле коленом, — пробормотал он на не совсем внятном английском, но зато на вполне понятном собачьем языке.

МОРАЛЬ: Не тот, кто злой судьбы боится, сумеет своего добиться.

Человек и динозавр

Как-то раз, много веков тому назад, Человек (конечно, с большой буквы) и динозавр (с малой) впервые встретились лицом к лицу в пустыне времени и глуши пространства. Словно окаменев, они долго стояли, настороженно и недоверчиво присматриваясь друг к другу. Что-то подсказывало динозавру, что перед ним предстала грядущая слава и ужас мира, и в тихом воздухе молодой планеты на него повеяло неизбежностью гибели.

— Привет тебе, дубина! — сказал Человек. — Ты видишь перед собой совершенного создателя будущего; представителя избранного рода; того, кто всех переживет; кого нельзя уничтожить; властелина всего, что видит твой взор и, к слову сказать, взоры всех остальных. С другой стороны, ты, несмотря на свои размеры, являешься — как это ни странно — всего лишь эфемерным курьезом. Ты — один из первых, не слишком удачных экспериментов Бога; сноски петитом в истории естествознания; музейный экспонат на удивление будущему Человеку; прекрасная иллюстрация юношеских исканий Иеговы.

Динозавр вздохнул, испустив звук, подобный раскату грома.

— Увековечение твоего рода, — продолжал Человек, — было бы и неразумно и бесполезно.

— Недостающее звено не пропало, — с тоской в голосе сказал динозавр. — Оно только прячется.

Не обращая внимания на обреченного динозавра, Человек продолжал:

— Если бы Человека не было, его нужно было бы создать, ибо пути Бога не только неисповедимы, но и непрактичны, и Он нуждается в помощи. Человек пребудет вечно, ты же исчезнешь вместе с мамонтом и мастодонтом, так как уродство — мать вымирания.

— Есть вещи и похуже вымирания, — кисло возразил динозавр, — например, быть тобой.

Человек с важным видом прошелся взад и вперед, разминая мускулы.

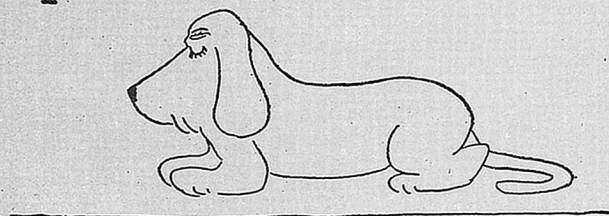
— Ты даже не в состоянии совершить предумышленное убийство, — сказал он, — так как для этого требуется ум. Ты можешь убить только непреднамеренно и случайно. Ни ты, ни тебе подобные не способны придумывать и совершенствовать методы эффективного уничтожения собственного рода, в то же время изобретая все более чудодейственные способы его сохранения. Тебе никогда не дожить до двухпартийной системы, многопартийной системы и однопартийной системы. Ты давно уже сгинеешь со света к тому времени, когда я превращу этот мир в лучший из всех возможных миров, как бы ни были возможны все остальные. Ты же и на наивысшей ступени эволюции не смог бы до того развить клетки мозга, чтобы доказать виновность невинных даже после их оправдания. В тебе все никуда не годится — и череп, и пах, и печень. Однако, я уже потратил на тебя достаточно времени. Вот этими пальцами, которыми Бог наделил меня — и теперь, вероятно, жалеет, что не оставил их Самому Себе, — мне пора начинать создание замечательных произведений обо Мне, которым суждено заполнить сотни миллиардов томов. Они расскажут о войне, смерти, завоеваниях, упадке, падении, крови, поте, слезах, угрозах, предупреждениях, похвальбах, безнадежности, о преисподней, подлецах и проститутках. О тебе же, о твоей родне и о тебе подобных там будет говориться довольно скупно, ибо что собственно представляешь собой и ты, и твоя родня, и тебе подобные? Прощай, — сказал в заключение Человек, — я поспежу за тем, чтобы твоему роду были устроены скромные приличные похороны с панихидой.

Как выяснилось позже, Человек оказался прав. Динозавр, и вся его родня, и все ему подобные вскоре исчезли с лица земли. Но умерли они со странной улыбкой удовлетворения — или чего-то в этом роде — на эфемерных мордах.

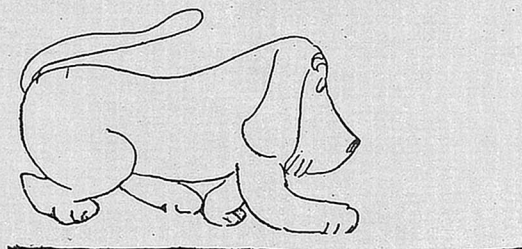
МОРАЛЬ: Самым замечательным и достойным изучения объектом является Человек, — говорит Человек.

ИЩЕЙКА И ЖУЧОК.

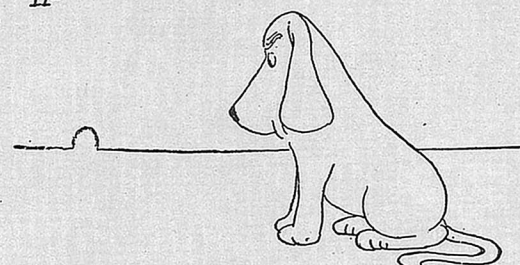
1

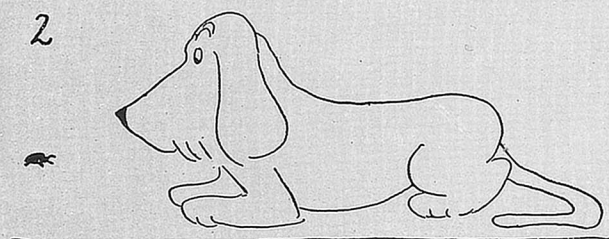
7

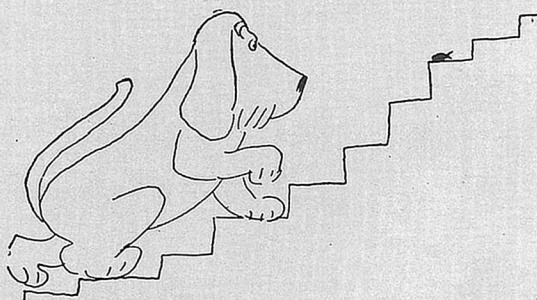
11½

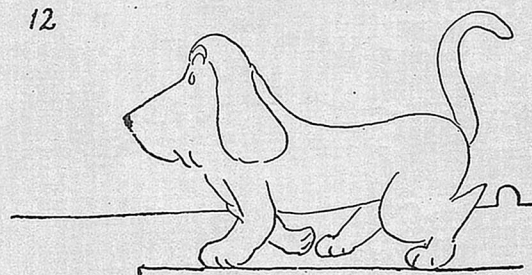
2

8

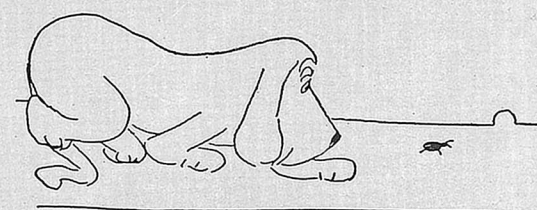
12

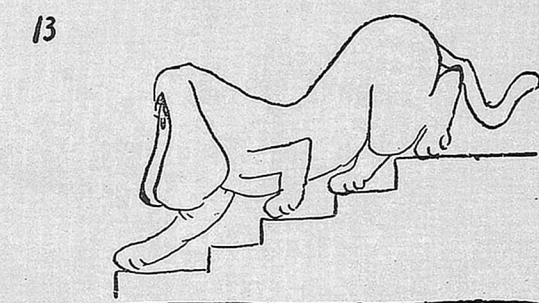
3

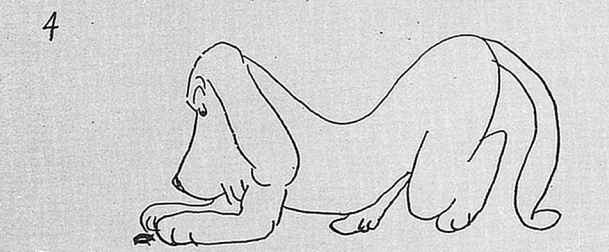
9

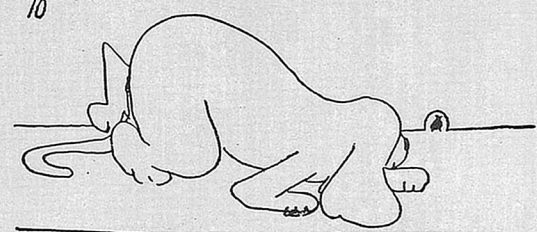
13

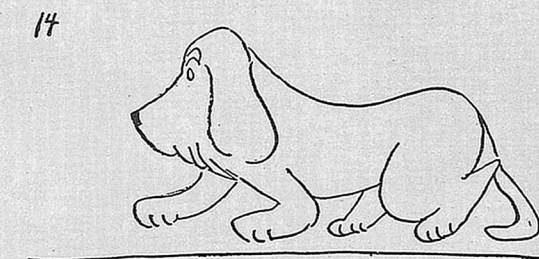
4

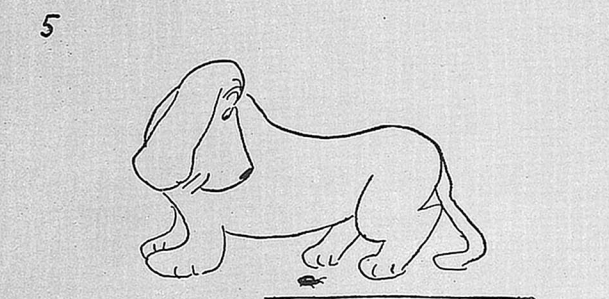
10

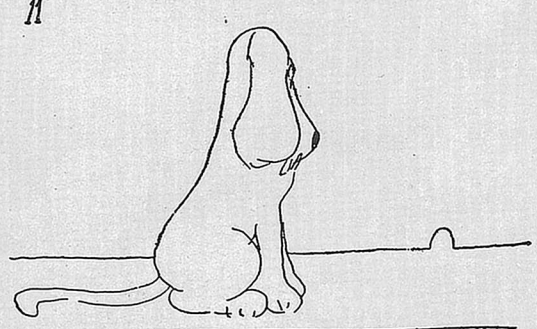
14

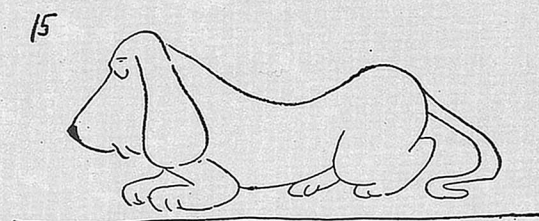
5

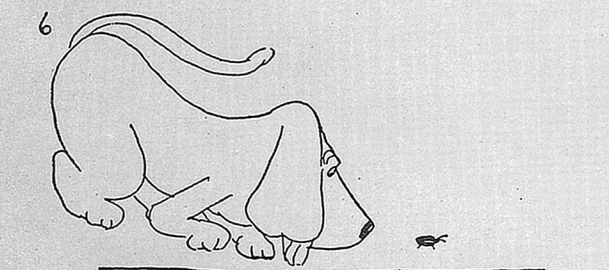
11

15

6

16

